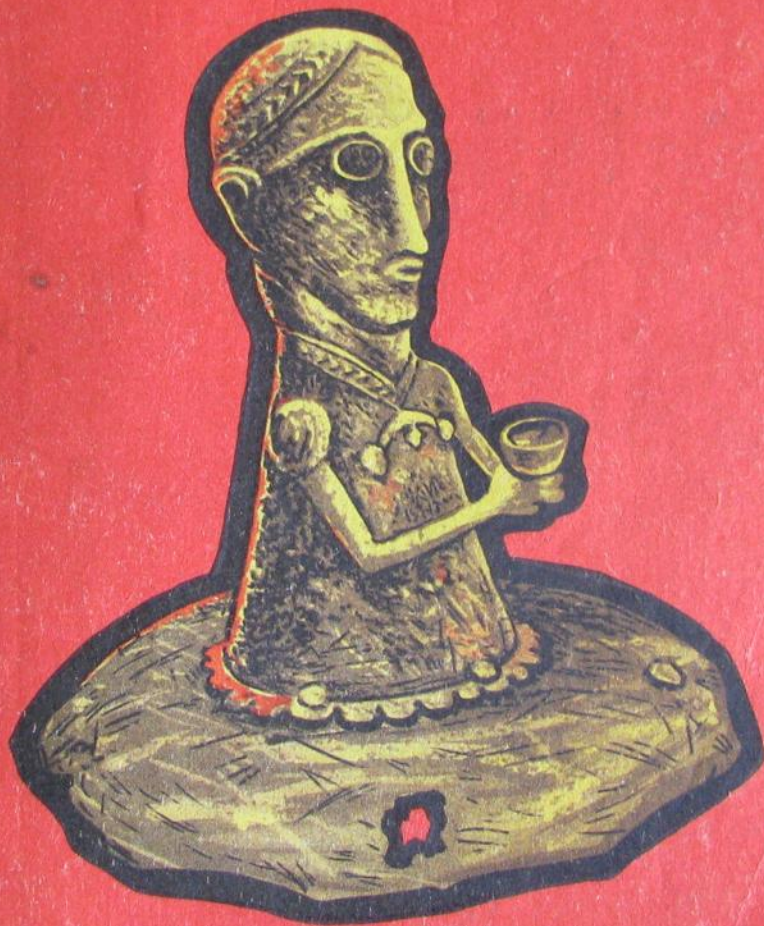

В.Б. ВИНОГРАДОВ

ТАЙНЫ
МИНУВШИХ
ВРЕМЕН

В. Б. ВИНОГРАДОВ

ТАЙНЫ МИНУВШИХ ВРЕМЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1966

Ответственный редактор
доктор исторических наук
К. Ф. СМЕРНОВ

1-6-2
56-66

К читателям

На границе двух материков — Европы и Азии, на перекрестке важнейших военно-торговых путей древности лежит Центральный и Северо-Восточный Кавказ.

На его территории расположены ныне братские автономные республики — Дагестанская, Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская, Кабардино-Балкарская — и районы Ставропольского края. Ландшафт этой страны разнообразен и богат, как многообразна и сложна ее история, уходящая в глубь тысячелетий.

Степные равнины Предкавказья топтали копыта коней многих кочевых народов. Скифы и сарматы, гунны и хазары, половцы и монголы век за веком, орда за ордой, сменяя друг друга, проходили здесь. Многие из них прочно осваивали степи, надолго избирая их местом своих кочевий. Всмотритесь в степные просторы: они холмятся от курганов — могил давно исчезнувших племен и народов. Самые древние из них появились еще на заре века металла (III тысячелетие до н. э.), а последние сооружены каких-то 300 лет назад. И высятся они, овеянные легендами, напоминая о суровых и героических временах, о переселениях народов, о жестоких битвах и, наконец, о людях — наших предках.

По степям текут реки. Бешеные и неуправляемые в верховьях Терек, Суэжа, Малка, Асса, Аргун, прорезав ущельями могучие хребты, вырываются на плоскость и, сливаясь воедино, привольно и уже не спеша катят свои воды к седому Каспию. Эти реки служат нам, людям XX века, как огромный источник энергии, как основа широкой сети оросительных каналов. Как кормилицы, как

водные пути, как преграды для врагов они нужны были и нашим предкам 5, 10 и 30 столетий назад.

По плодородным берегам рек бесконечными цепями тянулись поселения тех оседлых племен, которые испокон веков предпочитали кочевому раздолью скотоводство степняков благородный труд земледельцев. Не раз орошала кровь речные берега: пришлые степняки сжигали жилища оседлых племен, стирая с лица земли поселения, городища, хутора. Но проходило время, и вновь оживали поселения. Потомки прежних обитателей, или другие земледельческие племена, или нередко внуки и правнуки бывших кочевников оседали здесь. И снова курились дымки над хижинами поселков, снова падали зерна в возделанную землю речных террас, обещая богатые урожаи трудолюбивым сеятелям.

Валы и рвы древних городищ ныне оплыли, заросли травами и почти не заметны неопытному глазу. Курганы вокруг них распахиваются, а грунтовые могильники оседло-земледельческих племен и вовсе не видны. В них укрыто много тайн прошлого края и его населения.

Южнее степей раскинулись горы Кавказа. Уже в каменном веке люди впервые заселили их, и с тех пор ущелья и хребты стали местом рождения, жизни и смерти для тысяч поколений горцев — предков современных вейнахов (чеченцев и ингушей), дагестанцев, кабардинцев. Горы служили убежищем, куда отступали племена равнин под натиском степных полчищ. Горы — крепость, и, как в настоящей крепости, здесь все из камня. Камнями засыпаны и обложены древние могилы, из каменных плит построены гробницы-склепы, на головокругительной высоте скал и в узких горных проходах молчаливо застыли боевые башни, замки, стены, сложенные из крепчайших пород камня. Каменистые почвы гор плохо кормили своих сынов. Зато в избытке поставляли они надежный и долговечный оборонительный материал, увековечивший страшное проклятье войн и междоусобиц, потрясавших эти места.

Бывают края, что недвижны
веками,

Зарылись во мглу да мох.

Но есть и такие, где каждый
камень

Гудит голосами эпох,

Где и версты по горам
не проехать,

Не обогнуть мыс,

Чтоб скальная надпись

иль древнее эхо

Не пробуждали мысль,

Чтобы, пройдя сквозь туманы столетий,

Яснее дня становясь,

Вдруг величайшая тайна на свете

не окликала вас...¹

Илья Сельвинский писал эти стихи не о Восточном Предкавказье, но они невольно приходят на ум, когда знакомшься с этим краем.

Дагестан иногда называют «горой народов». С полным правом это имя приложимо и ко всему Центральному и Северо-Восточному Кавказу. В дружной семье многонациональной Страны Советов здесь живут и трудятся кумыки и аварцы, русские и ногайцы, чеченцы и ингуши, осетины и кабардинцы. И не столь уж важно сейчас, кто из этих народов коренные жители гор, а чьи предки пришли сюда века или тысячелетия назад. Для всех них эта область Кавказского перешейка — Родина, часть великого Советского Союза.

Родина — это многотысячелетняя история, долгий и трудный путь, проделанный дальними и близкими предками по тропам столетий и эпох. Извилистый, противоречивый и закономерный путь исторического прогресса помогает нам лучше разобраться в сегодняшних наших проблемах, позволяет предугадывать будущее человечества. И нам ли, советским людям, не чтить священной памяти древних и новых народных героев, нам ли не хранить сведения о ранних этапах собственной истории или истории братских народов, нам ли не восхищаться прошлым величием своей Родины, без которого не было бы величия нынешнего!

«Седая древность» при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей,

которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям»².

Все, что остается в памяти, в мыслях и чувствах поколений, бессмертно. И чтобы время и неудержимый ход событий не стерли из сознания потомков славных страниц истории народов, ученые-археологи изучают памятники материальной культуры. Археологи умеют заставить «говорить» опустевшие поселения и городища, заброшенные боевые башни и крепости; они понимают неведомые другим людям рассказы древних могильников и мавзолеев; им доступны многие тайны прошлого, из которых и складывается история.

Каждый памятник седой старины, каждая отдельная вещь достойны уважения в глазах потомков, так как за ними стоят их создатели — люди, общество, эпоха, с приключениями и радостями, открытиями и заблуждениями, с тревогами и надеждами, с тяжким трудом и особенностями миропонимания. Археология — вовсе не сухое вещеведение, не бесстрастный холодный аналитик «допотопных диовинок», как полагают еще некоторые заскорузлые умы. Она — важный раздел исторических дисциплин, ибо абсолютно преобладающая часть истории человечества на нашей планете воссоздается только или преимущественно по данным археологии.

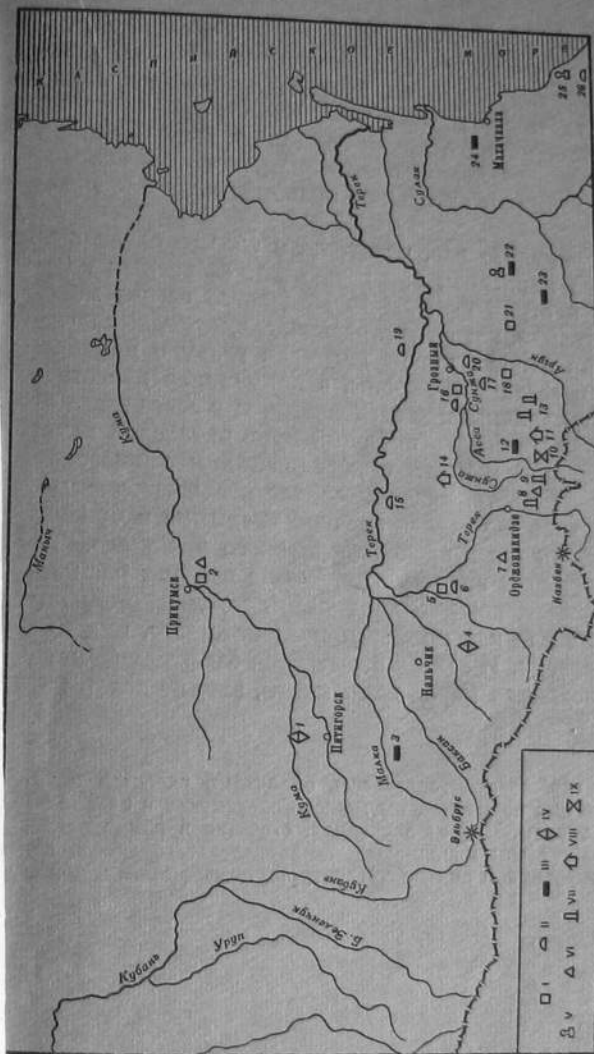
И все-таки одна археология не всеильна.

У набардинского поэта Алима Кешокова есть стихи:

Как лезвие меча, история
длинна,
Но память коротка ее,
как рукоять.
Послужит лишь тому оружием
она,
Кто сможет рукоять
в своей руке зажать³.

(Перевод С. Дипкина)

Для того чтобы советские люди глубже познали историю народов и стран, археологи работают в тесном сотрудничестве со специалистами других наук. И эта книга, посвященная древностям Центрального и Северо-Восточного Кавказа, тоже никогда не была бы написана, если бы вместе с археологами не трудились этнографы и лингвисты,

Карта расположения основных археологических памятников, о которых пойдет речь в книге

I — поселение, городище, город; II — могильники приречных племен (скифов, сарматов, алан); III — могильники исконно кавказских племен; IV — кладбища, древние захоронения; V — отдельные находки; VI — башни, крепости, замки; VII — найденные следы; VIII — Абадзгское городище; IX — храм святилища; X — Вештау; XI — Маджары; XII — Дзержинск; XIII — Маджары; XIV — Тхаба-Ерзи; XV — Эрзи; XVI — Боржа-Каш; XVII — Братское; XVIII — Алхазурское; XIX — Черкесленка; XX — Пригородное; XXI — Сергиев-Юрт; XXII — Галайты; XXIII — Шуши; XXIV — Тирин; XXV — Дербент; XXVI — Налласырт

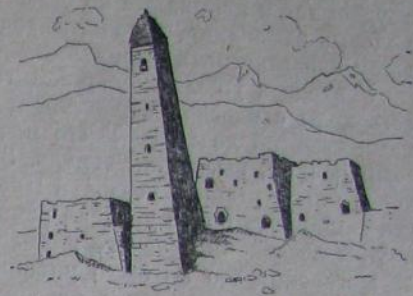
филологи и фольклористы, а также представители многих других дисциплин и специальностей.

Но не пишите в книге последовательного и всеобъемлющего освещения прошлого. Она не учебник и не специальный труд, претендующий на систематическое и полное описание известных материалов. Из огромной массы изученных памятников и ярких событий я выделил лишь некоторые, руководствуясь собственным научным вкусом, а также неоспоримым авторским правом выбора объектов рассказа.

Пусть не удивляет вас, читатели, и то, что некоторые разделы книги написаны, как говорится, «в разных ключах». Форма и стиль изложения диктуются самим материалом, а материал, которым я располагал, «укладывался» иногда в жанр очерка, порою диктовал главу о научном поиске, а то и заставлял вносить в популярное повествование элементы анализа и исследования. И у всего этого — одна цель: заинтересовать широкий круг читателей историей Кавказа, познакомить с достижениями кавказской археологии, рассказать, над чем сейчас работают ученые, и — самое главное — усилить любовь, уважение и чувство бережного отношения к наследию далекого прошлого.

Тайны минувших времен... Далеко не все они раскрыты, и, быть может, кому-то из вас придется в будущем разгадывать их или как профессионалу-историку, или как любителю-краеведу. И если к этому хотя бы в малой мере побудит вас лежащая перед вами книга, значит автор писал ее не зря*.

* Если вы глубже заинтересуетесь объектами рассказа и захотите узнать о них подробнее, вы можете обратиться к специальным научным трудам. Цифры в скобках, стоящие в конце разделов и глав, укажут вам порядковый номер соответствующего исследования в алфавитном списке литературы, помещенном в конце книги.

Встающие из забвения города

Лишь в самые последние годы так называемые бытовые памятники (поселения, стоянки, городища) стали на Северо-Восточном Кавказе объектом тщательного изучения. Самые полные и правдивые сведения о хозяйстве, быте, культуре прошлых эпох можно почерпнуть именно из исследования бытовых памятников. И вот из недр земли один за другим поднимаются древние поселки и города, и каждый из них в умелых руках ученых ведет взволнованный рассказ о своей судьбе, о возникновении и гибели своей. Говорить о них всех нет ни малейшей возможности, но о некоторых нельзя умолчать.

Его уничтожили скифы

Просматривая научные отчеты Северо-Кавказской археологической экспедиции за последние 8 лет, внимательный читатель заметит фразу, которой ежегодно завершается описание раскопок известного древнего поселения вблизи

современного селения Сержень-Юрт в Чечено-Ингушети. — «Раскопки будут продолжены». В 1958—1959 гг. Р. М. Мунчаев, в 1960 г. Н. Я. Мерперт и, начиная с 1961 г., Е. И. Крушов и В. И. Козенкова ведут здесь очень трудоемкие и небывалые по размаху на Северном Кавказе полевые изыскания, и каждый год наука обогащается новыми блестящими материалами.

У входа в ущелье бурливой горной речки Хулхулау есть холм с плоской вершиной и почти отвесными склонами высотой до 18 м. У его подножия некогда бил чистый родник, высохший теперь. За холмом — лес и горы, перед ним — степное раздолье Предкавказья, чуть восточнее — широкое плато древней речной террасы, служившее местом поселения древнего племени.

Поселение это не было укреплено. К чему возводить сложные системы валов и рвов, пускаться в фортификационные хитрости, когда на краю поселка самой природой создано естественное убежище. На холме собиралось все население поселка во время вражеских набегов; с вершины холма люди не раз отбивали атаки недругов.

В убежище все было подготовлено для долговременной осады. Правильными рядами тянулись легкие постройки. Пол их ровно утрамбован и иногда выложен обломками битой посуды. Фундаментом служили камни, на которые опирались турлучные стены (плетни, обмазанные глиной). Далеко в веках затерялось рождение этого приема местного домостроительства, сохранившегося до наших дней. И сейчас еще можно видеть в кавказских селениях строящиеся дома, основания стен которых состоят из булыжников, а турлучные стены обмазаны землей.

Жилища были небольшие, овальной формы. Прямая друг к другу, они составляли жилой комплекс. За стенами дома располагался жертвенник для отправления культовых церемоний. Здесь люди обращались к богам со своими просьбами, приносили им в дар животных и плоды земли.

Обитатели поселка заботились о его благоустройстве. Вдоль домов пролегалі замощенные крупным гравием и булыжником улицы (шириной до 2,5 м), кончавшиеся узенькими тропинками к крайним строениям. Некоторые дома были специально предназначены для мастерских и теперь по соседству с ними находят соответствующие инструменты, горны, заготовки, производственный брак

и готовую продукцию древних гончаров, металлургов, костерезов.

Но главной особенностью убежища было огромное количество ям-хранилищ. Мелкие (30—50 см) и глубокие (до 1,5—2 м), отделанные обожженной глиной или просто с заглаженными стенками, эти ямы служили кладовыми в тревожное время войн и опасностей, когда холм принимал жителей нижнего поселения.

Во время раскопок убежища — в развалинах строений, на вымостках улиц и в обрушившихся ямах-погребах — археологи нашли разнообразные предметы. Тут и вещи хозяйственного обихода и быта, и оружие. Много лепной глиняной посуды (керамики), бронзовые украшения, металлические серпы, ножи, наконечники стрел, различные изделия из кости, глины, камня стали «добычей» ученых. Некоторые из этих предметов особенно интересны. Таковы глиняные штампы в виде современных канцелярских печатей, так называемые пятадеры (от испанского «pintaderas» — раскрашивать). Их рабочие части украшены врезными рисунками, чаще всего представляющими символическое изображение солнца. Оттиски пятадер украшали ритуальные хлебцы и сыры (как это до недавнего времени наблюдалось у хевсур, чеченцев, азербайджанцев и других народов Кавказа), а некоторые, самые изящные и тщательно выполненные узоры, использовались для татуировки тела священными рисунками.

Масса костей домашних (крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь) и диких (благородный олень, косуля, вепрь, медведь) животных подтверждает занятия населения скотоводством и охотой. Частые находки зерноотерок, роговых мотыг, остатков зерен пшеницы двух сортов, проса, ржи, ячменя, желудей, косточек кизила и дикого винограда свидетельствуют о земледелии и собирательстве местного племени.

В 0,5 км к западу от холма-убежища открыт грунтовой могильник — кладбище жителей поселения.

Кто же и когда жил в поселке? Кому обязаны археологи столь выразительным и интересным памятником?

Вдохновитель сержень-юртовских раскопок начальник экспедиции Евгений Игнатьевич Крушов так отвечает на эти вопросы: по всем данным можно утверждать, что местное племя было носителем древней и весьма известной в археологических кругах всего мира, так называемой

кобанской культуры*. В I тысячелетии до нашей эры она бытовала на территории Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Пятигорья. В районах Чечни она была до недавнего времени неизвестна. Тем важнее оказываются материалы из Сержень-Юртовского поселения.

В характерных особенностях этой культуры прослеживаются глубокие истоки культур многих современных народов Северного Кавказа, в том числе осетин, чеченцев и ингушей. Сержень-Юртовский поселок существовал в период между X и VII вв. до н. э., т. е. почти 2800 лет назад. Кстати, эта дата, установленная археологами, была подтверждена и радиоуглеродным (по степени распада углерода — C^{14}) анализом древесного угля из поселения.

Итак, исконно местное племя жило в поселке на протяжении более чем 300 лет. Но почему оно покинуло его, предоставив времени и природе надолго укрыть в земле следы древнего поселения?

Раскопками Сержень-Юртовского холма была вскрыта картина внезапной гибели убежища. Поселок погиб в бою, в сражении со степными полчищами скифов. Это произошло в середине VII в. до н. э., когда кочевые орды скифов и их союзников-савроматов устремились через Северный Кавказ в Переднюю Азию, чтобы принять активное участие в борьбе древних государств — Ассирии, Мидии и Урарту. Один из отрядов скифов и обнаружил поселение. Степняки окружили убежище, обстреляли его из луков и попытались взять штурмом. На это прямо указывает расположение скифских бронзовых стрел по окраинам холма (в основном в северной напольной части) и вблизи входа в поселок, т. е. в наиболее уязвимых местах. Первый натиск врагов был отбит.

Можно себе представить следующую картину. Ночью перед генеральным штурмом поселок был неспокоен. Жители его — одни забылись тревожным сном, утомленные тяжким ратным трудом; другие работали и ночью. Гончары лепили и обжигали глиняные ядрища, которые вместе с круглыми камнями служили снарядами для излюбленного оборонительного оружия кавказцев — пращи. Костерезы пополняли колчаны защитников селения наконеч-

* Как это принято в археологии, кобанская культура получила свое название по имени населенного пункта (Верхний Кобань) близ которого были открыты яркие памятники этого типа.

Находки на Сержень-Юртовском убежище: глиняные статуэтки животных, сосуд, бронзовый наконечник стрелы скифского типа, бронзовая булава и вещи из клада (гагатовые бусы, бронзовые браслеты, подвеска, шейная гривна)

никами стрел из кости, ремонтировали ножны и рукоятки кинжалов, футляры для луков (гориты). Ближе к восточному краю холма расположилась литейная мастерская. При свете горнов и костров здесь кипела напряженная работа. Местные оружейники одну за другой заполняли расплавленной бронзой формы для длинных черешковых стрел. Мужчины-воины готовились к бою.

В эту ночь, по-видимому, ни на минуту не гас огонь жертвенников. У богов просили помощи, щедро задабривая их приношениями: археологи нашли на жертвенном месте обгоревшие кости домашних животных. Богам вверяли люди судьбу своего поселка, и, как бы символизируя это, в священный огонь были брошены миниатюрные сосудики, глиняные статуэтки животных, крошечная льялка для разлива бронзы, зерна пшеницы, деревянная моделька повозки, от которой сохранились лишь два глиняных колесика. Жрецы ободряли людей, растолковывая добрые знамения, которые чудились им.

А там, в стороне, слышны громкие рыдания. В первые же минуты осады погиб соплеменник. Это еще совсем ребенок, но погиб он как мужчина — с пращей в руках. Его бы надо похоронить на общем кладбище, но враги пе-

рекрыли все тропки. Вон их костры ярким кольцом огня оцепили холм. Мальчика относят к западному — самому крутому и труднодоступному склону холма (может быть, он и оборонял его, пока зрелые воины отбивали основные силы врагов у входа в поселок?) и укладывают в неглубокую могилу в соответствии с дедовским погребальным обрядом: скорченно, на боку, головою к востоку. Вместе с ним опускают единственное каменное ядрище для пращи и горстку поджаренных желудей (оружие и продукты приходилось беречь). Безутешно плачет мать. А отец только крепче сжимает оружие, и горе тому, кто утром встретится с ним в смертельном поединке.

Рассвет уже близок, и вместе с ним приближается решающий штурм. Вот зашевелился лагерь скифов. Косматые всадники на разгоряченных конях подъезжают вплотную к поселку. И снова поют свою лютую песнь стрелы, снова стонут раненые, и проклятья разносятся далеко окрест.

Ужасна атака разъяренных вчерашней неудачей степняков. Жарким пламенем запылали легкие хижины, подожженные стрелами с горящей паклей. Огонь охватил вершину холма и прижимает защитников к краям поселка. А тут стрелы, стрелы, стрелы... В смерче искр рупатся жилые дома, мастерские, заваливая своими обломками ямы-хранилища, и никому уже никогда не будут нужны обуглившиеся запасы зерна, туши скота, заботливо припасенные винок жителями.

Паника охватила защитников. Вот кто-то, еще до конца не осознав всей глубины трагедии, постигшей племя, пытается зарыть в землю «до лучших времен» клад бронзовых украшений. Напрасные старания. Этот человек больше не вернется за своим сокровищем, и только спустя тысячи лет археологи извлекут из тайника прекрасные браслеты, шейную гривну, перстни, серьги, подвески и бусы.

Люди поселка еще надеются отстоять свои дома. Старый мастер-литейщик спешит вынести из пылающей мастерской тигли и льячки из огнеупорной глины, песчанниковые формы для отлива стрел. Сейчас оружие — главное для защитников, и мастер еще надеется послужить племени. Увы, поздно...

У входа в поселок слышны яростные крики. Последние минуты неистовой обороны — и враг по трупам защит-

ников врывается на холм. Молодая женщина бежит прочь от нахлынувшей толпы скифов, срывая на ходу тяжелую шерстяную накидку-плащ, стесняющую движения. На землю падает великолепная бронзовая булава с навершием в виде двух конских головок. Она не была замечена грабителями и теперь попала в руки археологов. А неподалеку небрежно брошены бронзовая бритва и щипчики для выдергивания волос бороды. Это никчемные вещи для скифов, у которых достоинство мужчины в окладистой бороде и длинных нестриженных волосах. Победители-скифы разборчивы — ведь в их руках богатый поселок, где всё, включая плененных защитников, теперь их собственность.

Кочевая орда вскоре ушла дальше. Но долго еще дымились пожарища на разгромленном Сержень-Юртовском холме, и ветер перегонял тучи пепла по завалам обгоревших жилищ, над перекрытиями так и неисчерпанных ям-хранилищ, над десятками утерянных, спрятанных, брошенных за ненадобностью древних предметов. Им суждено долго ждать своего часа, чтобы предстать перед судом науки...

Это лишь один эпизод истории Сержень-Юртовского поселка. Один из многих. Сколько еще неведомых страниц истории поселка и его обитателей сохраняет земля! Поэтому-то, восхищаясь исследованиями здесь археологов, радостно читать в отчетах: «Раскопки поселения будут продолжаться. Завершить работы на нем является делом наипервейшей важности» (6, 14).

Город на берегу Сунжи

Это место у чеченцев зовется «Гуларийн саьнгарц» — Куларинские рвы. У археологов оно известно под названием Алханкалинского городища. Оба названия верны — памятник находится по соседству с большим селением Алхан-Кала, на левом берегу Сунжи, а из лежащего на противоположном берегу аула Кулары и впрямь видны огромные рвы, опоясывающие древнее городище.

Открыл его в 1888 г. председатель Археологической комиссии А. А. Бобринский. С тех пор городище и раскопанный вокруг него на многие километры курганный некрополь привлекали внимание многих археологов. В до-

Городище Алхан-Кала (выступающий слева мыс — «Холм двух братьев», а отрезанная рекой возвышенность — «Бабушкина горка»). Снимок сделан от внутреннего рва городища

военные годы здесь провели раскопки археологи А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, в 1945 г. памятник обследовали Т. М. Минаева и Н. И. Штанько, впоследствии на городище побывали Е. И. Крупнов, М. П. Севастьянов, и, наконец, недавно, после нескольких предварительных посещений мне довелось вновь раскапывать этот давно покинутый город.

Городище занимает участок более 1 км. Оно обнесено рвами и валами. Первый ров глубиной до 9 м составлял наружную ограду. На его внутреннем валу А. А. Бобринский еще застал остатки каменной стены, но до наших дней она не сохранилась. На 130—140 м внутрь площади памятника, параллельно внешнему рву, идет второй ров глубиной в 2,5 м. Оба рва с двух сторон доходят вплоть до неприступного 20-метрового обрыва над поймой Сунжи.

Городище постоянно разрушается рекой. На памяти местных старожилов размыты и уничтожены значительные участки памятника, а во время моего последнего 40-дневного пребывания тут дважды в тучах пыли с грохотом падали в Сунжу огромные отслаивающиеся куски глиняного берега. За тысячелетия река преуспела в борьбе с городищем. Она прорезала его насквозь и отделила от основной территории укрепления холм с крутыми склонами и плоской вершиной. Некогда он соединялся с остальным городищем и представлял собою длинный выступ террасы.

Археологи сходятся во мнении, предполагая, что этот обширный бытовой памятник — один из крупнейших в Центральном Предкавказье. Но не только величина объекта поражает ученых. Алханкалинское городище дает яркие материалы трех важнейших эпох местной истории: начала раннего железного века (VII—IV вв. до н. э.), сарматского времени (I—IV вв. н. э.) и раннего средневековья (V—XII вв. н. э.).

Давайте же, опираясь на сумму известных науке материалов, проследим развитие этого интересного памятника, заглянем внутрь его укреплений, окинем мысленным взором историю древнего города.

Вначале было небольшое поселение. Местное племя, облюбовав удобный мыс высокой речной террасы, поселилось здесь. Река давала рыбу, вокруг раскинулись вполне пригодные для земледелия поля, а дальше — вплоть до Сунженского хребта, что синее в отдалении, — прекрасные угодья для выпаса скота. И вот первые следы жизни человека отложились на крутом сунженском берегу. К сожалению, для ученых они почти не сохранились. Племя заселило тот длинный террасный выступ, что ныне совсем размыт рекой. Вода унесла или погребла в илистом дне культурные остатки первого этапа жизни памятника. Но не все.

В обнажениях обрывов, разделенных рекой на части, археологи довольно часто находят обломки лощеной темносерой лепной посуды, украшенные налепными валиками разнообразных форм. Такие находки датируются серединой I тысячелетия до н. э. В 1960 г. при осмотре отдельной стоящего холма мне посчастливилось найти небольшую пинтадеру, очень близкую сержень-юртовским штампам X—VII вв. до н. э. Как ни эпизодичны данные материа-

лы, они достаточны для вывода о заселении территории примерно в VII—V вв. до н. э.

Затем жизнь на берегу Сунжи временно прекратилась. Е. И. Крупнов справедливо связывает этот факт «с увеличивающейся опасностью нападения со стороны степных полукочевых племен, с началом мощного проникновения на Северный Кавказ сарматских племенных групп из Подонья и Нижнего Поволжья».

Но верно говорят в народе: «свято место не бывает пусто». На рубеже новой эры сами воинственные кочевники сарматы, особенно ведущее племя аланов, начинают переходить к оседло-земледельческой жизни. Они выбрали для своего поселения тот же удобный и живописный участок сунженского побережья.

Теперь поселение стало куда больше. Оно вышло за пределы узкого мыса и широко раскинулось по террасе. Новые обитатели позаботились и об укреплении поселения. Губеж новой эры — «смутное время» в местной истории. Сарматские племена враждуют друг с другом, и все вместе находятся в напряженных отношениях с племенами живущими за Сунжей. Поэтому каждый поселок — крепость, и длинная цепь таких крепостей-городищ протянулась по левому берегу Сунжи, надежно прикрывая свои ми валами и рвами степные районы от возможных нападений недружественных горцев.

Но вскоре отношения с горцами наладились. И тогда оказалось, что центральное в ряду сунженских укреплений Алханкалинское городище, лежащее на стыке степей и лесистых предгорий, на местности, удобной и для земледелия, и для скотоводства, закономерно стало политическим, торговым и ремесленным центром для соседних сарматских и кавказских племен. Сунженские берега олашались теперь не криками вражды, а торговыми сносами. Скотоводы — степняки и горцы — предлагали здесь свои богатства (мясо, шкуры, шерсть, ремесленные изделия и т. д.), и взамен им из распахнутых ворот городища кузнецы выносили прочные и острые железные стрелы и мечи, гончары — добротную сероглиняную посуду, ювелиры — предметы из бронзы, серебра, золота.

В раскопочных материалах сарматская эпоха представлена большим количеством находок. Многочисленные образцы сарматской керамики I—IV вв. н. э. (миски, кубки, горшки), биконические глиняные прислица для

веретен, редкие обломки античных амфор и краснолаковых сосудов (свидетели связей с причерноморскими районами Кубани), утерянные бусинки и бронзовые застегки-фибулы документируют значительное увеличение площади памятника на террасе. На глинобитном полу жилища II—III вв. н. э., раскопанном Г. В. Подгаецким в 1938 г., были найдены зерна проса, а неподалеку — в хозяйственной яме — зерна пшеницы. И как не вспомнить здесь рассказ римского автора I в. н. э. Плиния Секунда о том, что излюбленная пища сарматов — просо, из которого они готовят белую кашу и очень вкусный хлеб, а иногда питаются даже сырой просяной мукой, «примешивая к ней кобылье молоко или кровь из голенных жил».

Между прочим все перечисленные предметы сарматского времени, найденные на городище, имеют точные параллели в курганных могилах, которые высются тут же за валами укрепления (несколько курганов было раскопано Г. В. Подгаецким в 1938 г.). Это понятно: ведь курганные усыпальницы — могилы жителей городища — алан.

Новый этап жизни древнего города, период его расцвета падает на раннее средневековье.

Врывающиеся в Европу и на Кавказ одна за другой волны враждебных тюркоязычных кочевников — гуннов (IV в.), хазар (VI—VII вв.), половцев-кипчаков (XI в.) и других — привели к резкому притоку населения за степные городища. В связи с этим вновь расширилось поселение и появилась необходимость новых фортификационных сооружений. Именно к этому периоду относится строительство глубокого и широкого внешнего рва и, возможно, каменной стены на валу, остатки которой видел А. А. Бобринский. Городище раскинулось теперь на огромной площади, а курганный некрополь вокруг него насчитывает несколько тысяч погребальных насыпей. По-прежнему — это крупный экономический центр основных обитателей городища — алан, связывающий население гор и тюркоязычных степняков. Кроме того, едва ли может вызывать сомнение, что такое значительное поселение было резиденцией аланского вождя — предводителя окрестных племен.

Археологи знают: если на поселении есть особо укрепленная часть (цитадель) — значит процесс социально-экономического расслоения у местного этнического коллектива зашел далеко и привел к выделению из среды

общины господствующей семьи (или семей). На Алханкалинском городище цитаделью стало место древнейшего поселка VII—IV вв. до н. э. Возвышающийся над местностью мыс со стороны поля огораживается мощным рвом шириною в 40 м и глубиной в 8—9 м. Аланская аристократия, построив цитадель, обезопасила себя не только от нападения иноземных врагов, но и от собственных сородичей.

Столь большое и отлично укрепленное поселение — целый город — должно было оставить память о себе в сообщениях современников. Но здесь мы вступаем в сферу чистых гипотез. Арабский географ X в. Масуди упоминает аланскую столицу «город Маас (Магас)». Он не сообщает подробностей ее местонахождения, но, поскольку город назван вслед за описанием Дагестана, можно предположительно поместить его на территории Чечено-Ингушетии. Кое-что дают и русские документы. По летописям, новгородский князь Георгий, сын Андрея Боголюбского, был изгнан с княжения и бежал к родственникам своей матери — ясыни (ясы — русское название алан) на реку Сунжу (по другим вариантам — Суджу или Сунджу). Не является ли Алханкалинское городище «городом Маасом (Магасом)» на реке Сунже, куда бежал изгнанник-князь, будущий супруг грузинской царицы Тамары?

Не все загадки прошлого отгаданы ныне. Вот и еще одна ждет своего решения...

Эпоха раннего средневековья неизмеримо богаче представлена археологическими находками в раскопках. Несколько перекрывающих друг друга строительных горизонтов свидетельствуют о густой и непрерывной заселенности городища. В культурном слое этого времени — тысячи разбитых сероглиняных сосудов, сошедших с гончарного круга местных мастеров. Типы керамики необычайно разнообразны: кувшины с носиком, кружки, горшки, миски, ритуальные курильницы-стаканы с круглыми отверстиями в дне и т. п. Ручки сосудов часто оформлены в виде схематичной фигурки зверька (барана, кабана, лошади и др.). Это живет старая сарматская традиция: считалось, что в открытый сосуд может проникнуть злой дух, отпугивать которого и должно изображение почитаемого животного.

Почти повсеместно на городище встречаются керамические и металлические шлаки — признаки интенсивных

Вещи, найденные на городище и в курганах у селения Алхан-Кала

1 — глиняная кружка; 2—3, 11 — ручки от сосудов; 4 — мисочка; 5 — глиняное пряслице; 6—8 — золотые украшения с драгоценными камнями; 9—10 — фибулы; 12—13 — каменное и глиняное грузило; 14 — глиняный штамп (пятадера) (1—3, 5, 11, 12—14 — из раскопок городища; 4, 6—10 — из окрестных курганов)

ремесленных занятий населения. Скотоводство и земледелие местных жителей подтверждаются соответствующими находками. А в 1965 г. были раскопаны остатки «жилища рыболова». С внешней стороны развалин турлучного строения кучкой лежали грузила для сетей из обожженной глины и несколько просверленных галечных грузил для удочек. Рядом с домом была мусорная яма. Такие ямы особенно внимательно изучаются археологами, так как в выброшенных за ненадобностью предметах отражается жизнь их владельцев. В ней найдены кости речных и осетровых рыб, клюв цапли, убитой рыболовом где-нибудь на сувженских старших.

На территории городища таких мусорных ям за века накопилось так много, что невольно задумываешься, как же могли жить люди в этом окружении зловонного мусора, в смраде гниющих отходов. Но, оказывается, многовековой опыт человечества включал уже в то время и основы санитарии и гигиены: все мусорные ямы постоянно пересыпались толстыми слоями золы и угля. Может быть, это просто остатки очажного горения? Нет. Равномерное чередование целых пластов мусора и золы с обязательной золой «подушкой» сверху ямы доказывает, что здесь мы встречаемся с тем, что в современной медицине именуется дезодорацией (удалением запаха). Зола, уголь, торф и некоторые другие вещества поглощают запахи, и до сих пор в селах нередко прибегают к этому испытанному в тысячелетиях способу сохранения чистоты воздуха в густонаселенном поселке.

Раскопки, произведенные на Алханкалинском городище, невелики. Поэтому преждевременно и опасно браться за воссоздание сколько-нибудь полной истории этого крупного, ныне заброшенного населенного пункта. Это дело будущего.

Ясно только одно, что он прекратил свое существование где-то в конце эпохи раннего средневековья (XI—XIII вв.)

Нет причин думать, что исчезновение с лица земли большого города было добровольным и мирным. Очевидно, он пал в бою с врагами — кочевыми тюркоязычными ордами. На это намекают постоянные следы пожаров на городище и почти полуметровый слой обожженной до ярко-красного цвета земли на дне рва, окружавшего питатель.

Да еще живет в народе легенда:

— Два сильных и смелых брата-богатыря жили со старухой-матерью на высоком холме, что далеко вдавался в пойму Сунжи. Они сеяли хлеб, пасли скот, давали пищу и приют голодным и бедным, сурово наказывали жадных и злых. Однажды пришли из степи враги. Их было так много, что войлочные юрты заняли весь берег Сунжи, куда только хватал глаз. Предложили степняки сдаться богатырям. Презрительный отказ был ответом. И началась битва. Братья-богатыри отбивали натиск несметных полчищ, а мать-старуха по одной ей ведомой тропинке подносила им чистую речную воду, чтобы охладили герои разгоряченные лица, смыли свой пот и кровь врагов. Долго длилась осада. Не смогли силой взять крепость братьев. И тогда придумали враги хитрость. Черной ночью перегородили они реку, изменив ей течение, и равнодушная вода подточила, размывла холм, отделила от него ту часть, где жила мать героев. Захватили враги в плен беззащитную старуху, а богатыри остались без воды. И все-таки они не сдались. А когда почувствовали, что силы покидают их, упали они, обнявшись, с высокой кручи в реку и утонули непобежденными.

«С тех пор» у окрестных жителей остаток цитадели на террасе зовется «Холм двух братьев», а отрезанная рекой часть — «Бабушкиной горкой».

Легенда с точки зрения фактической достоверности, конечно, вымысел. Но в то же время это и есть так называемая *идеальная правда*, так как народ не создает ничего, что не имело бы аналогии в действительности.

Предание это я записал со слов старого сувженца В. П. Ионченко. И случилось так, что вечером его внук Генка, заядлый рыбак, рассказал мне иной вариант легенды. Все было в нем так же, но только героями-богатырями стали красноармейцы, а хищными и подлыми врагами — фашисты.

Археолог Т. М. Минаева, побывавшая на городище в 1945 г., записала в дневнике, что площадь памятника вся изрыта оборонительными сооружениями Красной Армии. Древняя крепость ожила еще раз в тяжкую годину войны. Она оцетинилась дулами пушек, минометов, пулеметов. Глубокие рвы и высокие валы окутала колючая проволока, а на месте, где когда-то стояли старинные жилища, солдаты вырыли траншеи, блиндажи и др. Алханкалинское

городище готовилось стать последним опорным пунктом нашей армии в преддверии нефтяного Грозного. И не раз добрым словом вспоминали саперы древних предков своих, по достоинству оценивших это удобное для обороны место.

Немцы не дошли до Алхан-Калы. Их остановили в нескольких десятках километров. И поэтому «генкина легенда» — всего лишь вымысел. Но так ли уж далек он от правды? (8, 11, 22).

Среди развалин Татартуба

В 100 км к западу от Алханкалинского городища одновременно с ним существовал еще один аланский город. Каждый, кто ездил по автодороге, связывающей столицы северокавказских республик, видел на полпути от Нальчика к Орджоникидзе, неподалеку от станицы Змейской, прекрасный минарет.

А. С. Пушкин, путешествуя в Арзрум в 1829 г., писал: «Первое замечательное место есть крепость Минарет... Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная лесистая гора; за нею находилась крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде (Центральное Предкавказье.— В. В.). Легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудями камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы»¹.

Много людей поднимались на минарет после великого погоста, наблюдая все большее разрушение остатков окрестных строений. И вот настало время, когда по истершейся лестнице сюда взобрались археологи. Они пришли, чтобы изучать Татартуб, чтобы вырвать город из молчаливых объятий земли. Широкие полевые работы археологов В. А. Кузнецова и О. В. Милорадович позволили страницу за страницей прочесть «летопись» некогда обширного города.

Татартуб расположен в Северной Осетии, на левом берегу Терека, у так называемых Эльхотовых ворот, ко-

Руины церкви № 2; на переднем плане крипта

торые являются «северным ключом» к знаменитому Дарьяльскому проходу. Длина его свыше 2 км. Лежащее на столь важном военно-торговом пути большое аланское поселение к X в. становится крупным городом Предкавказья, сохраняя свою роль в восточной части Алании вплоть до татаро-монгольского нашествия на Северный Кавказ в 1222 г.

К этому периоду жизни города и его аланского населения относятся руины трех христианских церквей. Они невелики по размерам, с одним алтарем и сложены из булыжников и кирпича необычной для нас квадратной формы. За алтарями скрывались специальные камеры-крипты для погребений знатных лиц, разграбленные еще в древности.

При раскопках одной из церквей археологи нашли черепицы с армянскими буквами. По-видимому, армянские мастера делали черепицы для покрытия храмов своим собратям по религии христианам-аланам. В церквях найдены железные кресты, остатки штукатурки с фрагментами фресковой росписи, а вокруг храмов — раскопаны христианские могильники.

Жители города занимались земледелием, о чем говорят частые находки зерен злаков, каменных жерновов и все тех же хозяйственных ям-хранилищ. Тысячи костей домашних животных — признак развитого скотоводства.

В 1959 г. была изучена гончарная печь — одна из сотен, в которых обжигались прочные глиняные сосуды. А находка формы для отливки украшений, многочисленные металлические предметы, глиняные и каменные пряслица свидетельствуют о высоком уровне местной металлургии, кузнечного дела, ткачества.

Город пережил сокрушительное нашествие татаро-монголов, наголову разбивших алан и совершивших над ними все, «что было в их силах по части убийства и грабежей» (Рашид-ад-Дин). Конечно, не гуманность азиатских орд спасла город от опасности превратиться уже тогда в груды развалин. Просто новые хозяева Предкавказья оценили выгоды владения стратегически важным пунктом и богатым торговым городом. С этих пор бывшее аланское поселение стало городом Золотой Орды, расцвет которого падает на XIII — начало XIV в. В период владычества татар оно получило и название, сохранившееся до наших дней, — Татартуп — «татарский стан» или «татарский холм».

Частичная смена населения (несомненно, в число городских жителей вошло много тюркоязычных людей) сопровождалась и сменой религии. Сами татаро-монголы в середине XIII в. восприняли ислам от проповедников-арабов, и вскоре мусульманство становится в Золотой Орде государственной религией.

Лишившись большей части своей «клиентуры», испытывая притеснения со стороны «правверных» ревнителей аллаха, старые аланские церкви запустили. Над городом взметнулись минареты мечетей. Одна из мечетей, распавшая полностью, имеет в длину более 20 м. Ей и принадлежал сохранившийся 30-метровый Татартупский минарет. Эта мечеть, несомненно, была соборной мечетью, едва ли не крупнейшей на Северном Кавказе. Наверное, именно ее видел в 1324 г. арабский историк и дипломат Ибн Батута, когда записал, что в предгорьях Кавказа стоит Соборная мечеть. В. А. Кузнецов полагает, что строительство огромной мечети можно связать с энергичной политикой исламизации, которую проводил в своих владениях золотоордынский хан Узбек (1312—1342 гг.).

Но не только мечети и минареты появились в Татартупе в пору его расцвета. По-видимому, в первой трети XIV в. появилось в городе большое общественное здание, квадратное в плане и по строительной технике подобное

Татартупский минарет

Соборной мечети. На полу здания оказались лежащие полукругом плоские камни; здесь было место общественных сборов и бесед.

С XIII в. в городе строятся широкие булыжные мостовые, что свидетельствует об элементах благоустройства, отвечавших требованиям своего времени. Татартуп жил кипучей жизнью крупного торгово-ремесленного центра.

Исследуя древний город, археологи не могли не искать сведений о нем в письменных источниках. И поиски эти увенчались успехом. Дело в том, что в русских летописях есть неоднократные упоминания о «славном яском (аланском.— В. В.) городе Дедякове» в Предкавказье. В 1277 г. располагавшийся где-то за Терекон Дедяков был взят золотоордынским ханом Менги-Тимуром и союзными ему русскими князьями. Этот поход был вызван аланским восстанием против татар, во время которого аланы пытались укрепиться в бывшем своем городе. В 1319 г. хан Узбек заманил в свою ставку у Дедякова тверского князя Михаила Ярославича и убил его, «испросив», возможно, согласие аллаха на этот предательский акт во вновь выстроенной Соборной мечети.

Чем глубже изучают историки упоминания о Дедякове, тем больше крепнет их уверенность, что «славный яский город» русских летописей и Татартуп — это один и тот же город, хорошо известный современникам.

В XIV в. начинается упадок города, связанный с общим упадком Золотой Орды. Разгромленное в 1380 г. на Куликовом поле дряхлеющее ханство вскоре принимает еще один мощный удар. В 1395 г. через Дербентские ворота из Закавказья на Северный Кавказ ворвался непобедимый среднеазиатский эмир Тимур. Хан Золотой Орды Тохтамыш поспешил навстречу врагу. Соперники сошлись на берегах Терека, неподалеку от Татартупа. 15 апреля 1395 г. Тохтамыш был разбит и бежал с остатками армии. Победоносные войска Тимура разграбили и сожгли многие притеречные города и поселения. Конечно, не избежал подобной участи и Татартуп, около которого некоторое время стоял лагерь тимуровских полчищ.

Отныне жизнь в городе еле теплится еще несколько десятков лет, но судьба Татартупа уже решена. В XVII—XVIII вв. о былом величии города напоминали лишь стройные минареты, живописные развалины да предания,

сохранившиеся у многих народов Предкавказья. Кабардинский просветитель XIX в. Ш. Б. Ногмов пишет, что в случае ссоры люди приходили к Татартупу и совершали обряд примирения. В осетинских нартских сказаниях Татартуп называется «светлым» и «седоголовым» божеством. Считалось, что если преследуемый врагами человек успеет укрыться в развалинах древнего города, — он неприкосновенен, и убийца не поднимет на него руку. Слава священного места была так велика, что А. С. Пушкин в неоконченной поэме «Тазит» счел возможным использовать отлично известные ему местные предания для описания драматического и преступного действия:

В нежданной встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба...²

Татартупский минарет недавно реставрирован. Тысячи туристов осматривают его, по узкой винтовой лестнице взбираются на верхнюю площадку и оттуда обозревают панораму некогда цветущего и сильного города (28, 16).

Плоскость видящий

Сейчас у нас пойдет речь о городе Индили. Напрасно вы будете искать его на современных картах и в самых подробных географических атласах. Ныне такой город не существует. А 400 лет тому назад его знали не только кавказские горцы и казаки, но и дипломаты-послы из далекой Москвы, воеводы Русского государства, устанавливавшие в то время первые контакты с местными народами.

В некоторых русских документах XVI—XVII вв. упоминается «Бндельская земля», которая называется в ряду с дагестанскими «Дидовской и Уварской (Аварской) землями», а также с «Окоцкой, Мичкиской, Шибутской» и другими «землями и землицами». Последние из перечисленных «землиц» — места обитания чечено-ингушских племен, известных современникам под именами ококов, мичкизов, шибутян и т. д. Такое соседство «Бндельской земли» само по себе указывало, что «земля» эта находилась где-то на Северо-Восточном Кавказе. А точнее?

В 1587 г. московские послы Родион Биркин и Петр Пивов, направляясь с «Суншина городища» (русское ук-

репеленне при слиянии Терека и Сунжи) к Дарьяльскому проходу и далее — в дружественную Грузию, отметили в статейном списке, что, миновав «горские землицы — Окоцки и Кумуки», они прошли мимо Индили, который указан между мичкизами и шибутами. Год спустя (1588 г.) Ших-Мурза Окоцкий — предводитель вейнахского племени окочан и союзник русских на Северном Кавказе в их борьбе с турецкими и крымскими агрессорами — в своей челобитной царю Федору Ивановичу писал: «500 человек было казаков и яз, Ших-Мурза, в головах, тебе служачи, Индили слово город, и с тем 7 городов взяли есми...»

Из этих скурых свидетельств ясно, что зовущийся в документах городом аул Индили выделялся среди других местных «городов». Он находился, очевидно, в предгорной зоне Чечни, в двух днях пути от «Суншина городища» западнее кумыков и чеченских племен, населявших берега реки Мичика (приток Сунжи), по соседству с Аргунским ущельем, где жили шибуты-шибутяне, местонахождение которых устанавливается бесспорно.

Опрометчиво ожидать от ранних письменных источников слишком уж детальных описаний объекта. Современники Индили были прекрасно знакомы, и они не затрудняли себя обстоятельными его характеристиками. Маршруты посольств и военных экспедиций мимо Индили были проторены и не требовали дополнительных разъяснений в официальных документах. Индили в те века жила полнокровной жизнью. Его обитатели разводили скот и обрабатывали землю на лесных полянах, они отражали нападения врагов и принимали у себя друзей, торговали с соседними горскими племенами и населением притеречных станиц и городков. А составители деловитых и сухих грамот тех лет едва ли думали о нас, своих потомках и не очень заботились, чтобы сохранить те драгоценные подробности, без которых так трудно воссоздавать историю. Поэтому-то современный исследователь Северного Кавказа XVI—XVII вв. Е. Н. Кушева в последней фундаментальной монографии вынуждена признать, что из всех имен северокавказских «землиц» названия «Индили» и «Индельская земля» остаются до сих пор не раскрытыми.

Еще в рукописи с книгой Е. Н. Кушевой ознакомился большой знаток прошлого Кавказа Х. Д. Ошаев. Он сделал несколько важных дополнений и разъяснений, которые вошли в окончательный текст ее труда. Вниматель-

краеведа привлекло, в частности, созвучие названия города Индили и некоторых чеченских аулов. И верно, в предгорной зоне, на берегах Сунжи, известны аулы Изьдар и Яндырка, а на маленькой речушке Ингилик, что впадает в Гойту (приток Сунжи), некогда стоял одноименный аул — Ингилик (Энгелик).

Дальнейшие поиски Индили должны были закономерно начаться с проверки этих сопоставлений.

Прежде всего выяснилось, что аулы Изьдар и Яндырка не могут серьезно претендовать на отождествление с древним городом. Их удаленность от места Суншина городища более чем на 110 км подразумевает куда более долгий путь, нежели засвидетельствованный источниками двухдневный переход громоздких и неторопливых посольских обозов. Но главное — оба аула расположены далеко западнее Аргунского ущелья и никак не могут считаться соседними для шибутян и мичкизов, а последнее вытекает из свидетельств XVI в.

Иное дело — Ингилик (Энгелик). Этот большой аул располагался в районе южной окраины нынешнего поселения Алхазурово, в 50—60 км от устья Сунжи. Через Ингилик в старину и вплоть до недавнего времени шла торная дорога на аулы Варандой и Вашиндорой в Аргунском ущелье (расстояние 15—20 км), т. е. как раз в «Шибутскую землю», по соседству с которой в XVI в. назывался город Индили.

Первые аргументы в пользу отождествления Индили Ингиликом вскоре пополнились новыми фактами. 88-летний старожил Доа Гирмаханов рассказал, что в прошлом столетии в нескольких километрах в глубь ущелья от Ингилика было селение Дики-Юрт и что это место и сейчас так называется, хотя уже давно там никто не живет. Я побывал на месте селения и осмотрел древнее мусульманское кладбище с грубо отесанными надмогилями камнями (чуртами) и заросшие крапивой развалины саклей. Встретившиеся здесь лесорубы и пастухи подтвердили, что заброшенное селение и есть Дики-Юрт. А ведь в документах 1643 г. «Дикеева деревня» (русский перевод названия Дики-Юрт) неоднократно упоминается Шибутской земле, т. е. опять-таки по соседству с городом Индили.

Возможное тождество крупных чеченских населенных пунктов становилось все вероятнее.

Ших-Мурза Окуцкий за какую-то провинность разорил город — «Индили, слово город, и с тем 7 городов взял». Нет сомнений, что такие нападения не раз пережили и аул Ингилик. Одно из записанных здесь устных преданий рассказывает, что после сокрушительного набега врагов, когда все мужское население Ингилика было перебито или пленено, мать, простирая в рыданиях руки вслед своему малолетнему сыну, угоняемому в неволю, без конца восклицала: «Помни, ты из Ингилика! Помни, ты из Ингилика!»

Мать свято верила, что сын вырастет, возмужает и отомстив врагам, обязательно вернется на родину. А для этого ему надо помнить, что родом он из Ингилика, что в нем был его дом, и здесь похоронены его предки.

Много легенд, преданий связано с аулом Ингилик его историей. И все-таки фольклорных данных оказалось мало, чтобы разгадать вековую тайну, хотя они и приблизили ученых к этому. Нужны были новые материалы.

В ноябре 1963 г. я вместе с Х. Д. Ошаевым приехал в Алхазурово, туда, где некогда стоял аул Ингилик, покинутый жителями в прошлом веке под натиском царских войск. Ландшафт здесь своеобразный, редкий в предгорьях Северного Кавказа. Из горного ущелья двухкилометровым языком вытянулся на равнину высокий холм господствующий над окружающей местностью.

Поднимаемся на взгорье, к лесистым подступам, к горам. Внизу, насколько хватает взгляд, — бесконечный простор равнины. Обзор на многие десятки километров. Ка на ладони видны утопающие в зелени селения, серебрятся на солнце далекие реки, из-за леса заводских труб выступает силуэт города Грозного. Впечатление тако будто бы глядишь на равнину с высоты птичьего полета. Бескрайняя, сливающаяся с горизонтом ширь.

Еще до поездки я старался узнать возможную этимологию названия Ингилик (Энгелик). Лингвисты сошлись во мнении: Ингилик (Энгелик) — несколько измененное в веках вейнахское словосочетание «Ан-галакх» — «Плоскость видящий». Нельзя придумать более подходящее названия для аула, располагавшегося здесь.

«Плоскость видящий»... В документах XVI—XVII в. селение именуется Индили (Ындели). Что в этом удивительного? Московские служилые люди, русское казачество не знало тонкостей местных языков, записывая и за

миная названия на слух. И историки несколько не удивляются, когда встречаются в источниках: калканцы — вместо галган; Ероханские люди — вместо Джераховцы, Шевкальская земля — вместо Шамхальство и т. п. Индили (Ындели) — весьма незначительное искажение чеченского Ингилик (Энгелик).

С запада и севера ингиликский холм ограничен крутыми склонами, с востока в глубокой прохладной балке журчит речушка. На юге холм уходит в ущелье, через которое шла дорога к Аргуну в Шибутскую землю мимо Дикеевой деревни. Ущелье совсем рядом. В него можно было быстро скрыться в случае нападения превосходящих сил врага. Удобное место для жизни. Особенно для жизни в те века, когда главная опасность горцам угрожала с севера, с равнины. В любую минуту степь могла застопнать под копытами тысяч коней противника, и тогда разносился клич:

«Орца-дала! Орца-дала!»

Сейчас это просто возглас бедствия и тревоги у чеченцев и ингушей. Истинный смысл его забыт, как уже почти забыли русские, что криком: «Караул!» — некогда призывали на помощь бородатых будочников-караульчиков, несших стражу на беспокойных улицах ночных городов. А буквальное значение клича «Орца-дала!» — «Уходи к хребту», т. е. уходи в ущелье, прячь свой скот, свое добро в горах, укрывай детей-малолеток. Горы не раз спасали своих сынов. «Орца-дала!» — это клич опасности и надежды...

Но, может быть, все наши построения будут мгновенно разрушены? Может быть, аул Ингилик существовал лишь совсем недавно и не имеет никакого отношения к «городу Индили» XVI—XVII вв.? Ответить на этот вопрос должна археология.

Уже в первый наш приезд на территории холма была собрана большая коллекция фрагментов глиняных сосудов. Они разные — серого и красного цветов, украшенные волнообразными, линейными, точечными узорами. Особенно часто встречались обломки огромных (почти в рост человека) сосудов — «хумов», используемых в средневековье для хранения зерна, масла, воды. Местные жители рассказали нам, что до войны при прокладке в селе Алхазурово водопровода были разрыты 11 хумов, стоявших в ряд. Видимо, люди разрушили древнее хранилище. Сред

ди керамики — фрагмент сосуда с налепом в виде павшей змеи. Это древний горский орнамент, отражающий веру людей в особую силу змеи. Ведь и до сего дня у отсталой части вейнахов нельзя называть змею ее настоящим именем. «Ползушая» — так называют ее суверенные люди, боясь навлечь гнев этого пресмыкающегося. Змея на стенке сосуда должна была охранять его содержимое от «злого духа», от «недобрых сил».

Массовые остатки глиняной посуды, костей животных, кусков керамического и металлических шлаков, обожженная глина от турлучных построек — все это указывало на существование здесь крупного средневекового поселения.

Летом 1965 г. на поселении были проведены первые небольшие раскопки. Мы начали их вблизи от места нахождения хумов и, снимая слой за слоем, изучали культурные напластования холма, достигающие 1 м в толщину. Как и на поверхности, в раскопе ежеминутно попадалась керамика. Опять встретились обломки хумов и в них те же желтые булыжные кругляши. Чеченцы, стоящие вокруг, понимающе кивают: это груз, которым прессовали сырье в сосудах. Так делают в горах и сейчас. Сосудов в раскопе так много, что приходится «прокладывать себе дорогу» ножом и кистью — постоянными спутниками археологов. Чем глубже раскоп, тем чаще попадаетея посуда серого цвета — признак более ранних веков местной истории. В конце концов красноглиняная керамика исчезает вообще. Кроме разнообразной посуды, найдены пряслица для веретен, выточенные из камня или стенок сосудов, железный ножичек, стеклянная черная бусина с бело-голубыми глазками.

А вот и следы кровопролитных схваток: проржавевший кинжал, железный наконечник стрелы, круглые ядрища из обожженной глины — снаряды для пращи. Вот следы пожаров: обуглившиеся бревна и кости животных, красная прокаленная глина — остатки пола и стен жилищ и угли, много углей... Мы знали, что не раз аул «Плоскость видящий» становился ареной жестоких битв. Об этом говорили предания и письменные источники. Теперь об этом поведала земля.

Анализ добытых археологических материалов убедительно показал, что на южной окраине Алхазурова, на берегу речки Ингилик и на месте одноименного ей аула XVIII—XIX вв. в эпоху средневековья длительное время

(во всяком случае в IX в. н. э.) существовал большой населенный пункт. Есть все основания для отождествления его с «городом Индили» из русских документов.

Всестороннее изучение этого замечательного памятника обязательно будет продолжаться, ибо сейчас проясняется его большое значение в решении важнейшего исторического вопроса о времени и условиях переселения чечено-ингушских племен с гор на плоскость. Но если ныне научный смысл объекта стал очевиден, то заслуга в этом многих: историков и лингвистов, фольклористов и археологов и в большой мере простых людей, любящих и знающих свой край, по крупицам собирающих сведения, которые помогают ученым раскрыть историю древнего вейнахского аула — «видящего плоскость» города Индили (17).

«Отцы» наук держат ответ

У истоков многих современных наук стоят античные писатели, ученые, философы: «отец истории» Геродот (V в. до н. э.), «отец географии» Страбон (рубеж н. э.), «отец медицины» Гиппократ (V в. до н. э.)... Великий этот список признанных и непризнанных «отцов» не оставляет след, оставленный древними учеными во многих отраслях человеческих знаний. Ведь даже термин «археология», обозначающий ныне «науку о древностях», введен в обиход еще в IV в. до н. э. греческим историком и философом Платоном, который подразумевал под этим понятием науку о старине в самом широком смысле. Изучение древних периодов прошлого почти любого народа Европы, Северной Африки и восточных районов Азии начинается с исследования античных письменных источников.

Греческие и римские авторы — родоначальники истории и географии — много писали о таинственном Кавказе. Однако их сведения реже всего касались плохо известной им земли Центрального и Северо-Восточного Кавказа.

Сообщения об этом крае отрывочны и глухи и порою как будто бы недостаточны для каких-либо конкретных выводов и обобщений. Но так кажется только сначала.

Для примера обратимся к первому достоверному событию местной истории, в значительной степени определившему весь ход культурно-исторического процесса на юго-востоке нашей страны, — походам ираноязычных кочевников-скифов Северного Причерноморья через Кавказ в Переднюю Азию в VII—VI вв. до н. э.

Подробный рассказ об этом важном событии имеется у Геродота. Он овеян легендарной дымкой и базируется в основном на греческих и скифских преданиях. «Отец истории» в своем описании объединил в единый хронологический эпизод несколько сокрушительных походов степняков и даже не одних скифов, но и их предшественников и врагов — киммерийцев. Ассирийские клинописные документы четко разделяют несколько волн северных кочевников, причем первыми на границы Ассирии явились киммерийцы, и лишь спустя десятилетия на исторической арене Востока громко заявили о себе скифы и их вожди (Ишпака, Партатуа).

У Геродота же в I книге «Истории» читаем: «...Скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами, преследуя же бегущих, дошли таким образом до Мидийской земли... скифы, однако... уклонились в сторону и пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору. Здесь мидяне сразились со скифами, но потерпели поражение в битве и потеряли свое господство, а скифы завладели всей Азией. Отсюда скифы пошли на Египет... Скифы господствовали в Азии двадцать восемь лет...»¹

В другом месте (IV книга), передавая легенды о появлении скифов и о вытеснении ими киммерийцев, Геродот снова уточняет путь движения тех и других через Кавказ: «Видно также, что скифы гнались за ними и вторглись в Мидийскую землю, сбившись с дороги: ибо киммерийцы постоянно бежали вдоль моря (по кавказскому побережью Черного моря. — В. В.), а скифы гнались за ними, имея Кавказ по правую руку, пока не вторглись в Мидийскую землю, свернувши внутрь материка»².

Геродот называет и имя скифского полководца царя Мадия, сына Прототия (Партатуа — ассирийских

источников), возглавившего этот грандиозный поход скифов.

Историк не ошибался в описании маршрутов кочевников: еще его старший современник трагик Эсхил называет Кавказ «скифской дорогой». Этим он отразил вполне конкретное для эпохи представление: Кавказ, хотя и не был местом постоянного обитания скифов, но лежал на пути их военных набегов в Переднюю Азию.

А спустя 500 лет «отец географии» Страбон, опираясь отчасти на Геродота, отчасти на какие-то иные источники, тоже писал о волновавших умы древних «переселениях» и «отдаленных странствованиях» Мадия скифского и Куба трерского (киммерийского), причем и по его данным, «треры и Куб, в конце концов... были изгнаны» скифским вождем Мадием.

События, о которых идет речь, датируются VIII—VI вв. до н. э. (киммерийские походы VII в., скифские — VII—VI вв. до н. э.). Глубокое проникновение скифов в Переднюю Азию, вплоть до палестинских границ Египта, и длительное их там пребывание устанавливаются не только сообщениями античных писателей, но и ассирийскими и урартскими клинописями, а также археологическими данными как на территории Ближнего Востока (Урарту, Ассирии), так и в самой Скифии (Северное Причерноморье), куда попадали импортные вещи.

Давно уже стало хрестоматийным материалом документальное освещение участия скифов в крушении ряда рабовладельческих государств древнего Востока. Столь же очевидным для многих поколений историков был факт, что основным путем скифских орд через Кавказ, судя по описаниям Геродота, была дорога по степным равнинам Предкавказья и знаменитому Дербентскому проходу («имея Кавказ по правую руку»), откуда — прямой выход во внутренние районы Мидии, на северо-восточные границы Ассирии («свернувши» от Каспийского моря «внутрь материка»). Конечно, у скифов были и другие маршруты движения через Кавказ (по черноморскому побережью и современным Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам, через Крестовый и Мамисонский перевалы), но основной путь через Восточное Предкавказье и Дербентский проход никем не оспаривался.

До недавнего времени в этой стройной картине оставался «белым пятном» восточнопредкавказский отрезок

скифских маршрутов, т. е. важнейший из участков пути, приведшего кочевников в Переднюю Азию. И сколько бы раз ни повторялась цитата из Геродота, утверждающая прохождение здесь скифских орд, историческое значение и истинный смысл этого события нельзя понять без соответствующей археологической базы. Так, слабая изученность памятников материальной культуры края порождала у некоторых скифологов скептическое отношение к признанию значимости взаимодействия скифской культуры и культуры Северного Кавказа на раннем этапе их знакомства. В свою очередь у кавказоведов было мало достоверных фактов для подтверждения античных рассказов о пребывании (пусть даже относительно кратковременном) скифов на Центральном и Северо-Восточном Кавказе во время их продвижения в Переднюю Азию и обратно.

В последние годы положение изменилось. После ряда исследований Е. И. Крупнова, основанных на тщательном изучении ранее известных и многочисленных новых археологических объектов, стало неоспоримым тесное скифо-кавказское общение в VII—V вв. до н. э., приводившее к неразрывному переплетению элементов двух культур в памятниках Предкавказья. В нашей книге, в главе о могильниках, вы узнаете о древних кладбищах (Каменноостровский и Луговой могильники), оставленных кавказскими племенами, жившими в условиях тесных взаимоотношений с кочевым населением степей. В разделе о бытовых памятниках края рассказано о гибели одного из местных поселений (у современного селения Сержень-Юрт) от штурма скифской орды. Таких памятников много.

И все-таки эти доказательства скифского пребывания в Предкавказье как бы негативны: они подтверждаются только через посредство культуры и истории кавказских горцев. Но для того, чтобы окончательно поставить все на свое место, необходимо было отыскать собственно скифские памятники на Северо-Восточном Кавказе, которые не могли не остаться на проторенном пути прохождения скифских полчищ в Переднюю Азию, на пути, о котором настойчиво твердят древние авторы. Перспективность поисков определялась частыми находками отдельных вещей типично скифского облика (оружия, конской сбруи, украшений, выполненных в «зверином стиле», и

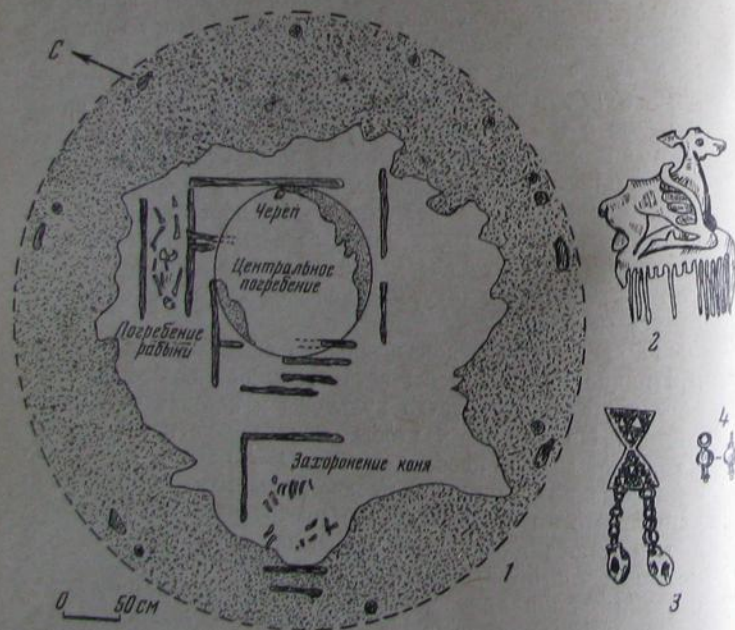
т. п.) и случайно разрушенными комплексами явно степного характера.

В 1962 г. вблизи плоскостного чеченского селения Гойты В. И. Марковин раскопал шесть курганов. Все они оказались разграбленными в древности, и поэтому трудно судить о многих деталях погребального обряда и инвентаря.

Но и сохранившиеся материалы очень интересны и показательны.

Могилы под земляными насыпями курганов были перекрыты деревянными плахами, или бревнами, и во всех курганах видны следы погребальных кострищ. Покойники лежали вытянуто, на спине, головой на запад или на восток.

Мужчины сопровождали различные типы оружия: берестяные колчаны, полные стрел с бронзовыми скифскими втульчатыми наконечниками и резе с костяными наконечниками местных форм; массивные железные копья;

предметы конской сбруи (бронзовые подвески — «ворворки», железные удила и пр.); железные мечи (один из них — с треугольным клинком закавказского типа); фрагменты панциря из небольших железных пластинок и т. д.

В самом большом и богатом кургане (№ 4) в деревянном срубе, установленном в неглубокой яме, была погребена знатная женщина и ее рабыня. Грабители не сумели забрать все драгоценности ее захоронения. Археологам остались многочисленные золотые бляшки-нашивки и подвески, рассыпанные по всей могиле, а также изящный золотой кулон. Здесь же нашли янтарный и пастовый бисер и два замечательных костяных гребня, сделанных в виде лежащих фантастических животных (крылатых оленей).

У северной внешней стены погребального сруба госпожи лежал труп рабыни. Она была связана перед смертью и убита во время захоронения своей хозяйки; ноги скелета неестественно сведены в коленях, а череп

Памятники скифского типа на Северо-Восточном Кавказе

1 — план кургана № 4 у селения Гойты; 2—7 — вещи из курганов у селения Гойты; 8 — глиняная фигурка из станицы Червленной; 9 — каменное изваяние из селения Галайты

жертвы проломлен ударом в левый висок. На ее руках — бронзовый и железный браслеты, имеющие традиционно кавказскую (кобанскую) форму, известную, например, в захоронениях Лугового могильника. Это позволяет думать, что сама рабыня была женщиной из местного горского племени, захваченная степняками во время их набегов на поселения кавказцев.

В гойтинских курганах обнаружено и много глиняной посуды, часть из которой заметно сходна с предкавказской и закавказской керамикой.

По сумме всех материалов курганы у селения Гойты твердо датируются V в. до н. э. Некоторые предметы, отсутствующие умершим (бронзовые стрелы, удила, костяные гребни и пр.), и особенно погребальный обряд не находят себе аналогий в местной кавказской среде того времени.

Поиски таких аналогий уводят нас в сферу степных культур скифского типа Северного Причерноморья и Прикаспия, носителями которых, кроме самих скифов, были родственные им савроматы и племена лесостепной зоны Украины и Подонья.

Из этих этнических групп, вероятно, и формировались степные дружины, устремившиеся в Переднюю Азию и получившие по имени ведущего племени название «скифских».

Вместе с тем наличие в захоронениях скифов вещей явно закавказского (меч, большие сосуды, сделанные на гончарном круге) и исконно северокавказского (костяные наконечники стрел, браслеты, лепная керамика) облика убедительно показывает, что это памятник степного племени кочевников, находившегося в долгих общениях с местным населением по обе стороны Кавказского хребта. «Такие контакты, — пишет В. И. Марковин, — могли происходить в процессе движения скифских племен по степям и предгорьям Северо-Восточного Кавказа в Переднюю Азию и обратно на север, а еще более тесными могли быть с теми скифами, которые оседали на Кавказе. Какие скифские племена могли оставить курганы у селения Гойты — покажут дальнейшие исследования подобных памятников.

Сейчас гойтинские находки важны тем, что еще раз документируют наличие скифских древностей на Северном Кавказе»³.

Курган № 4 из гойтинской группы по-чеченски называется «чурт доллу барз», что означает «курган с каменным памятником (чуртом)». Сейчас никакого чурта на кургане нет, но, возможно, в этом местном названии отразилась память о том, что некогда высокую насыпь (5,1 м) венчало каменное изваяние — характерная особенность в погребальном ритуале кочевников-скифов. Эти так называемые каменные бабы хорошо известны в материалах Скифии. Они дают нам представление о внешнем облике и особенностях костюма и вооружения степняков.

Традиция создания каменных изваяний в память об усопшем соплеменнике, несомненно, следовала за скифами и в далеких походах.

Совсем недавно на Северо-Восточном Кавказе (в Чечне и Дагестане) были открыты несколько довольно грубых «каменных баб», на которых изображены бородатые воины, вооруженные скифскими акинаками (короткими мечами).

Самая важная из этих находок сделана в могиле V в. до н. э. у селения Галайты на реке Аксай, находящегося на стыке равнины и предгорий.

На массивной каменной плите (в высоту человеческого роста) способом плоского рельефа выбита фигура мужчины, сложившего руки на животе (характерная поза «каменных баб»). У мужчины длинные усы и борода. Его талию опоясывает широкий ремень, на котором висит короткий меч. Тип оружия передан с большой точностью: у меча брусковидное навершие, перекрестие в виде крыльев бабочки и расширяющийся книзу «язычком» наконечник ножен.

Дату создания изображения воина (VI—V вв. до н. э.) определяет именно меч с его характерными особенностями.

Галайтинское изваяние было найдено в захоронении женщины из местного кавказского племени, где оно выполняло роль одной из стенок внушительного каменного ящика.

Конечно, это вторичное использование плиты, и этот факт наводит на размышления.

Нелепо думать, что изображение скифоидного мужчины для того и было сделано, чтобы использовать его в качестве стенки погребального ящика женщины. Фигура

должна была стоять на могиле вечным памятником смелому воину.

Поэтому невероятно, чтобы для строительства очередной каменной гробницы был бы употреблен надмогильный памятник, выкорчеванный из погребения прежде умершего соплеменника.

Вероятно, это каменное изваяние было свергнуто с погребального сооружения чужого, может быть, враждебного племени. Такой поворот событий не только возможен, но и вероятен; он объясняет путь превращения надкурганного памятника воину-скифу в боковую плиту каменного ящика кавказской женщины. Это могла быть даже своего рода месть наглому-чужеземцу, памятник которого напоминал о кровопролитии, грабежах и насилиях, чинимых скифскими ордами.

В степи изваяния давно уничтожены (на равнине камень — редкость, и ему всегда найдут применение), а в горах и предгорьях последние «каменные бабы» дожили до наших дней.

И не случайно, что, кроме единственного изваяния из окрестностей Дербента, все остальные известные науке «каменные бабы» Восточного Предкавказья сосредоточены в просторной долине реки Аксай, врезающейся глубоко в хребты и наиболее удобной для проникновения степных племен в глубь гор.

Но если в степях и не сохранились скифские каменные изваяния, то сами курганы равнинных раздолий таят в себе немало следов скифского пребывания тут.

В 1961 г. на окраине станции Червленной (левый берег Терека) при строительных работах был снесен курган. От захоронения сохранилось лишь несколько предметов, спасенных от гибели местными школьниками. Это фрагменты лепной керамики, бронзовый наконечник стрелы с шипом на втулке и верхняя половина прекрасно обожженной глиняной скульптурки.

По типу стрелы и керамики захоронение датируется VI—V вв. до н. э.

Глиняная фигурка из червленского кургана является чрезвычайно редким памятником скифской иконографии. Она изображает большеротого смеющегося мужчину, упершего руки в бока.

У мужчины длинная окладистая борода и усы, густые брови. На голове его — высокий стеганный остроконечный

колпак (подобие башлыка), а одет он, судя по характерным складкам, в стеганный кафтан. Весь облик мужчины живо перекликается с изображениями скифов на знаменитых сосудах из курганов Куль-Оба и Чертомлык, а также на золотых пластинках Аму-Дарьинского клада. Скифское происхождение фигурки подтверждается и еще одной показательной аналогией.

Трактовкой колпака, бороды, усов червленский скиф очень похож на глиняную головку скифа, найденную в Закавказье (в окрестностях Кировокана). Это сходство двух уникальных предметов, найденных в далеко отстоящих друг от друга пунктах на пути скифских передвижений, вполне естественно — ведь творцами их обоих были сами скифы или племена, близкие им этнически и культурно.

Итак, энергичное внедрение элементов скифской степной культуры в быт северокавказских горцев с VII в. до н. э., гибель некоторых местных поселений от скифов, устанавливаемая по археологическим данным, массовые случайные находки типично скифских предметов VII—V вв. до н. э. в степях Центрального и Северо-Восточного Кавказа, каменные и глиняные «портреты» степняков, оставленные на их пути через Предкавказье, и, наконец, погребальные памятники на Северо-Восточном Кавказе (типа гойтинских курганов), для которых возможно только степное, скифское происхождение, — все это веские и неоспоримые доказательства реальности основного пути скифских полчищ в их неоднократных движениях через степи Предкавказья и Дербентский проход. Об этом и писали древние античные источники.

Специально занимавшийся проблемой скифских походов Е. И. Крупнов, подводя итог всем данным, делает верный вывод: «Такое поразительное совпадение исторических свидетельств о продвижении скифов в Переднюю Азию и топографии археологических находок скифского типа на Кавказе на путях этого продвижения убеждает в реальности пребывания скифов на Кавказе и большего их влияния на культурное развитие племен и народов Кавказа, чем это казалось раньше»⁴.

Приведенный случай — выразительный, но далеко не самый яркий пример достоверности и глубокой правдивости основных сообщений античных «отцов» наук. В лаконичных сообщениях эллинов и латинян современные уче-

ные находят ценные сведения, без которых немислимо разобраться в сложных перипетиях местного исторического процесса.

Не всегда поиски рационального зерна в сочинениях древних авторов так легки, как в нашем примере, где очевидно указание Геродота на Дербентский маршрут. Но все-таки даже в этой небольшой книге у вас, читатели, будет возможность убедиться в том, с каким достоинством «отцы» наук держат ответ перед взыскательным и строгим судом нынешних поколений ученых (3, 12, 19, 20).

И древние гробницы поведают нам...

Эта глава — о могильниках. Их очень много в древней земле Предкавказья. Местные племена и пришлые народы на протяжении веков и тысячелетий хоронили своих сородичей, выполняя все условия и обряды, связанные с представлениями о загробной жизни. Могильники на земле неисчислимы, как неисчислимы поколения людей, оставившие ее. Ничтожно малое число из этих древних захоронений изучено археологами. Но и раскопанные гробницы позволяют судить о многих сторонах жизни наших предков.

Кто ты, храбрая амазонка?

На берегу быстрой горной речки Малки, которая, перерезав с запада на восток северные районы Кабардино-Балкарии, впадает левым притоком в буйный Терек, некогда существовал неукрепленный поселок и вблизи был мо-

гильник. Поселение и могильник широко известны ныне в науке под названием Каменноостских, по имени одноименного селения, расположенного рядом.

Памятники последовательно раскапывались археологами Е. И. Крупновым в 1948 г., К. Э. Гриневичем в 1949, П. Г. Акритасом в 1954 г. и принесли богатые материалы по истории населения края в VIII—VI вв. до н. э.

В жизни и культуре древнего кавказского племени на берегу Малки были свои особенности, диктуемые его местопребыванием на рубеже предгорий и степей, на границе разных народов. В те века равнины и горы Предкавказья настороженно взирали друг на друга. В спасительных ущельях скрывались селения аборигенных оседло-земледельческих племен кобанской культуры, а по степным пастбищам бродили с места на место военные дружины и орды кочевников.

Но нельзя жить, отгородившись от мира неприступной стеной, тем более, если постоянно живешь на самом «переднем крае», у входа в горы, и перед тобой неоглядная равнина, чуть затуманенная пылью степных табунов.

Жить в таком месте — значит установить добрые отношения с иноязычными кочевниками, общаться и даже породниться с ними, усваивать элементы их культуры, делиться своими опытом и знаниями.

Так и сделало мудрое местное племя, земли которого лежали на стыке ландшафтных и этнических зон.

Исконно горский кавказский погребальный обряд требовал захоронения покойника в каменном ящике или в грунтовой яме, обложенной булыжником. Степняки хоронили соплеменников под земляной насыпью (курганом).

Как согласовать два различных ритуала, если кобанское племя принимало многих выходцев и беглецов из среды кочевых орд, если значительная часть жителей поселка родилась уже от смешанных браков? Выход был найден. В Каменноостском могильнике открыты погребения в каменных ящиках с курганными насыпями над ними. Ревнители обоих обрядов могли быть спокойны.

И в самих гробницах набор сопровождавших покойников вещей столь же интересен своим синкретизмом. Прекрасные типично кобанские черные глиняные сосуды с лощением и глубокой нарезной орнаментацией уживаются в инвентаре могил с бронзовыми удилами, широко

Вещи из Каменноостского могильника (глиняные сосуды, бронзовый браслет, фибула, зеркало, клинок и железный кинжал с бронзовой рукоятью)

распространенными у кочевников. Великолепные образцы исконно местных бронзовых украшений (браслетов, шейных гривн, серег, пуговиц и пр.) соседствуют с наколочниками стрел степного скифского типа.

Особенно примечательно оружие. Скифские племена VII в. до н. э. заслуженно завоевали славу распространителей на Северном Кавказе лучшего по тем временам оружия: бронзовых втульчатых наконечников стрел, железных копий и железных коротких мечей-акинаков. В Каменноостском могильнике археологи встретились и с железным оружием степных типов и с бронзовыми кобанскими кинжалами. Но любопытнее всего, что здесь найден кинжал с железным клинком, но еще с бронзовой литой рукоятью из круглого массивного стержня с грибовидным навершием и перекрестием в виде угловатых крыльев бабочки. Точно такие биметаллические кинжалы известны и из нескольких других мест в Центральном Предкавказье. Пограничные племена, усваивавшие элементы степных культур, но и не порвавшие своих кровных

кобанских традиций, удовлетворялись этим своеобразным сочетанием привнесенных и местных черт в быту, культуре, идеологических представлениях.

Самым интересным погребением на древнем кладбище оказалась последняя из исследованных могил, раскопанная в 1954 г.

В каменном ящике из тяжелых плит скорченно на боку лежала женщина. На ее груди нашли большое бронзовое зеркало с ручкой, которая заканчивается бараньей головой. На руках были бронзовые браслеты; у черепа — бронзовые серьги, застежка (фибула), бусы. У правой руки — бронзовые щипчики — пинцет; в ногах — красивые чернолощенные сосуды. Казалось бы, — что здесь особенного? Обычное погребение кобанской женщины — модницы и франтихи, заботливо следящей за своей внешностью, о чем говорят зеркало и туалетные щипчики для бровей.

Но мы ознакомились еще не со всеми вещами, сопровождавшими покойницу и отразившими черты ее характера и образа жизни.

На поясе умершей лежал распавшийся на части короткий и прямой железный меч-акинак, рядом бронзовая цепочка для подвешивания точильного бруска (оселка), а с правой стороны скелета найден бронзовый наколечник скифской стрелы. За стеною же каменной гробницы лежал костяк коня, убитого и погребенного рядом с могилой своей хозяйки.

Значит, погребенная женщина еще и воин, всадник. Однако кобанские племена известны своими строгими патриархальными отношениями, исключавшими возможность появления среди горцев амазонок — особого разряда женщин-воительниц. Бранное дело, охота, всадничество на Кавказе — абсолютная прерогатива мужчин, и это право сильного пола почти никогда не оспаривалось. Почему же в Каменноостском могильнике оказалось вдруг богатое погребение амазонки?

Виновниками этого интересного и единственного пока в кобанских древностях случая были, по-видимому, все те же степняки. Но уже не собственно скифы, а близкородственные им савроматы, населявшие Нижнее Поволжье и Подонье и очень рано (со времен совместных походов со скифами в Закавказье в VII в. до н. э.) появившиеся в северных районах Предкавказских равнин.

За савроматами недаром с легкой руки их скифских и греческих современников закрепилось прозвище «гинекократоменов», т. е. женоуправляемых. Отличительной чертой общественного строя этих кочевников было явно привилегированное положение женщины. Женщина у некоторых савроматских родов была не только главой семьи и рода. (Иногда савроматки становились даже предводителями племен.) Среди савроматок были и жрицы, и смелые всадницы, неустрашимые воины, спутники и ратные товарищи мужчин в ближних и дальних военных предприятиях.

С недоумением взирали античные писатели — выразители сугубо патриархальных взглядов своих народов и стран — на равноправных, могущественных и равноправных с мужьями савроматок. Они записывали хохлившие среди туземцев легенды и истинные факты: «Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют троих неприятелей, и поселяются на жительство с мужьями не прежде, чем совершат обычные жертвоприношения. Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступить в поход»¹, — писал псевдо-Гиппократ в V в. до н. э. Древние авторы пытались объяснить столь далекую их мужскому и гражданскому пониманию картину «женского засилья» всевозможными мифологическими доводами, из которых главным было стремление произвести женоуправляемых савроматов от легендарного племени амазонок. Между тем и сами-то легенды о «враждебных мужам» амазонках (целых «племенах», состоявших исключительно из женщин-воительниц), живущих на Северном Кавказе, были порождены как раз сильными матриархальными тенденциями савроматского общества, объяснить которые современники могли не иначе, как путем фантастических обобщений.

В трудах советских ученых Б. Н. Грекова и К. Ф. Смирнова собран и проанализирован большой историко-археологический материал, подкрепленный яркими этнографическими примерами, не оставляющий сомнений в существовании значительных пережитков матриархата у савроматских племен. Савроматок и впрямь можно назвать амазонками. Смелые воительницы при жизни, они

такими же уходили в загробный мир. В савроматских женских погребениях Поволжья и Приуралья находят оружие (стрелы, копьа, мечи), конскую сбрую и останки коня.

Наша амазонка погребена у подножия Кавказских гор на кладбище местного кобанского племени. Кто же она — единственная женщина-воительница и всадник среди кобанских современниц?

Мы никогда не узнаем точно, кто она, эта амазонка. Минувшие 25 веков надежно скрыли тайну ее жизни и смерти.

Может быть, она — савроматка по рождению, вышедшая замуж за кавказца. В таком случае она долго прожила в его племени, в его поселке, ставшем вскоре и родиной ее детей. Она выполняла необходимые и нелегкие домашние работы. Ее похоронили по местному ритуалу (скорченко, в каменном ящике), ибо теперь это ритуал ее семьи, многих поколений ее потомков. Но всю жизнь помнила женщина о своем происхождении, о гордом и независимом положении подруг-савроматок. Она хранила меч и стрелы, с которыми вошла в дом мужа, и, наверное, не раз разгоряченный умелой всадницей конь уносил ее в пустынное раздолье степей, и вновь перед мысленным взором женщины вставали годы юности, прошедшие среди кибиток родного племени кочевников. Возможно, она не теряла связи с савроматами, ибо самая ценная вещь в ее могиле — это бронзовое зеркало так называемого ольвийского типа VII—VI вв. до н. э. Такие зеркала изготавливались в далеком греческом городе Ольвии, что находился вблизи устья Днепра. Из Ольвии предприимчивые купцы отправлялись по проторенным дорогам в дальние страны, и один из самых излюбленных путей вел через Скифию, в глубь савроматских земель Поволжья и дальше на восток.

Точно такие зеркала известны среди находок на родине савроматов, и не оттуда ли было прислано зеркало, оказавшееся в могиле амазонки?

А может быть, все было вовсе не так, и в каменном ящике погребена горянка, лишь понаслышке знавшая о воинственных ее современницах. Но в минуту смертельной опасности, нависшей над племенем, она взяла в руки оружие и, подобно известной нартской героине — дочери Даргавсара, — собрала соплеменниц — женщин и девушек

и повела их в бой на помощь обессилевшим, израненным мужчинам, на месть за убитых родичей.

И клятвой прозвучала их угроза,
Что никому обиды не простят
И что за кровь убитых отомстят...
Стрела и меч знакомы девам стали,
Из лука все без промаха стреляли,
Готовились без усталости к сраженью,
Их вдохновляло будущее мщенье...
Горя отвагой пламенной и юной,
Разбили войско гордого Бархуна,
На склеп повесив голову его,
Отпраздновали девы торжество.
Вихрь бороду седую развевал,
И ворон злой глаза его клевал.
Так отомстила дочка Даргавсара
За свой квартал, погубленный пожаром².

Подвиги не забываются народом. Прошли годы, и, когда женщина умерла, с ней в могилу положили ее оружие, коня и дорогое импортное зеркало, воздав должное ее мужеству, выразив преклонение перед ее храбростью (1,9).

В «квартале» богатых захоронений

Могильник был открыт случайно весной 1952 г. при строительстве птицефермы на северной окраине селения Луговое (ныне Мужичи) в Ассинском ущелье, и затем на протяжении нескольких лет он планомерно раскапывался Е. И. Крупновым и Р. М. Мунчаевым. 161 погребение VI—V вв. до н. э. — таков общий итог исследования могильника, равного которому нет в Предкавказье по количеству раскопанных могил. Но не только число могил определяет научную ценность объекта. Луговой могильник прочно занял достойное место в археологии как редкий по своей выразительности памятник, оставленный богатым кобанским племенем, находившимся в теснейших взаимоотношениях со скифами, савроматами, народами Закавказья, а через их посредство и вместе с ними — с отдаленными областями Переднего и Ближнего Востока.

На обширной площади этого древнего кладбища (свыше 6000 м²) зафиксированы компактные группы богатых и бедных могил. Ряд захоронений в северо-западной части могильника не содержал в инвентаре ни единой вещицы — здесь были погребены представители племенных низов. Центральную часть могильного поля занимали самые многочисленные, в меру богатые захоронения рядовых общинников-тружеников. А на восточной окраине находилась целый «квартал» могил с обильным и роскошным погребальным инвентарем. Тут хоронили членов семей родоплеменной верхушки: вождей, старейшин, дружинников, их жен и детей.

Это деление кладбища на участки, соответствующие общественному положению внутри племени, справедливо объясняется Е. И. Крупновым как свидетельство имущественного и социального неравенства у населения Ассинского ущелья скифского времени.

Для археологов открытие «квартала» богатых захоронений было истинным кладом, так как именно в этой части могильника оказались самые яркие и показательные находки.

Племя хоронило своих людей в неглубоких ямах, засыпанных речным булыжником в несколько ярусов. Покойников укладывали скорченно, на боку, головой на юго-запад, к горному перевалу. Наверное, на перевале было в древности какое-то культовое место, может быть, святилище, служившее ориентиром при погребении. Скорченная поза покойника, должно быть, символизировала положение ребенка в материнском чреве. Смысл этого ритуала ясен: из утробы матери-земли рожденные, в нее же и возвращаются. А для того чтобы в загробной жизни человек не испытывал никаких лишений и мог бы предаваться любимым занятиям, в могилу опускали те вещи, которые окружали покойника при жизни. И чем богаче человек, тем разнообразнее и роскошнее набор сопутствующих ему предметов.

Вот перед нами погребение № 64/128 по полевой нумерации. Родичи не поскупились и засыпали могилу семью слоями камней-булыжников (более 400 штук), принесенных со дна ущелья. Вокруг могилы сооружен так называемый кромлех — круг из камней, олицетворявший солнце и предвазначенный для предохранения могилы и погребенного от дурных сил.

Умерший был храбрым и искусным воином. Поэтому с ним положили железный топорик-секиру и копье с железным наконечником. На широком бронзовом поясе, украшенном пунктирным изображением оленей, идущих к священному дереву жизни, висел массивный железный меч-акинак (длина 51 см). Навершие меча изображает когтистую лапу орла, а внизу — два глаза. Это тоже магические символы: меч нужно держать в руках так же крепко, как орел держит свою добычу, а в бою надо быть зорким и наносить такие же неотразимые удары мечом, как неотразим орел, падающий с поднебесной высоты на свою жертву.

К поясу был прикреплен и колчан, в котором находилось 12 трехперых бронзовых втульчатых стрел скифского типа. В память о верном боевом коне в могилу положили железные удила с трезелями (псалиями) и бронзовые украшения узды в виде крыльев птицы.

Такой арсенал различных типов ратного снаряжения — признак немалого состояния. А если к этому добавить бронзовую кобанскую фибулу, орнаментированные пуговицы, две бронзовые бляшки с фигурками свернувшихся барсов, ажурное украшение в виде лежащей собаки, отполированное до блеска бронзовое зеркало, набор сурьмяных, стеклянных, бронзовых бус и многие другие предметы, найденные в могиле, то нужно признать — это незаурядное богатство.

Каким же путем сосредоточилось оно в руках воина и его семьи?

В погребении нет даже намека на какие-то мирные трудовые занятия умершего. Оружие и украшения — вот то единственное, что определяло его общественный облик и в жизни, и перед лицом смерти. Ф. Энгельс назвал ранний железный век «героической эпохой», эпохой «железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора». Плуга и топора как символов подсечного и пашенного земледелия в данном конкретном случае нет. А вот железный меч налицо. И не только меч как реальность и как символ профессии погребенного, но и целый набор другого отличного вооружения.

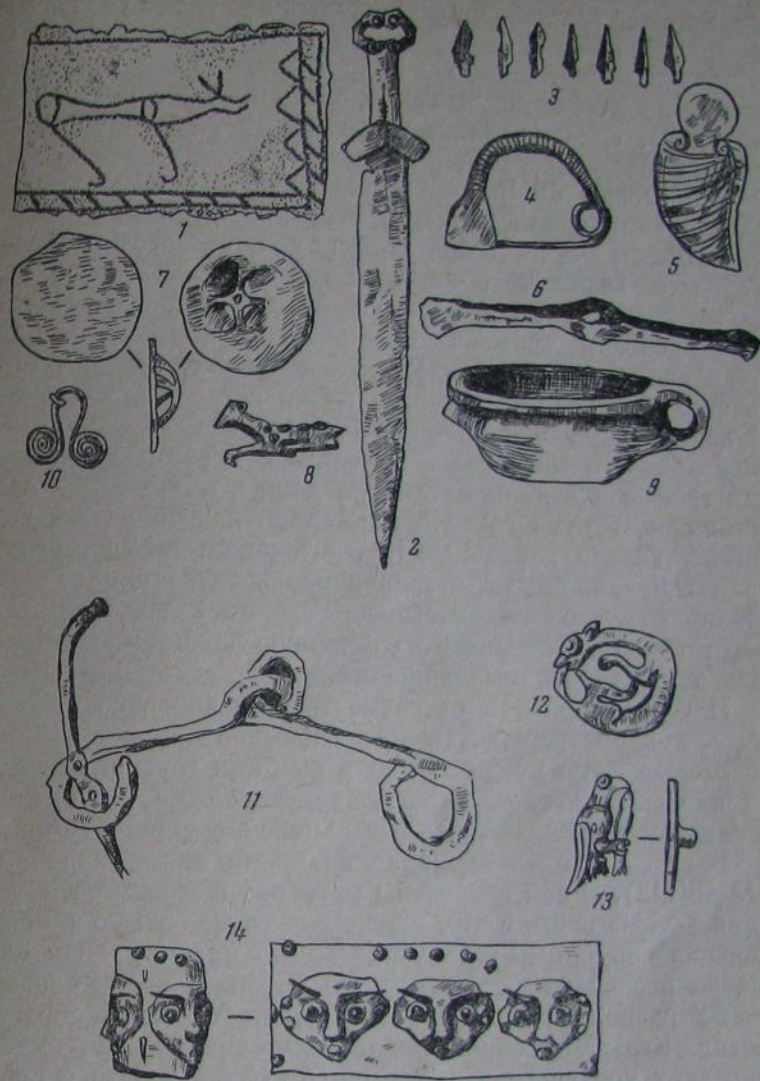
Это многочисленное оружие в могилах господствующей прослойки племени вместе с явным социально-имущественным неравенством в среде местного населения есть лучшее свидетельство того, что горцы жили уже по

законам общества военной демократии. «Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Война, которую раньше вели только для того... чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»³.

Р. М. Мунчаев верно подметил, что комплекс находок в погребении № 64 — одном из самых богатых захоронений Лугового могильника — по облику и характеру близок степной скифской культуре. Конечно, похоронен тут вовсе не степняк-скиф, а горец, ибо погребальный обряд и такие типичные кобанские вещи, как пояс, фибула, некоторые украшения и орнамент на них, не оставляют сомнений в его кавказской этнической принадлежности. Но не случайно в могиле меч, секира, стрелы, удила — скифских типов, а бронзовые бляшки с изображениями барсов и крыльев птицы являются явно скифскими образцами.

Время существования могильника (VI—V вв. до н. э.) — это период бурных событий в Предкавказье, связанных с проникновением сюда скифо-савроматских племен во время (и после) их грандиозных походов в Переднюю Азию. Общеизвестна значительная роль скифов в сближении горцев Предкавказья не только с населением южнорусских степей, но и с народами Закавказья и более отдаленных к югу стран. При этом скифы не просто выполняли функции посредников. «Вполне естественно предположить участие в далеких скифских походах и местных племен Северного Кавказа»⁴, — пишет Е. И. Крупнов и подтверждает этот вывод довольно частыми находками в горах явно привозных вещей (ассирийских или урартских бронзовых шлемов, закавказского оружия, предметов конского убранства из Закавказья и всевозможных украшений).

Действительно, овладение скифской тактикой боя и скифским оружием, заимствование у степняков многих элементов костюма и конской сбруи, наконец, приобретение целых коллекций редких и дорогих изделий закавказского и восточномедиземноморского производства могли произойти только в условиях повседневного и тесного общения горцев с кочевниками, совместного их участия в военных делах.

Предметы из захоронений Лугового могильника

1 — фрагмент бронзового пояса; 2 — железный меч-акинак; 3 — бронзовые наконечники стрел; 4 — бронзовая фибула; 5 — бронзовая бляшка-подвеска; 6 — железная секира; 7 — бронзовое зеркало; 8 — бронзовое ажурное украшение; 9 — глиняная миска; 10 — бронзовая очко-видная привеска; 11 — железные удила и псалий; 12—13 — бронзовые бляшки; 14 — бусина из стекловидной пасты (1—9, 12—13 — из погребений № 64/128; 10, 11, 14 — из погребения № 48/112)

Богатый воин-горец, оснащенный по-скифски, — это уже не рядовой общинник, занятый нелегким трудом земледельца или скотовода. Он — дружинник, один из ранних солдат-профессионалов. Такие, как он, окружали военачальника, силою оружия помогая ему решать споры со своими соседями и дальними народами.

По словам Ф. Энгельса, у варварского народа-завоевателя сама война является регулярной формой сношений. Войны — участники скифских походов, по словам Геродота, «взимали с каждого народа наложенную ими дань... грабили все, что было у каждого народа». Клинопись донесли тревожные запросы ассирийского царя Асархаддона о скифах: «Разграбят ли, захватят ли многочисленные добычу, тяжкий полон с границ Ассирии?» И добыча скифов, как правило, была обильной и разнообразной. Эти иноземные диковинные предметы, взятые как трофей или дань, затем попадали в среду семей дружинников, в руки горской племенной аристократии. Они способствовали дальнейшему обогащению верхов, углубляли социально-имущественное неравенство в поселке и объективно вырывали племя из условий вековой замкнутости в горах, выводя его на широкую дорогу межплеменных и международных общений.

И если у мужчин от совместных походов со степняками, как правило, оставалось скифское оружие и лишь некоторые иные предметы, то у женщин горского племени надлежит искать немалую часть добычи и, конечно, в первую очередь невиданные заморские украшения.

Вот еще одна могила на племенном кладбище (№ 48/112). В ней погребены мужчина и женщина. Мужчина — тоже воин: с ним лежат железные боевые топоры, конская сбруя и другие характерные предметы. Он снаряжен несколько беднее первого дружинника, его погребение расположено ближе к краю «квартала» богатых могил. Его жену сопровождал набор прекрасных металлических кобанских украшений: в могиле нашли 4 бронзовых, 2 железных браслета, массивную фибулу для застегивания тяжелого шерстяного одеяния, бронзовые подвески, кольца и пр.

Четыре глиняных пряслица для веретена, уложенные в ряд, на дне могилы, подсказывают нам, что у покойной был, по-видимому, домовитый и трудолюбивый характер. Бесконечные мотки шерстяной пряжи, шитье и вязанье

при свете примитивного жирового светильника помогали ей коротать долгие вечера ожидания мужа из его военных экспедиций. И ожидание было щедро вознаграждено: женщина стала обладательницей замечательного ожерелья, в котором скромные кобанские бронзовые бусинки (62 штуки) затерялись среди стеклянных и сурьмяных бус (263).

Бусы разных размеров и всевозможных оттенков. Очень красивы крупные стеклянные бусы, украшенные разноцветными «глазками» и «бородавчатыми» выступами. А в центре великолепного ожерелья — большая цилиндрическая бусина из стекловидной пасты с тремя изображениями голубоглазых лиц — двумя желтыми и одним белым.

Это уникальная вещь, ибо подобных бусин в древностях Советского Союза найдено всего несколько штук, а на Кавказе это первый случай, когда бусина с лицевыми изображениями оказалась в непотревоженном комплексе, твердо датированном VI в. до н. э.

Нет абсолютно никаких оснований предполагать местное производство всех этих украшений. Напротив, они указывают направление связей горского племени с далекими центрами древнего культурного мира. Сурьмяные изделия и особенно многоцветные стеклянные бусы подтверждают наличие связей аборигенов Северного Кавказа с Закавказьем и, в частности, с Западной Грузией богатой месторождениями сурьмы, а также с древними городами Финикии и Египта — традиционными центрами стеклоделия. Оттуда только и могли поступать на Северный Кавказ многоцветные стеклянные бусы, которыми так богат Луговой могильник. Какая-то их часть шла сюда путем долгих межплеменных торгово-меновых операций через легендарную Колхиду. Однако первое знакомство горцев с образцами стеклодельных мастерских Египта и Финикии состоялось, конечно, во время скифосавроматских походов в Азию, которые и вывели на широкую международную арену и самих степняков, и некоторые союзные им горские племена. Тогда-то и начался обильный приток стеклянных бус в горы Северного Кавказа, тогда-то и стали обладательницами роскошных ожерелий многие женщины в семьях удачливых горских воинов. А ученые ныне тщательно исследуют привозные бусы — ценный источник в освещении важной проблемы

о путях и характере древних взаимосвязей нашей страны с Ближним Востоком.

Таковы два погребения из 161 гробницы Лугового могильника. Они много рассказали нам, по отношению не исчерпали всех сторон жизни и культуры местного горского племени. И, надо думать, когда-нибудь мы прочтем целую увлекательную книгу о крупнейшем и интереснейшем из памятников скифского времени на Северном Кавказе, об истории и культуре многочисленного, богатого и воинственного горского этнического коллектива в Ассиновском ущелье (23).

«Но имя смерть украли...»

Когда узкая траншея-коридор («дромос») достигла глубины 2,75 м, началась самая трудная часть работы. У dna южной стенки коридора люди пробili нору (54 × 40 см) и стали ее углублять и расширять в стороны. Трехметровый слой грунта нависал над головами землекопов, в тесной подземной камере было мало воздуха. Задыхаясь, часто сменяя друг друга, мужчины при свете чадающих факелов продолжали конать железными теслами, вытаскивая землю в кожаных мешках. Но вот цель достигнута — целая комнатка (длина 3,3 м, ширина 2,2 м, высота 1,04 м) вырыта в толще твердой глины. Так называемая катакомба (могила такого типа) полностью готова.

Через узкий вход из дромоса в нее внесли труп богатого воина и вместе с ним — десятки разнообразных предметов.

Вход в могилу заваливают тяжелой каменной плитой, а коридор-траншею засыпают. Но ненадолго: катакомба — семейная усыпальница, и вскоре она принимает в свое лоно жену воина и еще одного мужчину. После этого вновь ставится на место погребальная плита и под плач сородичей забрасывается землей дромос. Теперь уже навсегда.

Впрочем, нет. Прошло 800 лет, и снова в катакомбу вошли люди. Это случилось в 1957 г., когда один из отрядов Северокавказской археологической экспедиции, руководимый В. А. Кузнецовым, произвел широкие раскопки большого катакомбного могильника XI—XII вв.

Детали сабли из катакомбы № 14 Змейского могильника

близ станицы Змейской в Северной Осетии, в 3—4 км от Татартуна. Могильник был оставлен аланами, и катакомба, сооружение которой только что описано (по полевой нумерации № 14), — самое богатое захоронение на этом кладбище предков современных осетин.

Первый погребенный в ней воин лежал прямо у входа в катакомбу на толстом слое угля (древний способ предохранить землю от оскверняющего соприкосновения с трупом). Умерший был одет в роскошную, шитую золотом кожаную одежду и укрыт сверху двумя саванами — богато орнаментированным шерстяным и гладким шелковым. Лицо покойного также закрыто тканью, а головным убором служил колпак, сшитый из шерстяной и шелковой ткани и обильно украшенный бисером.

Но издревле ведется у многих народов — не в красивой одежде достоинство мужчины, а в хорошем оружии.

К тому же в гробнице похоронен не простой аланский мужчина, а вождь — военачальник, хитроумный и жестокий грабитель соседей, угнетатель рядовых общинников. Благополучие и богатство его самого, его семьи и подобных ему знатных фамилий зависели от того, как он и его дружина владеют военным делом, насколько неразборчивы они в средствах на пути постоянного обогащения. Оружие, грубая сила, профессиональная личная отвага и услуги подчиненных воинов, оплаченные тяжким трудом, страданиями и имуществом-добычей несчастных жертв, — вот что обеспечивало и определяло значимость, общественный вес и богатство феодализирующейся племенной знати.

С аланским вождем в катакомбу опустили его саблю (длиной 90 см) в деревянных ножнах с замечательными позолоченными серебряными обкладками и рукоятью, орнаментированными сложным штампованным узором. В рукояти, как капля крови, сияет рубин. Видно, сабля долго служила воину (орнамент во многих местах стерся от длительного трения об одежду и ладонь руки), а владелец очень дорожил ею (на кончике ножен видны серебряные заплатки — следы ремонта). Что ж, сабля была достойна заботы не только как грозное и верное оружие, но и как великолепный образец искусства, сравниться с которым может, пожалуй, лишь пышная сабля XI в., приписываемая Карлу Великому.

Неподалеку от сабли лежал деревянный колчан, обтянутый кожей и украшенный бронзовыми бляшками. В нем железные стрелы — прославленное оружие в руках степняков.

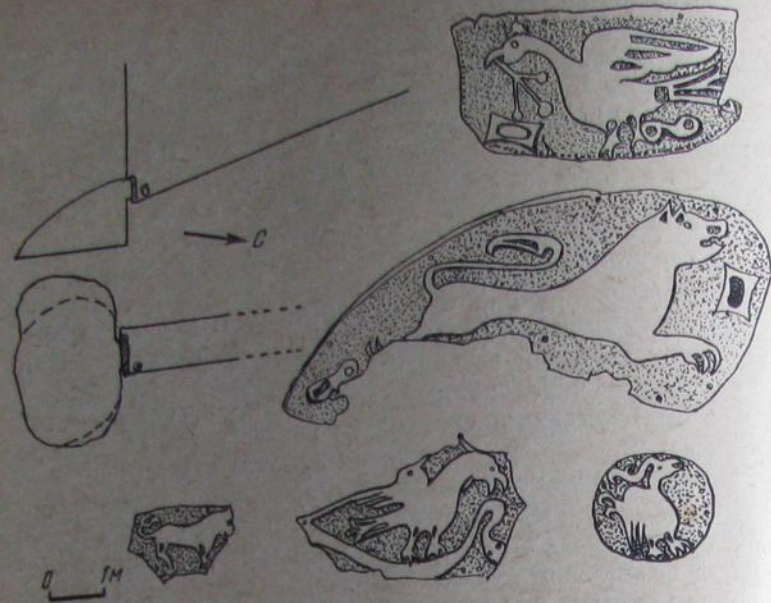
Аланы были великолепными конниками. В средневековой каталонской хронике Раймона Мунтемера говорится, что они «считаются лучшими, какими ни на есть всадниками на востоке». И стоит ли удивляться, что в катакомбе № 14 вместе с воином было погребено замечательное конское снаряжение.

Железные удила и стремяна лежали рядом с ремennым набором, щедро усыпанным бронзовыми бляшками с разноцветными вставками стекла. Тут же находился и бронзовый позолоченный начельник, предназначенный для прикрепления султана из перьев к голове лошади. Вблизи начельника — кожаная сумочка треугольной формы, на которой тончайшими серебряными проволочками вышита фигура сидящего фантастического животного — собаки-птицы Сэнмурва, одного из излюбленных мифических образов древнего Ирана. По-видимому, сумочка с вложенным в нее магическим веществом вместе со сбруей одевалась на лошадь и служила амулетом, охраняющим коня, а значит, и всадника.

Самая чудесная вещь среди конского снаряжения — это деревянное седло, покрытое накидкой из шелковой коричневой ткани, обшитой по краю золотой тесьмой с узорами: два павлина, клюющие плоды. Седло украшали и бронзовые позолоченные пластинки со штампованными рисунками хищных животных и птиц. На одной из пластинок изображена птица, несущая в клюве ветку с тремя круглыми плодами, скорее всего яблоками. Это отражение в прикладном искусстве одного из древнейших сказаний осетинского нартского эпоса о птицах, крадущих яблоки нартов. Три нартских яблока обладали чудесными свойствами, а птицы были перевоплощенными дочерьми морского царя Донбеттыра. Храбрый Ахсартаг подстрелил одну из птиц, и впоследствии от их брака родились герои-нарты.

В обрывках истлевшей ткани от седельной накидки были найдены фрагменты шелковой ткани с остатками надписи, вышитой золотой нитью.

Специалисты признали надпись арабской кувфической и перевели ее. Текст гласит: «Во имя аллаха всемилостиво-

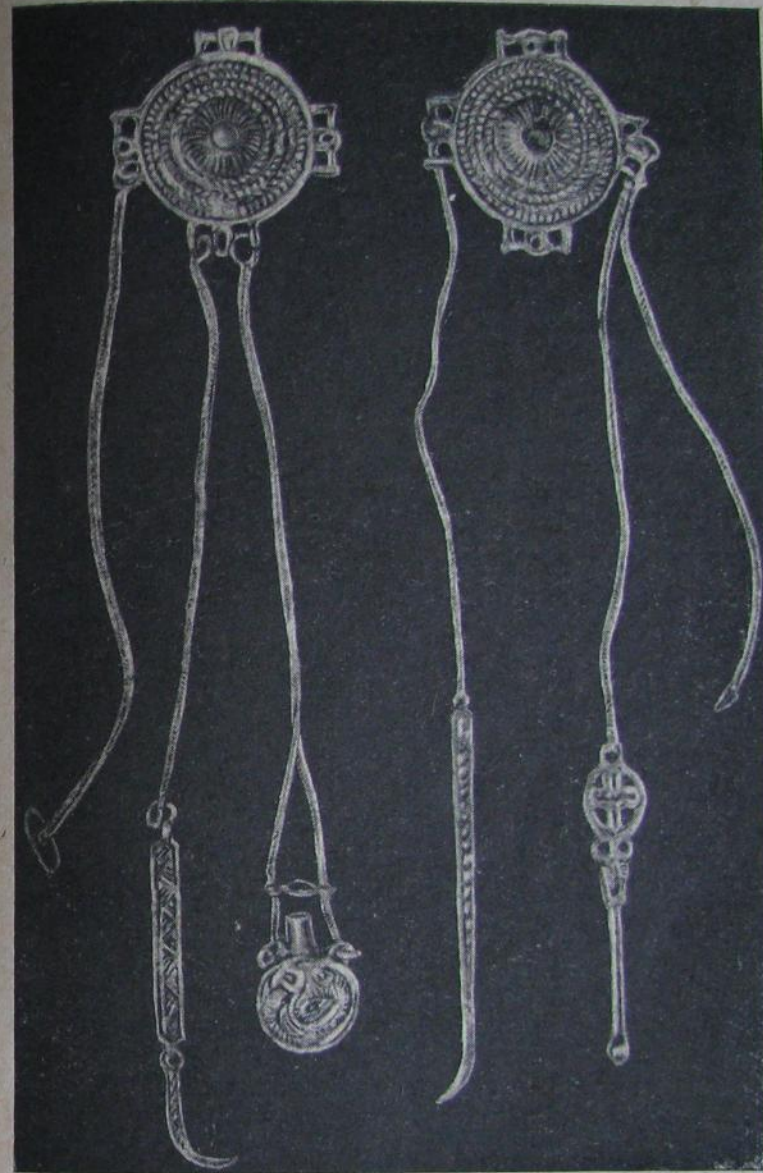

План и разрез катакомбы № 14 и обкладки-седла из золоченой бронзы

го и всемирносердного. Благодать...» Тут надпись обрывается и, надо сказать, обрывается на самом интересном месте. Благожелательная надпись должна была содержать имя человека, которому она посвящена. А имени этого и нет.

Появление магометанского текста в аланской могиле можно объяснить двояко. Возможно, это память о первом владельце седла, от которого оно каким-то неведомым путем попало к аланскому витязю. Но аланы не были мусульманами и едва ли чужая накидка с непонятной иноязычной надписью, случайно попавшая к алану, была бы столь бережно сохраняема и уложена в могилу вместе с самыми дорогими покойнику предметами. Скорее здесь другое — это подарок аланскому богатырю от какого-то мусульманского друга, излившего свои чувства и благожелания при помощи арабской куфической письменности. Такой подарок, конечно, был высокоценной реликвией.

Все могло бы прояснить имя владельца седельной накидки, на котором обрывается надпись. Но оно безвозврат-

Золоченые туалетные принадлежности из катакомбы № 14 Змейского могильника

но утеряно. И как не вспомнить тут давно полюбившиеся археологам стихи И. Бунина «Без имени»:

Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.
Но лик сокрыт — опущено забрало,
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, вождь. Но имя смерть украла
И унеслась на черном скакуне⁵.

Имя аланского воина тоже украла смерть. В этой же могиле похоронили его жену и сына.

Женщину в катакомбе положили на правый бок, лицом к мужу — ее господину и повелителю. Ее тоже укрыли богатыми тканями, украшенными бронзовыми бляшками, бубенчиками и золотым шитьем. На груди у женщины нашли набор ее туалетных инструментов: украшенную копоушку, две ногтечистки и флакончик для благовоний, подвешенные к круглому золоченому медальону, а также другие предметы. С ней не лежало ни орудий труда, ни кухонной посуды. Жене аланского военачальника незачем было «готовиться» к работе в «иной жизни». Труд — удел бедняков, а ее дело — тщательно следить за своей внешностью, чтобы и там — в загробном мире — муж любовался и гордился своей красавицей-супругой.

Спустя какое-то время в семейную катакомбу лег и еще один мужчина. Для него понадобилось несколько расширить погребальную пещеру, что и было сделано.

Если этот человек был сыном вождя, то следует признать, что он полностью унаследовал воинственный характер своего отца. Два колчана, набитые железными стрелами, длинная сабля, стремяна и остатки уздечного ремennого набора рисуют нам облик ловкого аланского всадника.

У его коня был совсем особый бронзовый позолоченный начельник, по-настоящему уникальный, ибо таких больше не знает археология. Начельник изображает женщину, держащую в вытянутых руках полную чашу. Напиток в чаше передан при помощи круглого стеклышка, вставленного в чашу сверху. В уши женщины вдеты

типично аланские серьги, голубые ее глаза — из бирюзы. На голове — убор, орнаментированный по краю, как и ворот одежды. Начельник является шедевром торевтики средневекового Кавказа (см. рис. на обложке).

Что символизировала эта фигурка, венчавшая голову боевого коня? Просто ли это затейливая выдумка заказчика или выражение сладкой мечты воина о той встрече, которую окажут ему соплеменники и его подруга по возвращению из дальнего набега? Наверное, последнее ближе к истине.

День и ночь проводил всадник на коне, нередко он и спал в седле, и всегда, будь то жестокий бой или бесконечный марш по знойным степям и диким ущельям, перед его глазами покачивалась в ритме конского бега изящная фигурка голубоглазой женщины. Она протягивала ему чашу, полную налитка, который утолит жажду, придаст новые силы, прибавит витязю храбрости во время его свидания с любимой. Что это был за напиток: простое вино или забытые ныне осетинами богатырские напитки нартов «ронг» (мед) и «алутон» (пиво)? Кто знает? Но отнюдь не ключевой водой отмечали аланы праздники и победы; не из горных хрустальных струй черпали они стеклянными кубками и чашами в дни погребальных тризн, и, конечно, не только кумыс и коровье молоко наливали они в те кувшины с носиками-сливами, что стояли в дромосах почти всех катакомб, в том числе и у входной плиты богатой усыпальницы № 14, давшей почти все уникальные находки.

«По-видимому, это могила, в которой погребена семья местного князя-феодала. Остальные богатые катакомбы могильника могут рассматриваться как погребения, принадлежащие окружению феодала, стоящему вместе с ним над обществом. Мы считаем наиболее вероятной датой катакомбы № 14 середину XII века. Это определяет и среднюю дату могильника в целом»⁶. Такова общесторическая характеристика гробницы безымянного аланского вождя, данная ее исследователем В. А. Кузнецовым.

Богата была семья аланского феодала. Сам он был знатный военачальник и храбрец, обладатель пышной сабли из Византии, дорогого закавказского стеклянного сосуда, роскошно орнаментированных тканей, завезенных из Ирана и Средней Азии, и редкого набора изделий местных мастеров — ювелиров, оружейников, ткачей, ко-

жевников. Но все это богатство — результат труда его соплеменников, которые создали замечательные ткани, украшенные аппликациями из золоченой кожи, великолепный начельник, золотые пластинки с замысловатыми узорами фольклорных мотивов. В него вложен труд иноземных умельцев, чьи прекрасные изделия распространились широко по белу свету и оказались в усыпальнице аланской семьи (15).

Охотник погиб в поединке

Древний ингушский аул Эгикал расположен в нагорной части Ассинского ущелья, в живописной долине Галгачиев, у подножия хребта Цей-Лам. Окрестности его заполнены всевозможными памятниками старины, среди которых немало уникальных. К таким единственным в своем роде археологическим объектам относится и надземный каменный домик-склеп с пирамидальной кровлей из сланца — гробница одного из ингушских родов.

Еще в 20-х годах склеп привлек внимание профессора Л. П. Семенова редкой деталью: на облицовке внешней стороны его юго-западной стены были замечены почти уничтоженные временем фрески, изображающие охоту на оленей; детеныши спешат под защиту своих родителей — взрослых оленей, которых преследуют два охотника: один на коне, с копьём, другой пеший, за ним бежит собака.

Приближение суровой зимы помешало тогда исследовать содержимое склепа. Но удивительный памятник манил к себе, и спустя много лет, Л. П. Семенов вновь вернулся к нему, произвел расчистку внутри склепа и написал о нем небольшую по объему, но яркую статью. Она увидела свет уже после смерти ученого — последняя из его изданных научных трудов и первая в кавказской археологии попытка монографического описания одного ингушского склепа.

Эгикальский склеп с рисунками хранил в себе много десятков захоронений XVII—XVIII вв. Но, к сожалению, века и неоднократные посещения людей сделали свое дело: погребения были разрушены, вещи изломаны или вовсе выброшены. И только справа от входного лаза в нижнем ярусе могил археолога ждала удача. Здесь был

обнаружен целый деревянный гроб, а в нем — непотребоженное захоронение мужчины среднего возраста.

Это не был ни вождь, ни старейшина, и его погребение не поражает ценными и дорогими вещами. Умерший был человек малосостоятельный, и его близкие положили в гроб все его любимые предметы. Они не роскошны, но зато Л. П. Семенов отмечает, что за много лет экспедиционных работ он ни в одном склепе не встречал такого полного набора рядового воинского и охотничьего снаряжения.

С мужчиной положили четыре простые деревянные и одну медную чашки и глиняный наконечник трубки для курения. Родичи снесли в склеп все оружие умершего: лук, железные стрелы, длинный прямой нож, круглый деревянный щит, обтянутый кожей, железный топорик, «мисюрку» — боевую шапочку с железной маковкой — и железный наконечник копья с остатками обломанного древка. Все эти вещи немного пострадали от времени, но видно бережное отношение к ним хозяина: нож и топорик в аккуратных деревянных чехлах, на щите видны следы починки. Тем более удивительной кажется находка в гробу обломка копья (наконечник и остаток древка). Эта деталь смутила и Л. П. Семенова. Прекрасный знаток кавказской этнографии, ученый обратился к фольклору и нашел ответ своему недоумению в песнях горского племени тушин — соседей и родственников ингушей. В одном из них отец рассказывает о смерти сына на поле брани и о его погребении.

Я оставил его в Цкараанах, изрубленного
на части,
Около него привязал я серую лошадь, плакавшую,
как девушка,
В головах поставил я Тинибегу обломок боевого
копья,
Вместо савана я насыпал на него зеленую
траву пустыни.
А на плач над ним слетелись черные вороны
с вершин высоких гор?

Следовательно, обломок копья в могиле мужчины, павшего в бою, — традиция вейнахских племен, истоки которой можно наблюдать в археологических памятниках еще до нашей эры (например, в Луговом могильнике нередко случаи находок согнутых или изломанных наконечников железных копий).

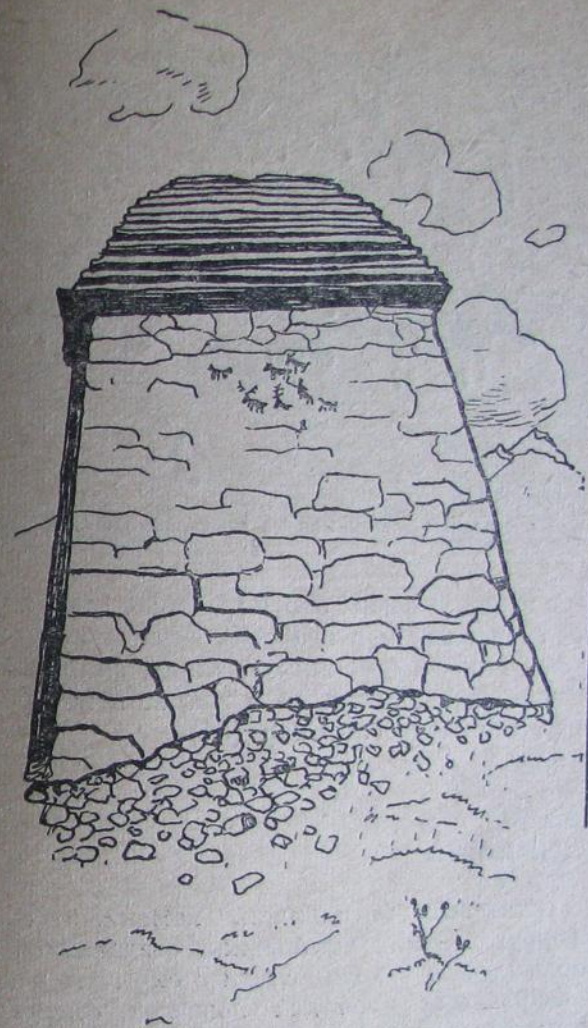
В тушинской песне говорится и о том, что у могилы воина во время похорон находился его конь. Этот обычай также существовал и у ингушей, почему на многих склепах (и на эгикальском в том числе) устроена коновязь из камня, в котором проделано отверстие для продевания уздечки. Во время похорон коня держали у коновязи, а затем обводили несколько раз вокруг склепа, посвящая его умершему.

И еще одна вещь в могиле заслуживает особого упоминания. Рядом с гробом лежал деревянный музыкальный струнный инструмент типа русской балалайки, так называемый дойчик-пондур. Оказывается, мужчина был еще и музыкантом, исполнителем старинных песен, нехитрые мелодии которых помогали ему и его товарищам коротать долгие ночи у костров в пути или у очага сакли, прислушиваясь к злому завыванию метелей.

На обратной стороне дойчик-пондура сделан резной рисунок линейного типа, изображающий охоту на оленя. Тематически он близок фреске на наружной стороне склепа. Это не может быть случайностью. Еще при жизни воин-музыкант воспроизвел в час досуга близкую его сердцу сцену оленьего гона на своем дойчик-пондуре. А когда он скончался, сородичи украсили его последнее пристанище — родовой склеп — фреской того же сюжета.

Охотничье искусство издавна высоко ценилось у жителей этого края, изобиловавшего дикими животными — оленями, турами, медведями, волками, кабанами, рысями, сернами и прочими. В представлении народа каждый горец-джигит должен быть опытным охотником; во время охоты житель гор проявлял высокие качества, ценившиеся в мужчине, — выносливость, силу, наблюдательность, отвагу, искусство в стрельбе и т. п. В горах каждая сакля украшена обычно шкурами животных, рогами туров, сери, благородных оленей и прочими трофеями охотничьей доблести.

В этой связи становится объяснимым настойчивое повторение охотничьих сцен в погребении воина. Он, надо полагать, был талантливым охотником, искусство которого завоевало всеобщее признание. Трудно что-либо утверждать, но обломок боевого копья и фреска оленьей охоты (где всадник угрожает оленьей семье именно коньем) невольно наводят на мысль, что этот не старый еще мужчина погиб не от болезни и слабости, а в поедин-

Эгикальский склеп

ке с благородным кавказским оленем, весь отдавшийся упоительной страсти охотника. Он был опытным истребителем оленей, и не одно животное пало от его рук. Но в этой роковой схватке у охотника оказался достойный противник. Ведь отчаявшийся олень, спасающий себя, свою подругу-самку и потомство, — страшный противник, а копьё, разлетевшееся в куски от удара о могучие рога, — больше не защита для человека.

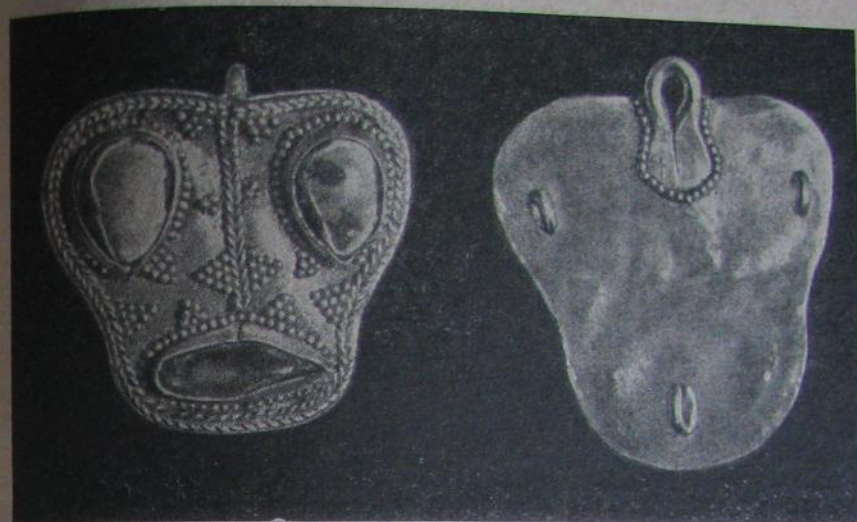
Сцена оленьей охоты, изображенная на эгикальском склепе

Храбрый воин, умелый охотник, музыкант и певец, пробуящий свои силы и в изобразительном искусстве, — таким он был для соплеменников, таким снарядили они его в последний путь, таким он и войдет в историю, которую пишут сейчас его потомки (31).

По следам грабителей могил

Курганы, грунтовые могильники, каменные склепы... Издавна вокруг древних усыпальниц создавались легенды. По земле ходили и ходят слухи о скрытых в них несметных сокровищах — золотых повозках, статуях, сундуках и бочонках драгоценностей. Но это только легенды. Могилы с захоронениями-сокровищами в наши дни очень редки. И не только потому, что богатых во все времена было куда меньше, чем бедняков, трудом которых и создавалось состояние верхушки общества. Почитайте отчеты археологов о раскопках могильников, и вы не раз встретите в них горькую фразу: «Погребение разграблено в древности».

Опустошение усыпальниц было в прошлом довольно обычным делом. Во всяком случае, археологи всегда готовы к неприятной встрече со следами губительной

Золотые застежки из кургана у селения Братского

деятельности своих предшественников в области раскопок.

За примерами далеко ходить не надо. Два самые восточные захоронения Лугового могильника, поражающие своими размерами и мощностью каменного панциря над ними, разграблены до основания. Богатые погребения скифского типа в курганах у селения Гойты почти полностью уничтожены грабителями. Аланские катакомбы III—IV вв. н. э. у Алханкалинского городища начисто опустошены. Этот огорчительный для ученых список можно продолжать и продолжать.

А вот один из последних примеров. В 1963 г. Р. М. Мунчаев раскопал несколько курганов II—III вв. н. э. у селения Братского на правом берегу Терека. Под насыпями оказались типично аланские катакомбы на глубине 3—5 м от оснований курганов. Уже когда расчищали дромос (входную могильную яму) первой гробницы, археологи заметили, что часть его засыпана совсем другим грунтом, и предположили, что это следы грабительского хода в катакомбу. Так и оказалось. Все погребения были тщательно очищены, деревянные и глиняные сосуды разбиты, а от богатого инвентаря сохранились лишь утерянные в спеш-

ке грабителями бронзовые пряжки, серебряная фибула, кусочки золотой фольги, мелкие нашивные бляшки из золота да две замечательные золотые застёжки в виде схематического изображения лиц, у которых глаза и рот переданы вставками бирюзы и рубина.

В книге Д. А. Авдусина о методике археологических работ читаем: «Современная археологическая методика требует производить раскопки кургана на снос, т. е. полную раскопку всей курганной насыпи»⁸. Это правильное и вполне обоснованное требование, так как, приступая к изучению погребального сооружения, археолог совершенно не знает, в каком месте, на какой глубине, в центре или с краю могильника ожидает его захоронение. Не знает он заранее и каков тип погребения откроется ему.

Древние грабители могил не затрудняли себя столь скрупулезными поисками объектов расхищения. В сотнях случаев замечено, что узкий грабительский ход-колодец выводит точно в гробницу или, если это катакомба, то, чтобы не завалить ее и не создавать лишних трудностей, ко входу в нее. Утерянные, незамеченные, брошенные впопыхах золотые и серебряные изделия с драгоценными камнями показывают, что ограблению подвергались, как правило, лишь богатые погребения, тогда как рядовые курганы и бедные захоронения остались нетронутыми.

Объяснение этому может быть только одно: осквернители могил были современниками их сооружения и отлично знали особенности погребального ритуала, по которому похоронили умершего. Они выбирали погребение знатного и богатого члена племени или рода и самым кратчайшим путем попадали к его трупу, где их ждал пышный инвентарь.

Разрушение захоронений всегда считалось святотатством, а в древности — едва ли не самым страшным преступлением, единственной карой которому была медленная мучительная казнь виновного. Могилы предков и родичей — святыня в глазах всех древних и новых народов.

Вот подтверждение сказанному. В 512 г. до н. э. скифский царь Иданфирс и его союзники хитроумно заманивали вторгшиеся на их родину полчища персидского царя Дария I в глубь степей Северного Причерноморья, уклоняясь от генерального сражения. Выведенный из себя не-

уловимостью кочевников, внезапно нападавших на его армию, Дарий обвинил скифов и их вождя в трусости. Ответ Иданфирса, донесенный до нас Геродотом, полон достоинства: «Узнай, перс, каков я: и прежде никогда не убегал я из страха ни от кого из людей, и теперь не бегу от тебя: ныне я не сделал ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делают в мирное время; а почему я не тороплюсь сражаться с тобою, я и это тебе объясню: у нас нет ни городов, ни засеянной земли, из-за которых мы поспешили бы драться с вами из боязни, чтобы они не были взяты или опустошены. Если бы нужно было во что бы то ни стало ускорить бой, то у нас есть могилы предков: вот попробуйте разыскать их и разорить, — тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за гробниц или не станем; раньше мы не сразимся, если нам не за-
благо рассудится...»⁹

Могущественный Дарий не воспользовался «советом» мудрого предводителя скифов, а счел за благо отступить.

Но все-таки были люди, осквернявшие, грабившие, разорявшие могилы, причем самые богатые, те, в которых погребалась родоплеменная верхушка. Кто же они, бросавшие вызов обществу и представлениям эпохи, рисковавшие ежеминутно своей жизнью?

Может быть, просто грабители, мародёры, которым нечего терять и единственная цель которых — нажива любым путем? Наверное, были и такие. Но как часто история дает нам уроки того, что в ряды ночных «татей», разбойников-«душегубов», становились доведенные до крайней меры отчаяния представители угнетенных низов. И тогда разбой и грабежи часто уже не самоцель, а выражение стихийного протеста, бунта против социальной несправедливости, против имущественного и правового неравенства. Не так ли и в этом случае, когда племенная беднота пыталась поправить свои дела, добиться справедливости за счет ограбления могил тех, кто нажил свои богатства их трудом, потом, лишениями?

Возможно иногда и другое: грабителями могил становились люди из покоренных племен, разоренные и униженные своими победителями. К. Ф. Смирнов, изучая сарматские погребальные памятники Прикубанья, заметил, что многие аланские катакомбы здесь стали жертвами ограбления, а затем в опустошенных гробницах были похоронены сарматы из племени сираков, которое раз-

громили и подчинили себе аланы. Новые захоронения нередко почти не имеют могильного инвентаря: это могилы бедняков. Однако не всегда встреча со следами деятельности древних «археологов» происходит в разрушенной и разграбленной могиле. Наши любознательные предки и на самом деле интересовались порою предметами неизвестной седой старины.

В алаванской катакомбе VIII—IX вв. н. э. у селения Гоуст (горная Ингушетия) археологи вдруг нашли бронзовый скифский наконечник стрелы VI—V вв. до н. э. и кобанские бронзовые статуэтки животных IX—VII вв. до н. э. В такой же гробнице V—VII вв. у селения Паласа-сырт (Дагестан) тоже оказался бронзовый скифский наконечник. А в каменном ящике раннего средневековья в местности Магате были обнаружены египетские амулеты, которые старше погребения по крайней мере на 400—500 лет. Таких случаев немало, и они отражают явление, именуемое у археологов «вторичным использованием предметов».

На Кавказе, где памятники древности встречаются чуть ли не на каждом шагу, не столь уж трудно в осыпях речных берегов, в дождевых размывах, просто на поверхности земли разыскать предметы, попавшие сюда из разрушаемых природой могильников и поселений.

Знарок этнографии и верований кавказских горцев Г. Ф. Чурсин отметил, что такие находки древних необычных предметов всегда привлекали внимание и будили интерес у людей. И если даже они не могли использоваться в их прямом утилитарном назначении (например, наконечники стрел совершенно чуждых устаревших типов и т. д.), то все равно изделия далеких предков берегли, дорожили ими. Нередко такие «овеянные романтикой прошлого» вещи становились священными талисманами и амулетами. Потому их и вносили впоследствии в состав погребального инвентаря.

Древние раскопщики, конечно, не знали, что своими действиями они весьма затруднят работу современных археологов, а иногда (в случае очень уж тщательного ограбления могилы) и вообще сведут их труды на нет.

Когда случайность закономерна

Случайно найденные древние предметы занимают важное место среди археологических источников. Во-первых, многие из них стали сигналами для ученых о существовании неподалеку соответствующих памятников материальной культуры, и абсолютное большинство известных ныне поселений и могильников открыто именно поисками по следам случайных находок. А во-вторых, очень часто случайно обнаруженные комплексы и отдельные вещи имеют самостоятельный немалый научный интерес.

Клады — не только золото

Пещерка была ничем не примечательна — не очень вместительная, но вполне пригодная для того, чтобы в случае непогоды укрыться в ней и переждать дождь. Собст-

венно этой цели и служило долгие века убежище под скалой в ущелье горной речки Псыган-су, близ селения Жемтала в Кабардино-Балкарии. Много поколений пастухов перевидела пещера, много слышала песен и рассказов, без которых не могут обойтись люди, когда злое пенястье собирает их у костра. И пастухи, побывавшие здесь, верно, могли бы сказать, что им все известно в этой заурядной пещерке, огороженной с внешней стороны грубой каменной стеной. Но они ошиблись бы: была у убежища тайна, которую оно сохраняло на протяжении тысячелетий и раскрыло лишь в 1947 г.

В то лето колхозные строители В. М. Сахненко и М. Шабатуков случайно заметили, что в отдаленном темном углу, у самой стены, лежит засыпанная грунтом каменная плита. Откопать и отбросить ее в сторону было делом одной минуты, и тогда перед удивленными людьми открылся древний тайник. В неглубокой ямке стояла крупная бронзовая ваза и 6 маленьких бронзовых сосудов, а в них — 6 бронзовых топоров, обломки кинжалных ножен и прекрасная длинная бронзовая цепь.

Находка была сделана как нельзя кстати: неподалеку работала археологическая экспедиция под руководством Е. И. Крупнова. Кавказовед немедленно обследовал место

Бронзовые сосуды и топоры из Жемталинского клада

тайника, изучил редкий комплекс, датировав его VIII—VII вв. до н. э., и написал о нем специальную книгу. И, надо сказать, Жемталинский клад достоин этого внимания.

Самая ценная вещь в нем — большая ваза, склепанная из шести частей листовой бронзы и снабженная двумя литыми ручками в виде схематических фигурок зверей. Она не имеет пока аналогий; а сосудики типа вместительных кружек с такими же ручками, хотя и известны в большом числе в древностях Кавказа, но каждая их новая находка является событием. Дело в том, что еще сравнительно недавно некоторые ученые считали, что подобные великолепные бронзовые сосуды не могли выходить из рук кавказских металлургов, что они якобы изготовлялись в Центральной Европе (Придунавье), в среде племен — носителей так называемой гальштаттской культуры, а уж оттуда попадали на Кавказ. Анализируя богатый жемталинский набор сосудов, Е. И. Крупнов картографировал все подобные предметы в памятниках Северного Кавказа и Закавказья, сравнил кавказские экземпляры с бронзовыми образцами гальштатта и убедительно доказал, что жемталинские и многие другие аналогичные сосуды сделаны на месте горскими мастерами, чье искусство в металлургии бронзы в первой половине I тысячелетия до н. э. было известно далеко за пределами Кавказа.

Так, один из библейских пророков VI в. до н. э. Иезекииль упоминает, что финикийский город Тир вел меновую торговлю с кавказскими племенами, «выменивая товары... на души человеческие» (т. е. рабов), «...и медную посуду», по-видимому, аналогичную той, что найдена в Жемталинском кладе.

Не менее замечательны и 6 бронзовых топоров. Длинной до 20 см, эти тяжелые и вместе с тем изящные орудия труда составляли одну из характерных особенностей кобанской и колхидской культур начала раннего железного века и являлись еще одним свидетельством расцвета местной металлургии.

«Технические и технологические качества вещей из Жемталинского клада доказывают высокий уровень обработки цветных металлов у населения горного Кавказа в I тысячелетии до н. э. Это высокое мастерство опиралось на более глубокую местную традициюковки и плавления».

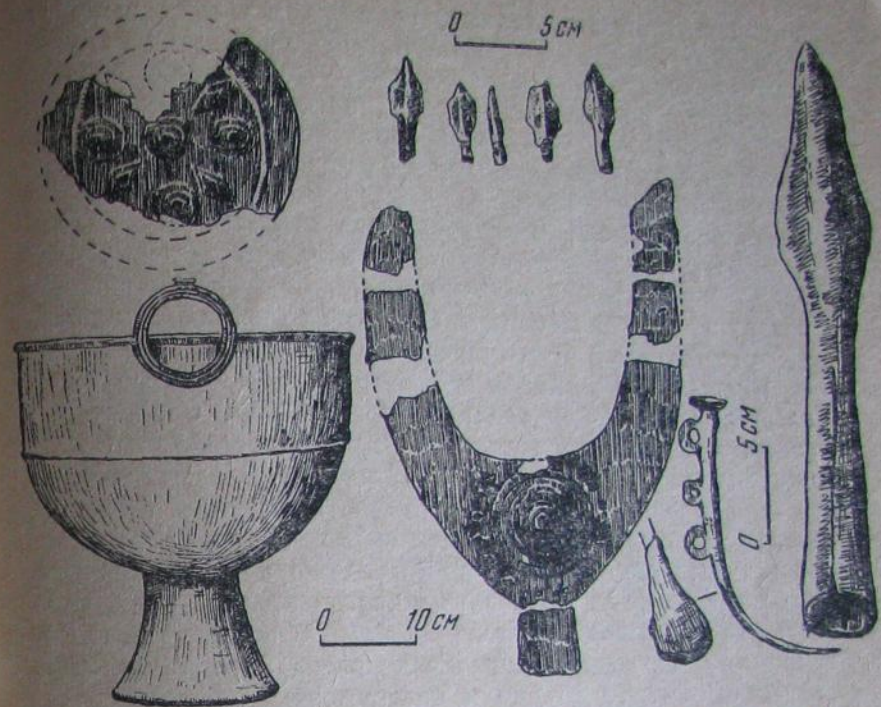
ки цветных металлов в формах по восковым моделям, известную еще с эпохи бронзы»¹, — пишет Е. П. Крупнов.

Обратив внимание на особенности отдельных предметов Жемталинского клада (сохранившиеся заусеницы на только что отлитых в одной форме, но еще не заточенных топорах, повторный аккуратный ремонт вазы, обрывки пепи и пр.), археолог справедливо определил этот клад, как собственность местного мастера-литейщика, который в минуту какой-то опасности спрятал вещи в укромном месте, где природа и время сохранили их до наших дней.

Если учесть, что клад датируется VIII—VII вв. до н. э., а зарыт он в устье ущелья неподалеку от выхода на равнину, то можно думать, что древний металлург спрятал свое сокровище в пору первого и яростного столкновения местных горских племен со степными кочевниками, неукротимым валом двинувшимися на Кавказ. Почему не вернулся литейщик к своему тайнику и не забрал набор прекрасных предметов, готовых служить людям? Скорее всего древний мастер погиб в бою или был захвачен в плен степняками. Клад не дождался хозяина...

Люди прятали в тайники самое дорогое. Литейщики, костерезы, ювелиры — свои изделия, женщины — украшения, воины — боевое снаряжение. Кладов возникало особенно много в тревожное время войн, опасностей и общественных потрясений. И не в один ли год с Жемталинским кладом был сооружен тайник на северо-западном склоне горы Бештау в Пятигорье, в 100 км к западу от речки Псыган-су?

Здесь, в расщелине скалы, при прокладке дороги в 1951 г. рабочие нашли еще один клад VIII—VII вв. до н. э. Он совсем иной по своему составу: тяжелый литой медный котел, бронзовая обивка круглого щита, бронзовое нагрудное украшение, удила и псалии, пряжка от конской сбруи, 4 бронзовых втульчатых наконечника стрел, железный наконечник копья и обломки железного кияжала. Все в нем говорит о воинственном облике владельца вещей. Добротню вооруженный всадник, готовый к превратностям дальних походов и кочевой жизни, — таким был тот, кому принадлежали эти вещи. Он не рядовой воин. Дорогое в те времена, только что появлявшееся в обиходе степняков железное оружие, уникальная богато орнаментированная обивка щита и, наконец, своеобразное нагрудное украшение, усиливавшее боевую одежду

Предметы из клада на горе Бештау (котел, круглая обивка щита, нагрудное украшение, псалии, наконечники стрел — бронзовые, наконечник копья — железный)

ду мужчины (может быть, кожаного панциря), — все говорит о состоятельности хозяина клада. Интересно, что когда Б. А. Куфтин нашел аналогичное бронзовое нагрудное украшение в богатом захоронении в Абхазии, то он посчитал его «бронзовым культовым облачением», а не просто частью доспеха. Возможно, необычайный нагрудник был своего рода символом привилегированного положения в обществе его носителя.

А. А. Иессен, изучавший клад с Бештау, считал, что эти предметы и подобные им одновременные памятники Северного Кавказа были оставлены непосредственными предками тех степных воинов и всадников, которые под именами киммерийцев и скифов вошли в анналы мировой истории. Представителю какого конкретного племени принадлежал комплекс отличного боевого снаряжения — сейчас решить еще нельзя. Однако ясно, что владелец

его был степняк-кочевник, один из тех, кто вынудил горского мастера-металлурга прятать свои изделия в укромном уголке ущелья Псыган-су. Но военное счастье изменчиво: вскоре ему самому пришлось, по-видимому, испытать участь человека, гонимого врагами, и тогда, спасаясь от грозной неведомой нам опасности, он поспешно уложил в скальную расщелину Бештау свое богатое облачение, оружие, походный котел и сбрую коня. А может быть, это сделал уже и не он сам, а какой-то кавказский мститель, стрела которого подстерегла знатного кочевника и превратила его снаряжение в трофей, до времени спрятанный в тайнике.

Клады... Мы слышали и читали о них с детства. И кто не грезил сам найти клад? Но когда обычно говорят это слово, люди представляют пышные сокровищницы, тайники, полные драгоценностей. Конечно, есть и такие хранилища кровавой военной добычи, несметных богатств, нажитых жестоким угнетением себе подобных. Они иногда встречаются, но неизмеримо больше на земле других кладов, в которых нет золота и драгоценных камней, зато есть нечто более дорогое — любимые предметы, пусть скромные, но единственные у человека украшения, проверенные трудом орудия и инструменты, изделия собственных рук и верное оружие. О двух таких тайниках, оставленных в бурную эпоху истории Предкавказья, мы только что узнали (7, 13).

Бронзовая маска богини из селения Нар

Еще в 1913 г. в Терский музей г. Владикавказа от сельского писаря Есты Калоева поступила бронзовая головка женщины, найденная его сыном Александром на скалистой вершине горы вблизи осетинского селения Нар. Вернее сказать, это была бронзовая маска, полая внутри и без затылочной части. Маска массивная, литая. Она изображает суровое женское лицо: строго нахмуренные брови, узкие крепко сжатые губы, прямой нос, волевой подбородок.

Л. П. Семенов, спустя более чем 50 лет специально изучивший замечательную нарскую находку, датировал ее VIII—VI вв. до н. э., отметил ее уникальность в па-

Бронзовая маска богини из селения Нар

мятника Северного Кавказа и правильно объяснил бронзовую маску как изображение лица древней местной богини, одевавшееся на деревянный идол. Не найдя сколько-нибудь близкой одновременной аналогии этому единственному в своем роде культовому предмету, опытный кавказовед обратился к этнографии местных народов.

В эпоху средневековья и, доживая как пережиток, вплоть до конца XIX в. у горцев Чечено-Ингушетии одним из наиболее почитаемых божеств была древняя богиня плодородия и урожая Тушоли. С ее культом связано множество обрядов и суеверий. У Тушоли просили размножения стада и появления потомства в семье, но едва ли не основная ее функция состояла в обеспечении урожая на полях. В старинном ингушском народном календаре первый весенний месяц (соответствующий марту), когда природа пробуждается от зимней спячки, назывался именем божества — «Тушоли бут», а пестрая птица угод, прилетающая в горы вместе с приходом весны, звалась «Тушоли кютам» (курица Тушоли) и считалась посвященной самому божеству.

По всей горной зоне Чечено-Ингушетии обильно разбросаны пункты, связанные с культом Тушоли (святнища, памятники, священные местности и пр.). Популярность Тушоли выходила далеко за пределы Чечено-Ингушетии, так как до недавнего времени она почиталась и хевсурами, тушинами, а в древности, конечно, и еще более широким кругом близкородственных кавказских племен.

Основные и самые яркие памятники культа Тушоли сосредоточены в горной Ассиинской котловине. Это послужило основанием для вывода о рождении данного культа в среде древних племен, населявших ущелье Ассы и соседние с ним районы. В верховьях Ассы, у селения Ког, стояло и главное святилище Тушоли эпохи средневековья, в котором под охраной жрецов хранилось изображение богини. Вот это-то и очень важно, так как Тушоли — единственное горское божество, у которого было антропоморфное изображение в виде деревянного идола с женской маской на нем. Тушоли так и называлась у чеченцев и ингушей — «даьла юхь Тушоли», т. е. «божий лик (образ) Тушоли». Деревянный идол и поздняя маска богини (из железа) были найдены в предвоенные годы. Они изображают строгое женское лицо, навевавшее большой суеверный страх на религиозных горцев.

В народе ходили предания, что богиня всегда печальна, лицо ее пасмурно, и она нередко плачет, а это сулит людям горе. Прекрасный знаток ингушской этнографии, профессор Д. Д. Мальсагов так описывает один из обрядов, совершаемых вокруг Тушоли: «Из святилища в селении Ког весной в праздник Тушоли жрец (цїена саг) выносил к народу деревянный идол Тушоли с железной маской на лице. Народ в ужасе падал ниц, не смея взглянуть на богиню. Жрец объявлял народу: «Тушоли улыбнулась, будет благоприятное лето», — и люди ликovali; или: «Тушоли нахмурилась». Тогда охваченные паникой горцы спешили на поле и вытапывали часть посева, чтобы умилостивить грозную богиню»².

Понятно, что деревянный идол и маска богини неоднократно заменялись в процессе многовековой истории культа. Последняя известная маска была из железа, но ретроспективным путем нетрудно догадаться, что в ранние эпохи процветания на Кавказе бронзовой металлургии маска делалась из господствующего металла (брон-

зы). Разрушенные временем деревянные идолы богини уступали место новым. Не раз заменялись и металлические маски. Но каждый новый божий лик Тушоли обязательно передавал суровое и печальное выражение лица богини, соответствующее содержанию окружавших ее суеверий.

Л. П. Семенов, сравнив культовую бронзовую маску VIII—VI вв. до н. э. из селения Нар с позднейшей маской Тушоли и ее деревянным идолом, указал на очевидное стилистическое и композиционное сходство обоих изображений женских лиц. И сходство это, конечно, не случайно — за ним скрывается тождество объектов почтения.

Рождение культа богини плодородия Тушоли уходит в глубокую древность, и бытование его в VIII—VI вв. до н. э., когда была отлита бронзовая маска женского божества, отнюдь не представляется неожиданным.

В идеологических представлениях племен кобанской культуры XI—IV вв. до н. э., населявших все Центральное Предкавказье, культы плодородия занимали весьма почетное место, находя свое воплощение во всевозможных религиозных символах: глиняные фигурки животных с подчеркнутыми половыми признаками (их найдены сотни, например, на Сержень-Юртовском поселении), литые фаллические изображения мужчин из бронзы (например, в знаменитом Казбекском кладе VI—V вв. до н. э. и повсеместно в памятниках Центрального и Северо-Восточного Кавказа), а также аналогично натуралистические женские фигурки и т. п. Кстати, фалл — обязательный атрибут и культа самой Тушоли. Мощное каменное изображение фалла висело вплоть до 1929 г. перед главным святилищем Тушоли в селении Ког; с ним связано немало религиозных легенд, поясняющих появление этого элемента в культовом комплексе богини плодородия.

Эпоха кобанской культуры — это период интенсивного развития отгонного скотоводства, резкого увеличения поголовья стад и продуктивности животноводства. Кроме того, в горах появляются первые зачатки пашенного земледелия с применением первобытного горского плуга или деревянной сохи. Об этом времени Е. И. Крупнов пишет: «Земледелием в довольно развитой форме стали заниматься не только племена степных, равнинных райо-

пов, но и горцы нагорной полосы, где, конечно, в силу местных условий земледелие имело меньшее хозяйственное значение, чем скотоводство»³.

Подобные сдвиги в хозяйственных занятиях кобанских племен не могли пройти бесследно и для идеологии горцев, закономерно приводя к процветанию и усовершенствованию древнейших культов плодородия и урожая, олицетворением которых у части горских племен и стала богиня Тушоли с ее своеобразной атрибуцией. И, принимая плодотворную мысль Л. П. Семенова о несомненной близости древней и новейшей масок богинь, можно считать, что литая бронзовая головка женщины из селения Нар является древнейшим, дошедшим до нас изображением «дабла юхь Тушоли» — «лика божиего» богини плодородия Тушоли, могущественной и суровой, как суровы условия жизни в горах.

С III в. до н. э. на протяжении 1500 лет в горы Северной Осетии в среду потомков кобанских племен энергично внедрялись с севера многочисленные ираноязычные племена степняков — сарматов и алан. В результате этого произошли большие перемены во всех областях жизни края. Изменился и пантеон божеств: некоторые исконные местные культы забылись, уступив место в религиозных представлениях людей новым аланским божествам. Не сохранился на территории Осетии и культ Тушоли. Святилища богини заустели и разрушились, маски ее затерялись, подобно той, что была найдена случайно у селения Нар (30, 33).

Киевский крест в Маджарах

На правом берегу Кумы — северной границы Предкавказья — лежат руины большого средневекового города Маджары. Сейчас только развалины и частые находки здесь древних предметов напоминают о былой жизни на городище, расцвет которого связан с эпохой Золотой Орды (XIII—XV вв.). Маджары был крупным золотоордынским центром, перевалочным пунктом на важных военно-торговых путях из Поволжского ханства в Предкавказье и далее на юг. Об истории Маджар археологи знают немало, но, конечно, еще далеко не все.

В июне 1963 г. на территории Маджар был поднят христианский крест-энколпион (складень). Это очень интересная находка в татаро-монгольском городе Предкавказья, так как подобные нательные кресты (из двух створок, между которыми помещались святые мощи) представляют собой предмет, типичный среди русских древностей первой половины XIII в. Ташкентский археолог Э. В. Ртвеладзе, отдыхавший в Пятигорске и ставший свидетелем редкой находки, вскоре опубликовал энколпион с соответствующей исторической характеристикой.

Крест-складень сохранился не полностью, утрачена передняя створка. Найденная часть представляет собой четырехконечный с закругленными концами крест. Все четыре конца энколпиона украшены медальонами с погрудными изображениями святых. Почти вся вертикальная перекладина занята фигурой богоматери в полный рост. Изображения на кресте сделаны в так называемом низком рельефе.

Справа от фигуры богоматери помещена монограмма, обозначающая греческими буквами имя Иисуса Христа; там же над головой богоматери надпись, сделанная буквами русского алфавита. Она читается: «Богородица, помогай». Энколпион отлит из меди в каменной форме.

Кресты этого типа прекрасно известны по находкам их в древнерусских городах (Киеве, Херсонесе и т. д.). Академик Б. А. Рыбаков убедительно доказал их киевское происхождение, а известный специалист по древнерусскому искусству Г. Ф. Корзухина датировала такие энколпионы концом XII — первой половиной XIII в. Много подобных крестов найдено в Киеве, в комплексах, непосредственно связанных с разорением города татаро-монголами в 1240 г.: в пожарницах домов и мастерских, на груди изрубленных русских воинов, в поспешно зарытых кладах и тайниках. Маджарский энколпион абсолютно тождествен киевским экземплярам, и это свидетельствует о том, что и он — творение киевских ремесленников.

Находка на развалинах Маджар киевского изделия, датируемого первой половиной XIII в., вводит нас в мрачную обстановку тех лет, когда татаро-монгольские орды огнем и мечом отмечали свой путь по Восточной Европе, оставляя после себя разрушенные поселения и города, горы трупов и мертвые пустыни.

Медный крест-складень (энколпион) из Маджар

«И некому было стонать и плакать, некому скорбеть о погибших, родителям о детях, детям о родителях, братьям о братьях — все вместе лежали мертвые», — писал русский летописец о тех ужасных временах. Его скорбный рассказ о бедствиях народа Руси взволнован и правдив.

Страшна смерть, но еще страшнее — неволя. Раненные в сечах войны, захваченные в плен молодые жен-

щины и дети, прославленные русские мастера-умельцы становились рабами завоевателей. И вот бесконечные вереницы «живого товара», подстегиваемые бичами охраны, поползли степными дорогами из Руси в татаро-монгольские ставки и города Поволжья, Крыма, Предкавказья и дальше — в Среднюю Азию, вплоть до исконных монгольских улусов. Оскудела Русь людьми в те проклятые годы, и горько было слышать славянскую речь за тридевять земель от родных пещелищ и погостов, от зараставших лесами пашен и одичавших лошадиных табунов.

Маджарский энколпион говорит о том, что и в этот золотоордынский город злая судьба забросила русских. Кто был носивший его человек: воин или ремесленник, смерд или боярский холоп, зрелый муж или юноша? Пожалуй, ясно только, что был он простолюдин — труженик (медный крест не невесть какая роскошь!), один из тысяч пленных, на каторжном труде которых крепло и разбухало от награбленных богатств поволжское ханство.

Советские исследователи Золотой Орды верно отмечают, что рост ее могущества и городов «опирался не столько на нормальное развитие собственных производительных сил, сколько на средства, добытые путем ограбления других народов. Характерно, что и культура Золотой Орды, материальная и духовная, создавалась не собственными татарскими силами, а руками, знаниями и талантом покоренных народов»⁴.

Верно, не раз повторял пленный киевлянин воспаленными губами молитву, начертанную на энколпионе: «Богородица, помогай!» Не спасли Богородица и святые бедного русича! Пережил он горе гибели отцовского дома и близких своих, познал дикую и позорную тяжесть неволи, страшный рабский труд на быстро строящемся городе Маджары, познакомился с плетью визгливых наездников. И, видно, не выдержал русич — бросился в смертный бой со своими обидчиками, с разорителями родной земли. Смерть в бою — краше рабской доли! И погиб человек. Сорвали с него враги последнюю память о Киевщине — простенький крест-складень, сломали его и втоптали в чужую землю.

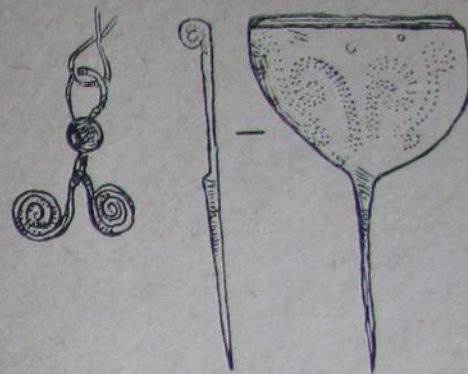
Возможно, киевлянин умер и не так, но суть в другом: он был в Маджарах и его киевский энколпион сейчас самый ранний, точно датированный предмет из всех найденных на Маджарах. И разве не символично, что

подлинная история золотоордынского города, как и процветание всего хищного ханства, начинается с появления в нем русских людей, волею княжеских междоусобиц оказавшихся в татаро-монгольском рабстве. А кончается история кровавой Орды и большинства ее городов, когда Русь вновь становится единым сильным государством во главе с Москвой; и уже не поставляет она паразитствующим воинам-грабителям рабочие руки невольников, а сурово мстит за веками пролитую кровь своих сынов.

Рабы из разных земель и государств строили Маджары: возводили мечети, мавзолеи, дворцы, рыли укрепления. И когда не стало рабов и пала Орда, а последние слабые кочевые орды потомков чингисхановых воителей сплелись в клубке междоусобных битв, город Маджары захирел и вскоре перестал существовать, превратившись в руины. А «мать городов русских» — Киев и другие русские города пережили разорения и пожары, штурмы и ярость врагов и снова возрождались к жизни руками своих сынов, становясь еще прекраснее и еще дороже каждому поколению потомков тех русичей, которые по неволе строили золотоордынские города, а затем в жестоких битвах сокрушили ханство своих поработителей (32).

• • •

Жемталинский и бештауский клады, нарская и маджарская находки, сотни подобных им археологических памятников добыты не в процессе раскопок. Случайно были открыты тайники, случайно попались на глаза людям пролежавшие века бронзовая маска богини и медный энколпион. Случайно... Но совсем не случайно колхозники и рабочие, школьники и студенты, представители всех отрядов советской интеллигенции изо дня в день сообщают в музеи, институты, газеты о своих находках предметов старины. Часто они даже не подозревают об истинной научной ценности найденных вещей и комплексов. Человеку не дано знать все профессии. Но человек — творец на своем историческом пути — всегда стремился осмыслить окружающий мир. И потому массовость случайных археологических находок в нашей стране закономерна; она — следствие интереса к памятникам прошлого, живой любознательности и любви к истории своей Отчизны.

«Речки смерти» и законы жизни

Помните чеканные лермонтовские стихи о споре Казбека и Шат-горы (Эльбруса)? Два кавказских исполина обсуждают направление возможной опасности. А опасность близка. Вот Казбек уже видит ее:

...И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум:
Видит странное движение,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки...¹

В прошедшие тысячелетия горы не раз становились свидетелями неудержимых людских потоков, двигавшихся в Предкавказье с севера, из степей Восточной Европы. Это были орды степных народов, сменявших друг друга на арене мировой истории и вступающих в соприкосновение с коренными жителями Кавказа.

Киммерийцы, скифы, савроматы (сарматы), аланы... Их имена вы уже встречали в книге. Узнали вы и отдельные эпизоды из взаимоотношений этих народов с горцами. Теперь же давайте познакомимся с целой 700-летней эпохой на Северном Кавказе, с интереснейшим периодом местной истории, когда Горы и Степь, столкнувшись в очередном жестоком поединке, сочли за благо избрать Мир и Добрососедство решением своего спора.

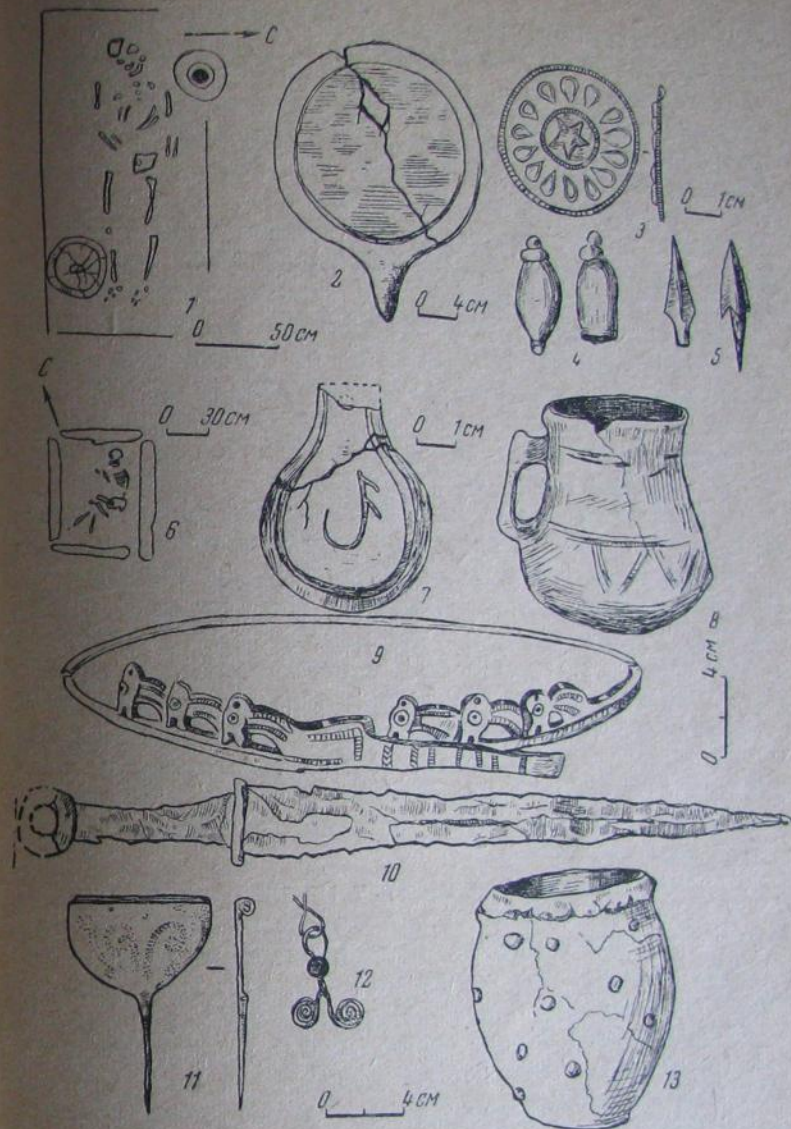
Враги

«...Звериными шкурами и широкими штанами они защищают себя от жестоких холодов, их страшные лица закрыты длинными волосами... Свирепый враг, вооруженный луком и налитанным ядом стрелами, осматривает стены на тяжело дышащем коне; и как хищный волк овечку, не успевшую укрыться в овчарне, несет и тащит по пажитям и лесам, так и враждебный варвар захватывает всякого, кого найдет в полях еще не прикрытого оградой ворот: он или уводится в плен с колодкой на шее, или гибнет от ядовитой стрелы»².

Так описывает набеги сарматов опальный римский поэт-изгнанник Публий Овидий Насон. Престарелый Овидий стал очевидцем сарматских нападений на рубеже новой эры, когда отбывал многолетнюю ссылку на западном берегу Черного моря. А племена и народы Кавказа испытали натиск ираноязычных кочевых сарматских орд на 300 лет раньше.

Стремительные степняки-сарматы в III—II вв. до н. э. двинулись с территории своей прародины в Северном Прикаспии на запад — в Причерноморье и на юг — в Предкавказье. Их переселение было подготовлено важными сдвигами внутри сарматского общества. Распадались старые родовые связи, складывались крупные племенные образования, развивался строй так называемой военной демократии. Резко усилившаяся сарматская всадническая аристократия стремилась к покорению новых земель. «Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей», — писал Ф. Энгельс³.

Сарматские передвижения не были простыми набегами. Племена и целые племенные союзы кочевников

Памятники сарматской эпохи на Северо-Восточном Кавказе

1 — план сарматского погребения; 2, 7 — бронзовые зеркала; 3, 9 — золотые украшения; 4 — подвески из опала; 5 — железные наконечники стрел; 6 — план захоронения в каменном ящике; 8 — глиняная кружка; 10 — железный меч; 11—12 — бронзовые украшения; 13 — глиняный сосуд (2—5, 7—10 — сарматские вещи; 11—13 — предметы местных горских племен)

осваивали степные раздолья Украины и Предкавказья. Тем страшнее было их нашествие для аборигенов (коренных жителей). По словам автора I в. до н. э. Диодора Сицилийского, сарматы, «сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню»¹.

И оседло-земледельческие племена густонаселенного Терско-Сунженского междуречья во всей полноте познали сокрушительные последствия сарматского вторжения на Северный Кавказ. Запылали взятые штурмом наспех укрепленные поселения. Огонь беспощадно пожирал нивы, не дождавшиеся серпа своих трудолюбивых возделывателей. Скот — главная ценность в глазах степняков — испуганно ревел, перегоняемый из обжитых стойл под бескрайний шатер степного неба.

Сарматы из союза племен во главе с сираками захватили степные районы вплоть до лесистых предгорий, что протянулись южнее Сунжи. Северо-западное побережье Прикаспия до р. Сулак подчинили себе аорсы. На долгое время исчезают здесь могильники местных кавказских племен, разгромленных и отброшенных в горные ущелья. Зато появляются длинные вереницы курганов, оставленных кочующими с места на место сарматами. Захоронения в этих могильных холмах совершены в соответствии с погребальным обрядом пришлых степняков: покойники лежали вытянуто, на спине, головой на запад, иногда на восток.

В сарматских могилах находят миски с положенными в них частями бараньих тушек и железным ножом, глиняные кувшины с питьем. Воинов снаряжали оружием. В их могилах находят железные мечи, тяжелые наконечники копий, колчаны, полные трехгранных втульчатых железных стрел, конскую сбрую, иногда золотые украшения (шейные гривны, застежки-фибулы и пр.). В женских гробницах инвентарь иной: наборы многоцветных привозных бус, глиняные пряслица, десятки типично женских украшений (браслеты, серьги, булавки и пр.). Но еще чаще в сарматских захоронениях — будь оно мужским или женским — лежали разбитые бронзовые зеркала. Они у сарматов не просто предметы туалета. Зеркалу приписывались многие магические свойства. Сарматы, например, считали, что в этих блестящих от-

полированных кружочках живет двойник человека, а может быть, прячется его душа. И если сородич умер, надо немедленно изломать в куски зеркало, разбить вместилище его души, двойника. Между прочим, пережитки этих древних представлений сохранились до сих пор в суверенном страхе перед разбитым зеркалом и в традиции занавешивать черным зеркала в доме с покойником.

Сарматские курганы изучены близ селений Ачикулак, Мекенская, Кулары, Пседах, Червленная, у городов Грозный, Моздок, Орджоникидзе. Картографирование их показывает, насколько правы были античные писатели, когда, начиная с последних веков до н. э., они единодушно именуют степи Северного Кавказа «сарматскими равнинами».

В середине I в. н. э. в Предкавказье появляются новые сарматские этнические группы, известные нам из греко-римских источников под именем алан. Воспользовавшись сирако-аорскими междоусобицами, аланы захватили большую часть сиракских территорий (от Прикубанья до Дагестана) и сильно потеснили аорсов. Новые пришельцы принесли с собой в степи и новый погребальный обряд — захоронение в глубоких подземных пещерах-катакомбах.

Аланы без промедления перешли к активной политике в Предкавказье. Они вновь пытаются захватить предгорные районы и выходы из горных ущелий, чтобы еще крепче подчинить своему контролю аборигенов. Аланские погребальные памятники (у селений Братское, Пседах, Алхан-Кала, Алхасте, Брут, Джеми-Кент) густо заполняют равнинную часть бассейна Терека и Сунжи.

А местные племена? Как сложилась их судьба? Какая-то часть аборигенов была уничтожена в схватке с врагами. Некоторые племена едва ли не полностью растворились в среде пришельцев, подчинившись им. Остальные, как это бывало уже не раз, под натиском многочисленных степняков отступили в горы, где испокон веков жили близкородственные им этнические группы, откуда их собственные предки переселились на равнину. Из глубины горных ущелий оправившиеся от поражений кавказцы постоянными набегами тревожили незваных гостей.

Горцы сохранили свою независимость и свою оригинальную материальную культуру. В ущельях Централь-

ного и Северо-Восточного Кавказа вы не найдете курганов. Здесь безраздельно господствуют исконные горские обряды погребения: скорченно, лежа на боку, в каменных ящиках или в неглубоких грунтовых ямах, заваленных булыжником. И вещи в могилах (глиняная лепная посуда, богатый набор бронзовых украшений, типы оружия) истинно кавказские; они продолжают традиции местных культур. В могильниках конца I тысячелетия до н. э. у горных селений Корца, Кобань (Северная Осетия), Бети-Мохк, Шушия, Первомайское (Чечено-Ингушетия), Хабада, Карабудахкент (Дагестан) археологи находят материалы самобытных культур с весьма незначительными, иногда еле уловимыми примесями сарматских элементов.

Нечего и говорить, что факт столь полного культурного размежевания у соседних племен степей и гор, прослеживаемый по данным археологии, отражает резко враждебные отношения на первых порах знакомства между пришлыми сарматами и аборигенами. Об этом же в один голос говорят и письменные источники. Греко-римские авторы (Аполлоний Родосский, Страбон, Диодор Сицилийский), описывая народы Кавказа, неоднократно говорят о «весьма враждебных сарматах», о том, что кочевники нападают на жителей гор, мешая им обрабатывать землю. Грузинская средневековая летопись «Картлис цховреба» («Житие Грузии»), созданная на базе многовековых достижений закавказской историографии, с осязаемым налетом легендарности рисует появление в Предкавказье кочевников — предков осов — осетин. По словам летописи, пришельцы оттеснили в горные ущелья коренное население и обложили данью некоторые вейнахские и дагестанские племена.

Граница между противниками на Центральном и Северо-Восточном Кавказе сохранялась в целом по линии лесистых предгорий. Это была беспокойная граница.

Всем современникам было отлично известно, что сарматы-враги — страшные соседи. Они, по словам Аммиана Марцеллина, отличались особой ловкостью в грабежах и набегах, нападали врасплох, уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот, «злбно радуясь гледам пепла сожженных селений». Опасной и полной неожиданностей была граница с недружественными сарматами.

Кто не знает стихи М. Ю. Лермонтова «Я к вам пишу случайно; право...», больше известные под названием «Ва-

лерик»? Речь в них идет о жаркой битве 11 июля 1840 г. между русскими войсками и горцами под аулом Гихи, на берегах ручья Валерик (по-чеченски Валарг), что с юга впадает в Сунжу.

Сражение закончилось, и герой-повествователь обращается к своему другу-чеченцу с вопросом:

— Как месту этому названье? —

и получает ответ:

Валерик,

А перевесть на ваш язык,

Так будет речка смерти: верно,

Дано старинными людьми...⁵

Лермонтов первым сообщил перевод названия маленькой речки, затерявшейся в Чечне, и с этим переводом соглашаются современные лингвисты (Ю. Д. Дешериев, К. З. Чокаев), делая единственное уточнение: полный перевод гидронима — «река смерти мужчин». Значит, в названии отразилась не память об ужасах какой-либо эпидемии, и название это — не констатация естественной смерти обитателей местности, так как и в том, и в другом случае смерть одинаково не падала ни мужчин, ни женщин. Как же тогда объяснить появление вейнахского наименования: Валерик — «река смерти мужчин»?

Оказалось, что по соседству с Валериком (в 6—8 км к востоку) течет и впадает в Сунжу река Мардан. «Мардан», или «Мард-тан» — «река убийств», «река смерти (мертвых)» на сармато-аланском языке. Значит, две соседние реки в засунженских предгорьях носят одинаковое трагическое название, но на разных языках! Что скрывается за этим?

Если данный факт сопоставить с общей исторической обстановкой, вкратце описанной выше, станет ясно — пограничный между сарматами и горцами район двух речек был ареной частых столкновений. Кровавые сражения, в которых пало много воинов с обеих сторон, наконец, трезвое понимание смертельной опасности перехода этих «демаркационных рек» — вот что должно было опередить появление мрачных названий в этих местах.

Во времена Лермонтова название «Валерик» символично лишь постольку, поскольку на «речке смерти» вновь пролилась кровь. Возникновение же имени — это

седаю древность («верно, дано старинными людьми...»). Но для этих «старинных людей» — предков вейнахов и сармато-алан — «речки смерти» были суровой реальностью, непреходимым рубежом на границе враждующих племен.

Соседи

Но сколько можно находиться в состоянии непрерывной войны? Долго ли взаимоотношения племен могут сводиться лишь к грустной формуле: «встретил — убил — захватил добычу?»

Проходили десятилетия. Стало забываться ужасное впечатление о разорительном нашествии сарматов. Соседи вынуждены искать пути для мирных контактов и связей. Для этого было много причин.

Сарматы явились в Предкавказье не как временные грабители. Степи, освоенные ими, это не просто территория, на короткий срок захваченная иноземцами. Сарматы огромными массами переселились на Северный Кавказ, который с этих пор становится в полном смысле частью Сарматии. Отныне его просторы в глазах современников — «сарматские равнины», «земли сарматов», а в представлении многих последующих поколений самих сарматов — родина, коренная территория.

Разгромив, оттеснив в горы аборигенов, предприняв несколько неудачных попыток проникновения в глубь гор и получив отпор, сарматы должны были стать перед выбором: либо непрекращающиеся изнурительные войны с горцами, либо установление добрососедских отношений с взаимной выгодой и взаимными уступками.

Различные сарматские племена не очень-то уживались друг с другом. Источники доносят до нас сведения о междоусобицах сираков и аорсов. Когда же здесь появились аланы, они тут же начали войны с родственными соседями и «мало-помалу постоянными победами изнурили» их (Аммиан Марцеллин). Понятно, что при таких условиях было просто необходимо обеспечить безопасный тыл, т. е. примириться с горцами и даже в случае нужды искать у них поддержку. Всадническая сарматская аристократия настойчиво продолжала изыскивать способы обогащения, увеличения своих богатств за счет грабитель-

ских походов. Военные же операции против небогатого населения гор, кроме большой опасности, мало могли дать сарматам.

Иное дело — набеги на закавказские государства, где добыча в случае удачи была обильной и роскошной. Но самое короткое время показало, что сармато-аланы могут рассчитывать на успех южных экспедиций лишь при условии благожелательного отношения к ним горских племен, которые контролировали основные перевальные пути.

Задача установления лояльных и союзнических отношений очень облегчалась тем, что и сами кавказцы остро нуждались в мире со своими северными соседями. Им так же, как и сарматам, было нелегко жить под угрозой возможных нападений степняков. Кроме того, одной из ведущих отраслей хозяйства горцев в эту эпоху было так называемое ейлажное (отгонное) скотоводство, подразумевающее обязательный перегон стад зимой на равнинные пастбища, в затеречные районы современного Ставропольского края и Северного Дагестана. Мирные отношения с сармато-аланами открывали путь к таким перекочевкам, невозможным при состоянии войны. И, наконец, горские племена, находящиеся, подобно сарматам, на стадии разложения родового строя, на стадии общества военной демократии, быстро оценили выгоды совместного участия в грабительских походах на Иберию, Армению, Кавказскую Албанию.

Соседи, убедившись во взаимной силе, в прочности положения каждого из них, в пользе и неизбежности лояльных взаимоотношений, перешли к интенсивной торговле, тесным политическим, экономическим и военным связям и общениям. Не добрая война, а пусть поначалу и худой мир становится обычным явлением во взаимоотношениях горцев и степняков.

Это примирение произошло не мгновенно. Но уже к рубежу н. э., когда писал свой труд Страбон, здесь торжествуют обычные соседские отношения, отношения чередующихся стычек и долгих периодов спокойствия, а также совместных выступлений против общих врагов. Мы читаем у Страбона: «...горную часть занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся в соседстве и в родстве... и в случае какой-либо тревоги набирают много десятков тысяч воинов из своей среды, так и из

тех народов». Впрочем, «иной раз кочевники нападают на жителей, так что даже мешают им обрабатывать землю»⁶.

Пройдет около 1500 лет, и в бассейне Терека повторится сходная ситуация: русские беглые люди, так называемые гребенские казаки в XVI в., заселят некоторые плоскостные районы Северо-Восточного Кавказа, заселят навечно, навсегда. Они станут на долгий срок непосредственными соседями горцев, вступая в повседневные общения с ними. Видный кавказовед А. В. Фадеев очень образно нарисовал картину этого сосуществования: «Как и всякие соседи, они ссорились друг с другом и мирились, угоняли скот и дарили лихих скакунов, менялись оружием и торговали хлебом, похищали девушек и пировали на свадьбах, запоминали кровных врагов и братались с «кунаками»...»⁷

Обратите внимание на слова древнего географа о сходном образе жизни, о соседстве и родстве горцев с сарматами. Так это и стало в результате многолетних взаимосвязей. И уже все чаще не отравленные стрелы посылают друг в друга соседи, а век от века обмениваются лучшими достижениями своих культур и быта, обогащая собственную жизнь за счет полезных заимствований.

Об этом в полный голос говорит археология. Она показывает, как кончился затяжной период изоляции. С I в. до н. э. и особенно в начальные века нового летоисчисления в обиход аборигенных племен начинают интенсивно внедряться предметы или чисто сарматские, или полученные через посредство соседей-степняков.

Теперь в погребениях горцев не редкость сарматские железные наконечники стрел, и мечи с прямым перекрестием и кольцевидным навершием, и бронзовые зеркала-подвески (но не разбитые, ибо кавказцы не разделяли взгляда сарматов на магический смысл зеркал). И еще чаще в могилах — бусы, бронзовые и серебряные фибулы, стеклянные подвески различных форм. Они проделали дальний путь от античных городов Причерноморья через сарматские районы и, наконец, попали в глубь теснин Кавказа. Под влиянием сарматов, а возможно, и как следствие этнического смешения кавказцев и сарматов (особенно в пограничных районах) в горы проникли элементы нового погребального обряда: вытянутое на спине положение костяка с такой же ориентацией, как и у сарматов; погребения в грунтовых ямах, обложенных лишь

несколькими камнями — все, что осталось от исконного обычая использования камня для сооружения могилы. Такие богатые могильники, как Таркинский и Карабу-дахкентский в Дагестане и Шушинский в горной Чечне, оставлены, несомненно, местными племенами, но с рубежа н. э. (в отличие от более ранних погребений на этих же древних кладбищах) они принимают смешанный сармато-кавказский облик, отражая соседство и родство горцев и степняков.

Не надо, однако, думать, что культурное воздействие было односторонним и активным лишь со стороны сармато-алан. Степняки также с самого начала впитывали новые черты материальной культуры и навыки от местного населения. В сарматских могилах терско-сунженского междуречья обнаруживаются бронзовые украшения типично кавказских горских форм (перстни, височные подвески, бусы). В глиняной посуде явственно выделяется керамика, продолжающая старые досарматские традиции местного гончарного дела. Поселившись на берегах стремительных каменистых горных рек, сарматы быстро освоили до тех пор чуждое им оружие — пращу для метания подготовленных самой природой снарядов (круглых камней).

Но, пожалуй, самое главное было в том, что скотоводы-кочевники сарматы, попав в земледельческие районы, под воздействием местных племен начали переходить к оседлости и земледельческим занятиям. Это определило появление в степи на рубеже новой эры большого количества новых поселений и укрепленных городищ, причем, как правило, они располагались на местах прежних, разгромленных самими сарматами поселков аборигенов (по берегам Терека и Сунжи). Возможно, тут сказалась какая-то глубокая преемственность, и среди строителей поселений и городищ оказались потомки покоренных сарматами племен, прежде живших здесь. Не исключено и другое: места городищ и более древних поселений совпали случайно. На протяжении веков и тысячелетий часто случалось, что люди избирали одни и те же удобные для жизни места.

Осведомленный Страбон отмечает теперь, что одни из северокавказских сарматов «кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием», а его старший современник Тацит оставил описание главного «города» сарматско-

го племени сираков Успы. Он располагался на высоком берегу реки и был укреплен рвами и стеной из плетней с насыпанной между ними землей. Такая конструкция, по-видимому, была характерна для всех сарматских городов Предкавказья, в том числе и для памятников по Тереку и Сунже (у селений Верхний Наур, Мундар-юрт, Алхана-Кала, Петропавловская и др.).

Тесные взаимоотношения отразились и в языках соседей. Известный специалист по иранским языкам В. И. Абаев установил значительное число древних лексических параллелей между современными вейнахскими и осетинскими языками, из которых многие представляют собой вполне резонные заимствования «иранизмов» в язык горцев из сармато-аланской речи.

Весьма показательно, например, усвоение осетинского слова «фос» (скот) в чеченский («хюнс») и ингушский («фос») языки в значении «добыча». Подобное переосмысление в высшей степени характерно для скотоводческих обществ, где скот составлял главное богатство и, следовательно, наиболее желанную добычу.

Из описаний античных авторов и реалистических рисунков на стенах пантикапейских усыпальниц мы знаем, что кочевники сармато-аланы жили «в кибитках с изогнутыми крышками из древесной коры», перевозя их по бескрайним степям (Аммиан Марцеллин). Появление сарматских орд всегда сопровождалось скрипом тысяч повозок-арб. Стоит ли удивляться, что понятие «арба» выражается у вейнахов (как и у некоторых других народов Кавказа) заимствованным из аланского словом «ворда», как и целый ряд сопутствующих понятий: «семи» — «ось», «тоска» — «ступица», «урх» — «повод», «вожжи» и т. д.

В свою очередь оказавшись на много веков «кавказцами» по месту обитания, по своим политическим и экономическим интересам, наконец, по своему этническому окружению и связям, сармато-аланы усвоили немало элементов местных языков, что и позволяет ныне лингвистам выделять значительный кавказский субстратный слой в языке осетин — потомков древних ираноязычных степняков.

Примеров подобного взаимовлияния и взаимообогащения двух культур можно привести еще очень много. Все они подтверждают, что кровавые распри между соседями

в первых веках новой эры уступили место взаимной лояльности и добрососедским в целом отношениям.

Мир между сарматами и горцами был по нашим понятиям относительным, как и должно быть в эпоху военной демократии с ее высокой военной активностью и лихорадочной борьбой выделяющейся племенной аристократии за обладание большим богатством.

Союзники

И все-таки это был мир. Больше того, оформляются союзнические отношения между кавказцами и сарматами. По ряду причин союз сложился вначале на основе совместных набегов на богатые области Закавказья. Так было, например, в 72 г. н. э., когда Армении и Мидию — Атропатену потрясло грандиозное вторжение, инспирированное Иберией. И если Иосиф Флавий называет в числе участников похода «огромную массу» алан, а Амвросий утверждает, что аланы выступили «вместе с прочими дикими и неукротимыми племенами», то армянская и грузинская исторические традиции единодушны в признании того, что плечом к плечу с аланами сражались кавказские горцы — вейнахские и дагестанские племена.

Первый опыт совместных действий оказался вполне удачным, и победители «возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи» (Иосиф Флавий).

После этого смелого предприятия, показавшего силу и быстроту сармато-горских дружин, Иберия сочла за благо иметь тесные союзнические отношения с населением своих северных границ. В затяжной и многотрудной борьбе против постоянных посягательств со стороны Римской империи цари Иберии не раз обращались за помощью к воинственным соседям, и последние не раз выручали своего богатого союзника. Бесспорно, во всех экспедициях в Закавказье сарматы и горцы преследовали свои корыстные цели: награбленная добыча становилась их собственностью, иберские государи щедро оплачивали своих союзников, а испытывшие на себе тяготы набегов Армения, Парфия, восточные провинции Римской империи были не прочь порою откупиться от врагов «богатыми дарами» (Дион Кассий). Но объективно энергичное участие сарматов и горцев в закавказских коллизиях было

направлено против захватнических устремлений рабовладельческого Рима, и нередко маневренные и отлично вооруженные дружины, явившиеся из-за перевалов, срывали замыслы мировой державы.

Но далеко не всегда аланам и горцам случалось оборонять свою независимость на столь дальних подступах и с такой выгодой для себя.

Начиная с середины III в. н. э., ухудшаются отношения с Иберией, прокладываящей пути для полного забалення горцев на южных склонах Кавказского хребта. С сороковых годов IV в. н. э. орудием грузинской экспансии становится христианская религия, насаждаемая огнем и мечом.

Средневековая грузинская хроника «Картлис цховреба» («Житие Грузии») живописует миссионерскую деятельность «святой Нино», епископа Иоанна и царского зрпстава. Когда их проповеди не повлияли на горцев Центрального Кавказа, то «зрпстав царский пустил в ход немного оружия и силою сокрушил идолы их». Но и эта военная акция не «убедила» горцев. Так как они не захотели креститься, царь (Мирван III.— В. В.) «увеличил им подать». Испытав, таким образом, все прелести предлагаемой им религии, горцы, по словам «Картлис цховреба», «впали в заблуждение и ушли» в высокогорные районы к перевалам на Северный Кавказ. Отметим тут же, что и Моисей Хоренский самой северной точкой успешной деятельности Нино указывает «ворота Аланов», т. е. Дарьяльский проход.

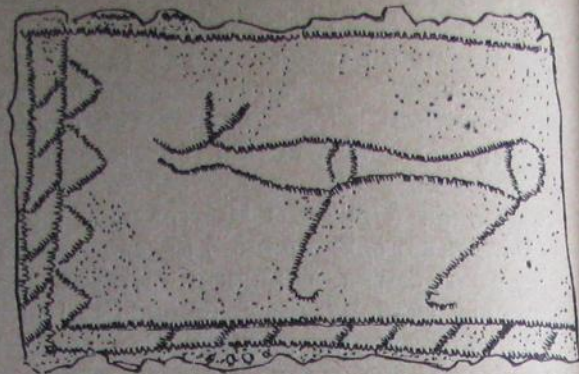
И естественно, грузинские горцы в своем «заблуждении» оказались не одиноки. На помощь им пришли давние союзники, единомышленники и родичи — сармато-аланы и население горных районов Центрального и Северо-Восточного Кавказа.

Грузинский историк Г. А. Меликишвили справедливо отмечает, что причиной сопротивления была «нелюбовь к христианству со стороны правителей Картли и «дикость» горцев», как это нам рисуют грузинские источники. «Религия — средство ликвидации полунезависимого (а для населения Северного Кавказа независимого. — В. В.) положения горцев. Поэтому и защищало себя так ожесточенно население горных областей от чуждой ему, созданной в условиях классового общества и соответствующей ему христианской религии»⁸

В этих битвах крепились взаимосвязи сармато-алан и кавказцев. В них закладывались основы для создания в эпоху раннего средневековья (в V—IX вв.) на Центральном Кавказе мощного объединения во главе с аланами и с участием многих кавказских племен.

Многовековой период враждебных и дружеских отношений горцев и сарматов завершился глубоким проникновением алан в районы Центрального Кавказа. Это привело к сложению современной ираноязычной осетинской народности и сыграло роль в этногенезе некоторых других народов (кабардинцев, балкарцев, ингушей и др.).

Ну, а «речки смерти» Валерик (Валарг) и Мартан? Они и сейчас мирно журчат в засунженских равнинах. Смысл их названий давно утерян в народе и никогда больше не восстановится в своем трагическом и страшном значении. «Топонимические названия как своего рода имена собственные, ничего иного не обозначающие, кроме объекта, за которым закрепились, легко усваиваются другими народами и, таким образом, могут сохраняться в течение тысяч лет», — пишет современный исследователь Б. А. Серебренников⁹. Так же тысячи лет текут и будут течь в Предкавказье две одноименные речушки, названия которых изжили себя еще в глубокой древности, стали безнадежными анахронизмами в устах близких потомков тех, кто оставил на местности мрачное клеймо смерти (4).

Загадка египетских амулетов

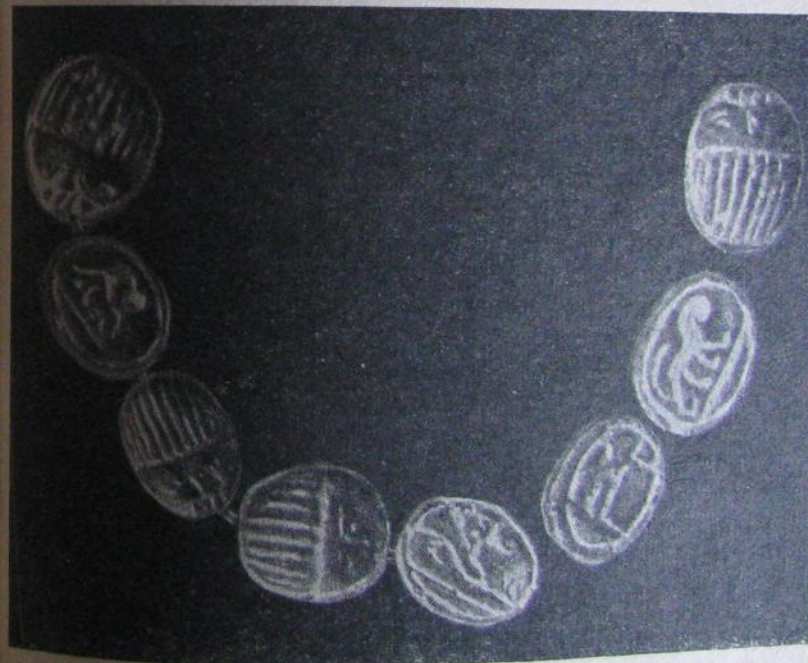
На пути из города Грозного в селение Пригородное много веков высился курган. В 1965 г. он был разрушен при благоустройстве дороги. Ценный археологический памятник мог погибнуть бесследно. Однако неподалеку оказался студент-историк местного пединститута С. Гамаев. Он тщательно осмотрел могильник и нашел здесь сарматскую глиняную чашу-курильницу (сосуд для сжигания ароматических веществ во время отправления религиозных церемоний), обломки золотых серег и богатое ожерелье из разнообразных бус и подвесок.

Знатная сарматская женщина была погребена в кургане около двух тысяч лет тому назад (I—II вв. н. э.). О принадлежности женщины к среде господствующей прослойки в племени говорит набор многочисленных дорогих привозных изделий. Коралловые подвески в ожерелье умершей попали на Северный Кавказ из далекой Индии, а пестрые мозаичные стеклянные бусы — из городов и государств Переднего и Ближнего Востока. Бедняк не мог иметь такие редкие иноземные вещи, цена которых была так же велика, как расстояние, отделявшее

степи и ущелья Кавказа от берегов Индийского океана и Средиземного моря.

Уже сама находка таких украшений в кургане близ города Грозного представляет большой интерес. Но особое значение комплекса состоит в том, что в ожерелье сарматки оказались невзрачные на фоне остальных украшений египетские амулеты в виде навозных жучков (скарабеев).

Египетские амулеты не столь уж частая и всегда волнующая ученых вещь в памятниках Предкавказья. В конце прошлого века небольшие коллекции их были собраны В. Ф. Миллером, Н. С. Семеновым, П. С. Уваровой, Г. А. Вертеповым в горных районах Кабардино-Балкарии (ущелья рек Баксана и Чегема), Северной Осетии (у селений Кумбулта, Рутха, Фаскау и др.), Чечено-Ингушетии (у селения Салги, в ущельях рек Аргуна и Хулхулау). В советские годы египетские амулеты находили А. П. Круглов, Е. И. Крупнов и другие. И все-таки от Дербентского прохода до самых западных притоков Терека можно назвать лишь 20 пунктов, где археологам

Египетские скарабеи с изображениями львов и собак из кургана у селения Пригородного

повезло обнаружить эти загадочные пришельцы из далеких стран.

Исследователь египетского импорта на территории нашей страны Б. Б. Пиотровский пишет, что среди египетских изделий римского периода (I в. до н. э.— III в. н. э.) бывает много скарабеев (в позднее время преимущественно с изображением змеи на брюшке), фигурок богов Беса и Патека, фигурок животных (льва, кошки, крокодила, черепахи), амулетов в форме сердца, глаза («уджа») сжатой руки, подвесок в виде фалла, пронизок с помещенными на них фигурками льва, лягушки и пр.

Набор египетских предметов из памятников Центрального и Северо-Восточного Кавказа в основном тот же. Можно только заметить, что здесь явно преобладают скарабеи и плакетки с изображениями львов. Интересно, что основная масса египетских амулетов найдена в памятниках горных кавказских племен, а меньшая часть — в сарматских могилах степей.

Каждый из названных выше типов амулетов имел в глазах египтян специальное назначение и особую силу. Он должен был охранять его владельца от определенных бед. Черепахи были символами долголетия, статуэтки Беса защищали от колдовства, сглаза и злых духов; изображение льва сулило воину силу и храбрость этого хищника и т. д. Более всего почитались скарабеи.

У египтян навозный жук издревле был символом солнца. Эти жуки искусно лепят из навоза шарики, в перекатывании которых жители Египта усматривали прообраз движения солнца — высшего божества всего существующего. Перед живыми скарабеем, неторопливо катившими свои шарики, в страхе останавливались египетские армии, и если жрецы усматривали в поведении жука какие-то тревожащие знамения, войска и полководцы возвращались назад, прерывая на время поход.

Изображениям скарабеев поклонялись, перед ними совершали богослужения. Они должны были приносить счастье и изобилие человеческому роду точно так же, как солнце приносит свет, тепло и обильные урожаи в долину Нила. В Египте в те времена амулеты носили все от мала до велика. Их надевали даже на животных.

Особенная мода на всевозможные амулеты существовала у египтян на рубеже новой эры. В это время священные изделия из стекловидной пасты стали и важной

статьей экспорта из нильской долины. Огромные стекловидные мастерские в крупных городах Египта — Навсарисе и Александрии — изготавливали сотни тысяч священных амулетов, которые наводнили соседние области и государства и распространились так широко, что теперь мы находим изделия древних египетских умельцев в археологических памятниках Северного Кавказа, Причерноморья и даже Урала.

Далекий путь проделали амулеты, прежде чем попасть в руки кавказцев. Их перевозили корабли и караваны верблюдов, они становились добычей разбойников и военных дружин, их дарили дружественным вождям местных племен и продавали на торговых площадях (агорах) античных городов черноморского побережья. Скарабеи и прочие амулеты необычайно высоко ценились у кавказцев. Ведь иноземные вещи, сделанные неизвестными мастерами и из неведомого материала, всегда вызывают интерес и спрос у других племен. Кроме того, «когда возникает обмен между различными племенами, украшения становятся одним из его главнейших предметов»¹.

Только ли декоративно-эстетические функции выполняли у кавказцев египетские амулеты? Есть все основания для более широкой трактовки факта использования египетского импорта у горцев и сарматов.

Очевидно, религиозные символы египтян оказались созвучными первобытной идеологии кавказцев. Правда, навозные жуки отнюдь не считались священными у абorigенов. Но ведь на тыльной гладкой стороне (брюшке) фаянсовых жучков египтяне вырезали изображения других священных животных (львов, змей, собак, орлов, кошек, лягушек и т. д.). И вот тут-то оказывалось, что эти сопутствующие жукам религиозные символы находили параллели в верованиях кавказцев. Змея, хищная птица (орел), собака, лягушка, хищник породы кошачьих и т. д. пользовались у горцев и их соседей-сарматов ничуть не меньшим почитанием, чем у египтян. Поэтому скарабеем с подобными рисунками и у новых владельцев приписывались различные магические свойства.

Точно так же и в других египетских амулетах кавказцы видели не просто экзотическую диковинку. Фаллические подвески, амулеты в виде частей человеческого тела (руки, глаза), статуэтки безобразного голого Беса живо перекликались с местными символами плодородия

и жизненной силы, были по-своему близки и понятны кавказцам. И если привозные изделия наверняка теряли начальный (египетский) смысл, то они немедленно приобретали новые магические качества, к слову сказать, чаще всего не столь уже и отличные от прежних.

Не всегда, понятно, дело сводится к поискам прямых параллелей, к абсолютному тождеству религиозной символики народов. Вот пример любопытного превращения.

На многих скарабеех есть изображения льва. Кроме того, фаянсовые плакетки с фигурами львов — это вторая по численности группа среди египетских амулетов Предкавказья. Казалось бы, этот египетский религиозный символ должен быть совершенно чужд верованиям древних кавказцев, никогда не видевших львов. В чем же секрет популярности амулетов с изображениями львов?

Обратимся к лингвистике. У абсолютного большинства северокавказских народов (от кабардинцев до дагестанцев) бытует заимствованное тюркское название льва — «аслан». У чеченцев и ингушей лев именуется ныне словом «лом», воспринятым, по-видимому, от грузин. Но тюркское и грузинское заимствования — плоды сравнительно поздней эпохи (средневековья). Мы же знаем, что изображения львов на привозных предметах встречаются в Предкавказье еще с III тысячелетия до н. э. (золотой сосуд из Майкопского кургана). Массовое присутствие египетских амулетов с фигурками львов в древностях римского времени также убеждает в том, что кавказцы были знакомы, если не с самим хищником, то во всяком случае с его изображениями. А если так, для наименования зверя должно было быть какое-то древнее слово, понятие, вытесненное впоследствии тюркским «аслан» или грузинским «лом». И, наверное, именно в этом названии (или названиях) таился некий специфически кавказский смысл.

Поиски вскоре увенчались успехом. В трех дагестанских языках, на которых говорят самые коренные обитатели гор, оказались одинаковые, исконно местные, древние термины для обозначения льва. В лакском языке — это «гiалбарц», в аварском — «гiалбац», в арчинском — «гiалбарци». Буквальное значение этих слов — «гривастый волк», «волк с гривой».

Теперь уже нетрудно понять возможный смысл рисунков и фигурок львов у горцев. Они осмысливались кавказцами как изображения особой породы волков. Волк

же — одно из самых почитаемых животных у кавказских народов и сарматов. Известный знаток местной этнографии П. К. Услар по этому поводу писал: «Волк — самый поэтический зверь в понятиях горцев... Волк идет на бой сильнее, чем он сам; недостаток силы заменяет отвагой, дерзостью, ловкостью; в темную ночь бродит вокруг стада, вокруг аула, откуда ежеминутно грозит ему смерть... Попав в безвыходную беду, волк умирает молча, не выражая ни страха, ни боли... «Волчья ночь», ночь темная, бурная, когда ни волкам, ни молодцам не спится, когда и волки, и молодцы рыщут для разных приключений»² «Гривастый волк», изображенный на египетских амулетах, должен был вселять в его обладателя храбрость, ловкость, силу и прочие достоинства этого зверя. Память об этом сохранилась в почти забытых ныне названиях льва у ряда кавказских народов*.

Таким образом, египетские амулеты во всем их многообразии были для древних обитателей Предкавказья не только ценностью материальной, но еще в большей мере и духовной. И когда человек умирал, с ним опускали в могилу вместе с другими предметами и его амулеты и талисманы. Древние египтяне создали и специальные погребальные статуэтки — «ушебти» (ответчики), которые клались в гроб с покойником, чтобы выполнять вместо него утомительные работы в неземной жизни. Обязанности ушебти изложены в «Книге мертвых», а зачастую и на самих статуэтках. «О, ушебти, если покойный будет определен к работам, чтобы обрабатывать поля, орошать берег, таскать песок, отвечай немедленно за него: вот я, я здесь...» По сути дела аналогичные функции вменялись у кавказцев амулетам и талисманам, которые должны были облегчать и улучшать бытие человека не только на земле, но и в потустороннем мире.

Прошло две тысячи лет... Древние амулеты оказались в руках историков. Они рассказывают нам о межплеменных и международных связях, о культуре и религиозных представлениях древнего населения Предкавказья (25).

* Между прочим, у ираноязычных осетин (потомков сарматов) лев называется словом «домбай», означающим у многих кавказских народов и у самих осетин зубра. В. И. Абаев правильно объясняет, что перенос значения названия «домбай» (зубр) на льва сделан по признаку физической силы и диктуется слабым знакомством осетин со львом. Как видим, картины очень схожи.

Найденные предки

Среди наиболее сложных проблем исторической науки видное место занимают проблемы происхождения народов, их этногенеза. А между тем все народы хотят и должны знать, откуда берет истоки их культура; где, когда и в каких условиях их предки оказались в поле зрения мировой истории.

М. И. Калинин очень точно передал то состояние приподнятости, с которым раскрепощенные Великим Октябрем малые народы Страны Советов вступают полноправными членами в социалистическое братство наций: «С каким восторгом раскованные народы восстанавливают в памяти образы своих эпических и исторических героев... Каждый из них хочет как бы сказать всем народам СССР: смотрите, я являюсь не из чьей-то милости членом великого союза народов, я не человек без роду и племени, — вот моя родословная, которой я горжусь, и я хочу, чтобы и вы, мои братья по труду и по защите лучших идеалов человечества, полюбовались моей родословной...»¹

В восточной половине Северного Кавказа между осетинами и дагестанцами живут два близкородственные народа — чеченцы (самоназвание — «нахчи») и ингуши («галган»). Подчеркивая свое единство, они часто именуют себя общим названием — «вейнахи», что в переводе означает «наши люди». Вейнахи — самая многочисленная группа горского населения в Предкавказье (их более 500 тысяч), но именно она в силу ряда причин остается единственной среди соседей, чья подлинно научная история все еще не написана. Многие стороны прошлого вейнахов сейчас только исследуются, открывая перед учеными неожиданные перспективы.

Я расскажу об одном из эпизодов в поисках древних предков современных чеченцев и ингушей, об открытии, которое немало сулит историкам в их работах над этногенезом вейнахов.

Аксиома и послышки к ее отрицанию

Еще несколько лет тому назад считалось аксиомой, что первые упоминания вейнахов в письменных источниках содержатся в известной «Армянской географии» VII в. н. э. И верно, среди других северокавказских народов в этом очень осведомленном труде названы «нахчаматьяне» и «кусты». «Нахчаматьяне» — это армянская передача самоназвания чеченцев (буквально: «говорящие на языке нахчей», «нахчейязычные»), а «кусты» — несколько искаженное грузинское собирательное название вейнахов горных районов, граничащих с Закавказьем («кисты»).

1300 лет в истории срок немалый, и прав крупный грузинский историк и лингвист И. А. Джавахишвили, говоря, что свидетельства «Армянской географии» устоявливают почтенную давность данных национальных племен. И все-таки эта «почтенная давность» первого упоминания вейнахов выглядит весьма относительной на общекавказском фоне. Так, например, сведения о далеких предках нынешних адыгейцев, черкесов, кабардинцев (известных античным авторам под именами синдов, меотов, зихов, керкетов), осетин (двалах, аланах), ряда дагестанских народов (легах, дидурах и т. д.) по крайней мере на 700—800 лет древнее, нежели скудные упоминания о вейнахах в армянском источнике.

Основанием для такого сопоставления Е. И. Крупнову служило не только созвучие терминов. Археологу удалось проследить неоспоримую преемственность многих черт материальной и духовной культуры обитателей Ингушетии по крайней мере за последние 3000 лет. Очень интересно тонкое наблюдение Е. И. Крупнова над типом парадных головных уборов, составлявших на Северном Кавказе специфическую особенность культуры ингушей. Оказалось, что знаменитый длинный колпак ингушек-галгаек XVI—XVIII вв. («кур-харс») находит едва ли не абсолютные аналогии в памятниках VI—V вв. до н. э. (Луговой и Нестеровский могильники), оставленных в горной зоне Ингушетии современниками гаргареев или ими самими.

Подобные факты глубокой преемственности не только основных элементов культуры, но и характерных ее деталей поистине неопределимы в этногенетических разысканиях.

И все-таки самым важным нужно считать замечание Е. И. Крупнова о фонетическом сходстве термина «гаргарей» с ингушским «гаргар» и чеченским «гергар», означающими понятие «родственник, родня, близкий». Именно этому наблюдению, призванному по замыслу автора подтвердить тождество «гаргареев» и «галгаев», суждено было стать тем ключом, который вместе с данными археологии открыл загадку страбоновых гаргареев, живших где-то в восточных предгорьях Северного Кавказа, по соседству с дагестанскими племенами легов и гелов. Но прежде чем говорить об этом, обратимся к другим, еще более ценным для этногенеза вейнахов положениям труда Е. И. Крупнова.

Озабоченный поисками древнейших упоминаний в письменных источниках предков чеченцев и ингушей, кавказовед не остановился лишь на толковании единственного и ставшего уже традиционным отрывка из Страбона, в котором речь идет о гаргареях. Археолог обратился к тем страницам «Географии», которые до него обходили филологи и историки-комментаторы «отца географии».

И верно, у кого из античных писателей, как ни у Страбона, искать нужные сведения? Глубина и правдивость сообщений географа о Кавказе объясняются не только его широчайшей эрудицией, но во многом и его

биографией. Мать будущего географа была родом из видного закавказского племени цанов — чанов, и сам он пород на южном берегу Черного моря). Немудрено поэтому, что с самого раннего детства Страбон узнал много достоверных сведений о Закавказье, его народах и особенно о Колхиде. Между прочим, правителем Колхиды одно время был дядя матери Страбона — Моаферн, что давало географу завидную возможность получать важные подробности от столь авторитетного лица. Ведь именно о центре Колхиды — городе Диоскуриаде — Страбон скажет впоследствии, что она была «общим торговым центром для народов, живущих выше ее (в горах Кавказа. — В. В.) и вблизи. Сюда сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине, даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно...»²

Словом, Страбон знал Кавказ и его население много лучше всех современных ему античных писателей. У Страбона и нашел Е. И. Крупнов новые интереснейшие данные.

В книге XI «Географии» говорится: «Спускаясь в предгорья, мы вступаем в области, лежащие севернее, но с более умеренным климатом, так как они соприкасаются уже с равнинами сираков. Есть тут некие троглодиты [пещерники], живущие вследствие холодов в пещерах; у них уже и хлеб родится в изобилии. За троглодитами следуют какие-то народы, называемые хамекитами и многолюдными, и селения исадииков, могущих заниматься земледелием, так как живут они не совсем еще на севере. За ними следуют уже кочевники...»

Изучая данный отрывок, Е. И. Крупнов сделал верное умозаключение: поскольку упоминаемые горские племена отсутствуют в обычных перечнях народов на Кавказе, значит они обитали где-то во внутренних районах края, занимая предгорья восточной половины Предкавказья, мало знакомой древним авторам. Кроме того, в контексте «Географии» хамекиты и исадиики соседствуют с описанием гаргареев и дагестанских племен (легов и гелов). Наконец, неоднократные указания географа на занятия земледелием всех этих этнических групп закономерно ассоциировались с фактом развитого земледелия у древних племен Чечено-Ингушетии, устанавливаемым по раскоп-

кам таких выразительных памятников, как Сержень-Юртовские, Алхастивское, Нестеровское и другие поселения раннего железного века.

Напрашивался единственно правильный вывод, что хамекиты и исадики так же, как и гаргарей, имели местом обитания горные и предгорные районы современной Чечено-Ингушетии, а сами названия этих племен были древнейшими именами отдаленных предков определенных вейнахских племенных групп.

Это было важным открытием в кавказоведении. Оно определило направление дальнейших поисков.

Вот они — древние предки вейнахов

Выводы и наблюдения Е. И. Крупнова открыли широкое поле для применения знаний кавказоведов самых различных профилей. В этой всеобщей заинтересованности и таился залог возможного успеха.

Уже в 1963 г. ведущий специалист по вейнахской лингвистике профессор Ю. Д. Дешериев в обстоятельном труде по сравнительно-исторической грамматике чечено-ингушского языка убедительно показал «лингвистическую и историческую неправомерность самоназвание ингушей «гiалгiай» возводить к древнему этнониму «гаргара». Ингушское племенное имя «галгаи» имеет вполне определенное значение — «житель башни, крепости». Его возникновение ни в коем случае нельзя относить к эпохе Страбона, ибо строительство башен и крепостей в горах Ингушетии, как и появление самого этнонима «гiалгiай», — это результат позднего средневековья (XIII—XV вв.).

Разъяснение лингвиста, подкрепленное историческими фактами, положило конец прямому отождествлению страбовых гаргареев и ингушского племени галгаев.

Вместе с тем Ю. Д. Дешериев решительно поддержал попытку Е. И. Крупнова объяснить страбововский термин «гаргарей» посредством чечено-ингушского «гаргар» (гергар) — «близкий, соседний, родственник». В самом деле, этническое название «гаргарей» (как и современные слова «гаргар» и «гергар») является производным от наречия «герга» — близко + «р» (ра) — частица, означающая

Реконструкция по черепу женщины из Нестеровского могильника VI—V вв. до н. э.
(работа М. М. Герасимова)

исходный падеж. Такая трактовка вполне решает вопрос о древнем собирательном имени «гаргарей», под которым в эпоху Страбона скрывались какие-то близкие и родственные племена вейнахской группы.

Но какие конкретно племена?

Е. И. Крупинов предположительно локализовал хамекитов и исадигов в горных районах Чечено-Ингушетии. Для того чтобы окончательно доказать вейнахскую принадлежность этих племен, нужно было найти документально устанавливаемые следы их пребывания в горах.

С 1962 г. довелось и мне заниматься вопросом местонахождения и этнической характеристики исадигов и хамекитов. Началось с того, что я обратил внимание на параллели племенному названию «исадики» в сочинениях других античных авторов. Так, у Плиния некие «соды» названы на Северо-Восточном Кавказе по соседству с дидурами (дидойские племена Дагестана), а у осведомленного географа II в. н. э. Птолемея вблизи тех же дидуров и тусков (тушин) упоминаются «исонды».

«Исадики» — «исонды» — «соды» — все это близко звучащие этнонимы. Они известны трем авторам в одном районе — рядом с дагестанскими и северогрузинскими племенами, т. е. где-то в горной Чечне. По-видимому, здесь мы имеем дело с одним племенем, а некоторая разница в звучании названия не удивительна: античные писатели пользовались сведениями разных источников, а нередко брали их и из вторых рук, что приводило к искажениям.

Не было ли в среде вейнахов когда-нибудь племени с похожим названием? С помощью лингвиста К. З. Чокаева и этнографа И. М. Саидова удалось ответить на этот вопрос положительно.

В так называемой Ичкерии (горные районы юго-восточной Чечни) по соседству с дидойцами и тушипями, т. е. как раз там, где античным писателям были известны селения исадигов — содов, живут чеченцы, ведущие свое происхождение от крупного племени Садой. По вейнахским преданиям, садой некогда владели обширной территорией в горной Чечне и были одной из сильнейших чеченских групп. И сейчас в Ичкерии имеются два довольно удаленных друг от друга древних селения Садой, населенные садоями. Есть тут и «Гора садов» («Садойлам»), а многие, обособившиеся в позднейшее время

родо-племенные группы (тайпы) в Чечне считают себя выходцами из селений и племени садов.

Между прочим, слова Страбона о земледелии исадигов-содов также вполне приложимы и к чеченским садоям. Ичкерия испокон веков была житницей Чечни и Дагестана, здесь расположены самые удобные участки для горского земледелия.

Следовательно, все данные сходятся в том, что между древними исадиками-содами и старинной чеченской тайпой садов существует генетическая связь, отражающая факт по меньшей мере двухтысячелетнего обитания в Ичкерии одного из племен — предков современных чеченцев.

Теперь обратимся к хамекитам. Они в рассказе Страбона соседствуют с исадиками, живут неподалеку от них. Можно ли точнее определить место жизни хамекитов и доказать их принадлежность к вейнахским племенам? Да, можно.

Основа названия «хамекиты» проявляет вполне очевидное сходство с названием крупнейшего ингушского селения в верховьях реки Ассы — аула Хамхи и производных от него наименований — огромной и мощной тайпы Хамхоевых и бывшего Хамхинского общества.

Селение Хамхи и населявшая его тайпа всегда играли выдающуюся роль в истории предков ингушей. Это подтверждается и народными легендами, и историческими свидетельствами, и, наконец, огромным числом археологических объектов, расположенных вокруг древнейшего ингушского аула в верховьях Ассы. Район селения Хамхи лежит на важной перевальной дороге в Грузию, а это немаловажное условие для того, чтобы сведения о его населении через посредство грузинских (иберских) информаторов могли попасть к любознательному Страбону.

Представляется единственно вероятным, что под этнонимом «хамекиты» скрывается древняя вейнахская родо-племенная группа с центром, именуемым Хамхи.

На первый взгляд, трудно говорить о полном тождестве термина «хамекиты» с названием селения и тайпы Хамхи. Смущает лишнее окончание — «ты». Но это первое впечатление.

Появление этого окончания в имени «хамекиты» (хамхита или хамхета) легко объясняется тем, что это название попало к Страбону именно от грузин (иберов).

Во-первых, у грузин — «та» — древний суффикс родительного падежа множественного числа, а во-вторых, окончание — «ети», добавленное к имени народа или племени, издревле служило грузинам для образования названия области или страны (Сван-ети-я, Хевсур-ети-я, Ос-ети-я, Туш-ети-я и т. д.). При использовании любого из данных способов по отношению к местности и племени Хамхи эффект в устах грузин был один. Горцы этой вейнахской группы жили в Хамхети («стране хамхов»), иберские купцы шли по перевальной дороге в Хамхети, дружелюбные отряды воинов приходили на помощь Иберии из Хамхети. На вопрос географа: чьи земли находятся за перевалом на севере, неподалеку от места обитания исадики, — мог следовать ответ: «хамхети» или «хамхита» (т. е. земли хамхов). Отсюда только один шаг до появления в сочинении Страбона названия земли (области), воспринятого далеким от кавказских тонкостей автором как племенное имя «хамекиты».

Неточность «отца географии» можно легко оправдать длинным рядом аналогичных случаев. Достаточно сказать, например, что русское название «осетины» возникло точно по такому же принципу: грузинское имя «страны осов (овсов) Ос-ети (Овсети)» было по недоразумению заимствовано русскими в качестве имени народа («осетины»). То же самое и в именах «кисты», «сванеты» (так именуются сваны в русских трудах XVIII—XIX вв.) и т. д.

Совсем немаловажен в нашем рассказе о хамекитах и тот факт, что в Ассинском ущелье известны поселения и могильники, современные этому племени (у селений Мужичи, Нестеровская, Алхасте). Именно по этим памятникам Е. И. Крупнов установил глубокие корни самобытной культуры ингушских племен, а антропологи (М. М. Герасимов и др.) сделали ценный вывод о единстве антропологического типа древних и современных обитателей района реки Ассы.

Все сказанное позволяет уверенно считать страбовых хамекитов древним вейнахским племенем предков ингушей, имеющим в основе своего имени название местности аула Хамхи в верховьях Ассы.

Итак, исадики-соды и хамекиты на самом деле являются самыми древними (из всех известных) предками определенных вейнахских племенных групп.

А как же термин «гаргарей»? Является ли он племенным названием? Нет, по-видимому, не является. Это имя сродни современному понятию «вейнахи» («наши люди»). Оно отражало смутное еще во времена Страбона сознание родства, близости, единства предков вейнахов на пестром этническом фоне Кавказа. «Гаргарей» — это «близкие, соседние, родственные». Такими и были разобщенные и разрозненные в условиях родового строя вейнахские племена.

Для того чтобы понять, как в трудах Страбона и Плиния появилось это имя, достаточно обратиться к соответствующим этнографическим примерам. Вот один из них.

В Южной Африке европейские исследователи встретили несколько враждующих между собой, отнюдь не единых в политическом и социальном планах, но этнически родственных африканских племен. Каждое из них имело собственное имя, свою племенную территорию. Но на вопросы европейцев: «Кто живет на восток и запад от вас? Кто заселяет савану и джунгли у вас в тылу?» — следовал неизменный ответ: «Бет чуана» («Подобные нам», «Такие же, как и мы»). Воюя друг с другом, обособленные африканские племена все-таки сознавали свое подобие и родство. А в европейских источниках появилось искусственное общее собирательное название — бечуаны, а на картах Африки — область Бечуаналенд.

Точно так же много раз и в различных ситуациях повторенный по отношению к представителям родственных и соседних вейнахских племен термин «гаргар» («близкие, соседние, родственные») превратился в глазах неосведомленных современников в название какой-то этнической общности — гаргарей. К тому же именно на рубеже н. э., в эпоху разложения родового строя и складывания у горцев общества военной демократии, возникали реальные предпосылки для создания союзов родственных и соседних племен. Вейнахские племена гаргареев (хамекиты, исадики-соды, кисты, пахчаматьяне и др.) не были исключением в этом смысле.

Данные археологии вполне согласуются с нарисованной выше картиной. Е. И. Крупнов убедительно доказал, что абсолютно преобладающая часть территории Чечено-Ингушетии (и как раз те районы, где находились названные племена) входила в границы восточного локального варианта так называемой кобанской культуры раннего железного века. Опираясь на всю сумму доступных

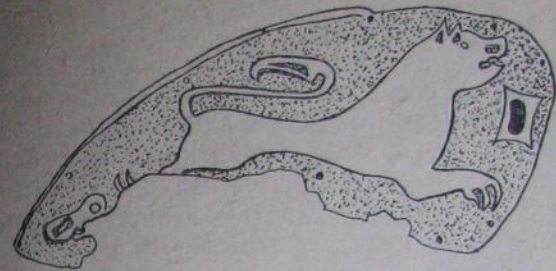
материалов, исследователь сделал вывод, что археологические памятники этого варианта оставлены близкородственными племенами, генетически и этнически связанными с современными вейнахами.

Археологические памятники Чечено-Ингушетии I тысячелетия до н. э. — это могильники и поселения страбонских псадиков-содов, хамекитов; пещерников и других (еще не известных нам по именам) племен гаргареев — предков нынешних чеченцев и ингушей.

В древнехристианской книге «Апокалипсис» есть слова: «...И видел я в деснице у сидящего на престоле книгу... запечатанную семью печатями... И никто не мог раскрыть ее». По этому поводу Гёте воскликнул однажды: «История — вот книга за семью печатями!» Понадобились годы упорных поисков, совместных усилий археологов, историков, лингвистов, этнографов, антропологов для того, чтобы почти на 1000 лет отодвинуть в глубь веков тот рубеж, от которого начинается «историческая пора» в прошлом крупного горского народа Северного Кавказа — вейнахов.

Но это только начало труда, ибо найти самые ранние упоминания предков вейнахов в письменных источниках рубежа н. э. — это значит вплотную подойти к глубокому изучению их экономического строя, общественно-политической и культурной жизни, к воссозданию полной и объективной истории их самих, а также близких и дальних потомков.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». Эти слова великого Пушкина близки каждому из нас. Близки они и современному чечено-ингушскому народу, обретающему на наших глазах свою научную родословную (5, 11, 14).

Архитектура — та же летопись мира...

В эпоху средневековья на Северном Кавказе расцветает каменное зодчество. Обусловленная внутренним социально-экономическим развитием и внешними историческими факторами, опирающаяся на собственный накопленный в веках опыт и усваивавшая достижения других народов, архитектурная мысль здесь воплотилась в строительстве оборонительных башен, замков, крепостей, христианских храмов, мусульманских мечетей, языческих святилищ, погребальных склепов и мавзолеев. Известные уже вам церкви и минареты Тартарупа, эгикальский склеп с фресками — это образцы средневекового зодчества разных народов.

«Архитектура — та же летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни и предания». Эти справедливые слова Н. В. Гоголя, если применить их к памятникам Северного Кавказа, нуждаются, пожалуй, в единственном уточнении: местные народы, как правило, бережно хранят в фольклоре воспоминания о строительстве архитектурных сооружений. И, конечно, от этого летопись края вовсе не проигрывает.

Храм Святого 2 тысяч

В глубине Ассинского ущелья, вблизи горного селения Хайрах, стоит заброшенный христианский храм, известный у ингушей под названием Тхаба-Ерды, т. е. церковь Святого 2 тысяч. Место для него выбрано чрезвычайно удачно. Здесь, в небольшой котловине, сходятся несколько горных долин, образуемых притоками бурной Ассы. С одной стороны равнины — лесистые горы, с другой — дикие утесы причудливых форм; с пригорка, на котором расположен храм, открывается чудный вид во все стороны и виднеются грозные укрепления галгайских аулов.

Впервые храм Тхаба-Ерды был открыт квартирмейстером русской армии Штедером в 1781 г., и с тех пор он неоднократно описывался и русскими, и иностранными учеными. Наиболее точные и подробные описания, обмеры, зарисовки памятника принадлежат В. Ф. Миллеру и Е. И. Крупнову. Основываясь на собранных исследователями материалах, история храма Святого 2 тысяч представляется так.

Его воздвигали в XII в., когда Грузинское феодальное государство переживало период небывалого подъема. При царице Тамаре (1184—1213 гг.) влияние Грузии испытывали многие горские народы и племена. В частности, в пограничные окраины Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии и Кабардино-Балкарии энергично проникало христианство, при помощи которого картлийские монархи стремились укрепить свое господство над местным населением и «приручить» вольницу свободолюбивых и воинственных горских этнических групп. С эпохой прославленной грузинской царицы связаны многие важные события и в истории вейнахов. Тогда же, как рассказывают ингушские предания, был построен и храм Тхаба-Ерды.

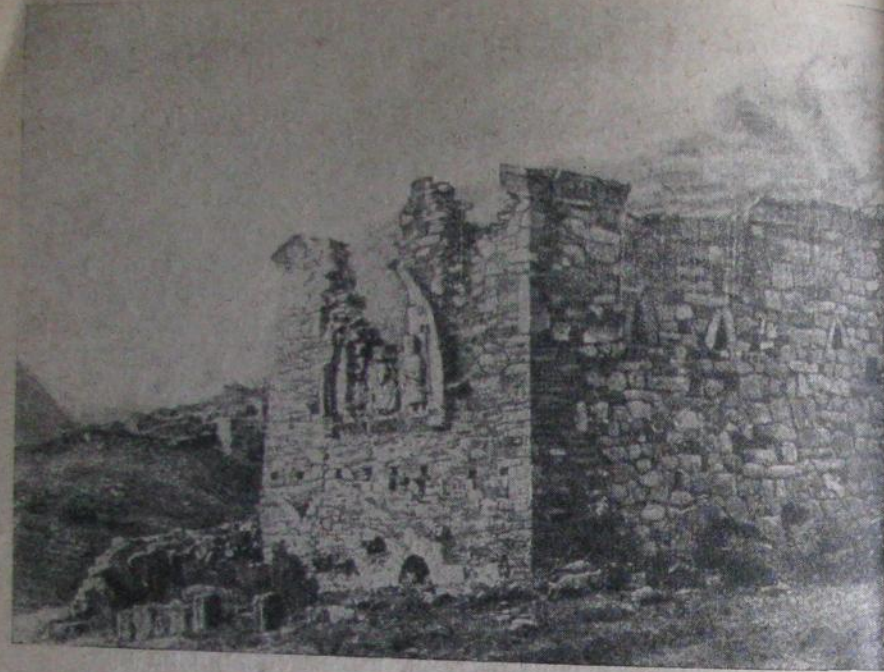
В один из солнечных летних дней в Ассинскую котловину прибыл с юга грузинский епископ вместе со свитой, охраной и опытным зодчим. Он облюбовал живописную возвышенность в густонаселенном районе, и закипела работа. Основной строительный материал (мергель, шиферный сланец) добывали в окрестностях, а из-за хребта на лошадях и мулах все подвозили и подвозили тщательно обработанные плиты из желто-белого извест-

няка, украшенные различными растительными узорами, «илетенкой» и другими типично грузинскими мотивами в архитектурной орнаментике.

Зодчий привез с собой и загодя подготовленную модель будущего храма, который по первоначальному замыслу должен был иметь форму так называемого кресто-во-купольного здания (с крестообразной планировкой и высоким куполом). Однако какие-то причины вынудили в процессе постройки отказаться от сооружения этого сложного и требующего больших архитектурных усилий типа церкви. Вместо обширной церкви с устремленным вверх куполом поднялись на зеленом холме стены куда более простого и скромного прямоугольного здания с одной абсидой в зале, двускатной шиферной кровлей и невысоким куполообразным перекрытием над алтарной частью. Примеры такой эволюции творческого замысла известны в грузинском церковном зодчестве.

Храм имел в длину 16 м и в ширину 7 м. Его внутренность была разделена тремя высокими стрельчатыми арками на четыре неравные части с отдельным входом в каждую. Стены толщиной в 0,75—1 м венчал откос, покрытый изящными орнаментами, выполненными на привезенных из Грузии плитах. Пролет и наличник единственного большого окна, освещавшего алтарную часть церкви, украшали грубо сделанные барельефы, среди которых — женщина с ребенком в руках и человек, борющийся с животным (львом?).

Замечательный барельеф вделан в западную стену Тхаба-Ерды высоко над главным входом. Нижняя его половина включает три мужских фигуры. В центре — человек, сидящий по-видимому, на троне (?), и над его головой на богато орнаментированной массивной плите покоилась каменная модель, воплотившая первоначальный замысел строителя храма. По бокам его двое мужчин. Один держит в левой руке крест, а правую положил на рукоять длинного прямого меча; другой одет в пышное церковное облачение (епитрахиль) и несет на плечах две виноградные кисти. Тут же две надписи на древнегрузинском языке, по поводу содержания которых известный знаток грузинской эпиграфики Д. З. Бакрадзе утверждал: «В одном не сомневаюсь, что церковь построена каким-то Давидом, патроном-владельцем (возможно, эриставом — правителем этого района)... и что, наконец,

Храм Тхаба-Ерды

округом, в котором была построена церковь, заведовал епископ Георгий»¹.

Кто именно изображен на барельефе, сказать трудно. Но не исключено, что сидящий на троне человек, над головой которого поместили модель храма, — это и есть «патрон Давид», чье повеление определило строительство церкви. А по бокам от него знатное духовное лицо (епископ Георгий?) и сопровождавший военачальник, «богожелательные усилия» которого прилагались к насаждению христианства в среде инакомыслящих не только убеждением, но и оружием.

Горцы неохотно отказывались от своих привычных верований, тесно связанных с их жизнью, хозяйством, бытом. Чуждая их пониманию идея единого бога, почитание сына божьего Иисуса Христа, заумные христианские псалмы и сложное богослужение на грузинском языке, конечно, не вызвали религиозного энтузиазма в среде тех, кто еще вчера истово поклонялся столь ми-

Барельеф над входом в храм Тхаба-Ерды (по В. Ф. Миллеру)

лым сердцу первобытного скотовода и земледельца родовым и племенным богам: Чаче — богине воды, Фурке — богине ветра, Кхинче — богине Луны, Делу — верховному богу солнца и неба, Тушоле — богине плодородия и т. д. Капища, святилища, идолы этих своих богов теперь разрушались суровыми пришлыми миссионерами.

Вспомните красочно описанные грузинской летописью первые попытки внедрения христианства еще в IV в. н. э.: «Эристав царский пустил в ход немного оружия и силою сокрушил идолы их...» Сменялись поколения ревнителей

веры, но методы не изменялись. И в этом смысле фигура мужа с крестом в одной руке и мечом в другой на барельефе Тхаба-Ерды в высшей степени символична.

Храм был обнесен каменной оградой с арочными воротами в западной стене. Алтарную часть внутри церкви покрывали фрески, выполненные на бледно-розовой облицовке стен.

Так в сердце горной Ингушетии появился христианский храм, подобный многим церквям Грузии XI—XII вв. Он не был единственным в своем районе. В те же годы в горной Ассинской котловине и в соседних ущельях Чечни были построены и другие грузинские церкви: храмы Алби-Ерды, Таргимский и др. Но все-таки Тхаба-Ерды среди них самый большой и наиболее богато отделанный. Очевидно, он являлся главной христианской церковью в округе. В сущности и название памятника говорит о том же. Было ли это две тысячи дворов или семей или подразумевалась какая-то другая мера исчисления верующих в окрестностях, ясно одно — храм обслуживал значительный контингент горского населения, для которого он был основной религиозной святыней.

Неподалеку от храма находился могильник, по-видимому, одновременный церкви, хотя погребения в нем (судя по раскопкам В. Ф. Миллера) совершены еще по традиционному обряду горцев: в каменных склепах, с обильным вещевым сопровождением. Но как и положено христианской церкви, Тхаба-Ерды стал усыпальницей некоторых наиболее рьяных поборников новой религии. В пространстве между южной стеной храма и оградой обнаружен склеп, ориентированный широтно и без погребального инвентаря, что говорит о христианском ритуале захоронения. В самой церкви найдена красная глиняная плита с надписью: «Христос, спаси Иоанна». Очевидно, она была вделана в гробницу и, возможно, Иоанн — это имя, которым был наречен горец-вейнах после крещения.

Из грузинских источников известно, что в местности Тхаба-Ерды был даже организован монастырь и кафедра епископа.

Однако период процветания храма и его прихода оказался не очень долгим. В XIII в. татаро-монголы нанесли сокрушительный удар по Грузинскому феодальному царству. Залитой кровью, охваченной пожарами, разоренной и поруганной Картли было уже не до горцев. Грузия

переживает длительный общий упадок, который немедленно отразился на ее взаимоотношениях с обитателями северных ущелий и хребтов. В это трудное время прекратилась миссионерская деятельность грузинской церкви среди северокавказских горцев, а уже построенные храмы были оставлены священнослужителями на произвол судьбы. Так случилось и с Тхаба-Ерды. Покинутый грузинами храм вскоре пришел в ветхость и на глазах своих почитателей-горцев стал разрушаться.

Некоторое время новообращенные христиане старались уберечь Тхаба-Ерды от губительного воздействия времени и природы. Но делали они это крайне неумело. Когда верхние части стен стали распадаться, местные жители вновь (теперь уже как-нибудь, как придется) складывали упавшие камни и плиты. Поэтому в верхнем откосе очутились рядом плиты совершенно различных рисунков, а много барельефов, без всякого внимания к изображениям, оказались вделанными в стены как простые камни. В конце концов Тхаба-Ерды подвергся перестройке, придавшей ему типичные черты местного горского строительства. Стены храма в их дошедшем до нас виде сложены уже без всякой системы, вперемежку из различных камней и плит. Входные арки и окна выложены незаконченным ложным сводом, присущим вейнахской башенной архитектуре позднего средневековья. Постоянные «ремонтные» начисто уничтожили фресковые росписи и значительно видоизменили общий облик уникального здания.

Горцы заботились и о церковной утвари, оставшейся в храме. На это указывает, к примеру, древняя грузинская псалтырь XI—XII вв., писанная уставом: она долго хранилась в церкви и была приобретена Г. А. Вертеповым в конце прошлого века. Псалтырь в XVI—XVII вв. чинили, ветхие ее страницы были помещены в новый кожаный переплет с тиснением.

Заброшенный христианский храм постепенно разрушался природой. Этому в немалой мере способствовало и то, что постепенно в среде ингушских племен стало стихать воспоминание о привнесенном из Грузии христианстве. Насажденная извне религия не соответствовала уровню социально-экономического развития горских племен. Христианство — спутник развитого классового общества, государства, а горцы пребывали на начальной ста-

для разложения родового строя. Упорно пропагандируемое христианство в условиях временного вхождения горных районов в сферу политического, экономического и военного влияния грузинской монархии достигло значительных успехов в XII—начале XIII в. Но, если можно так сказать, христианизация горцев была поверхностной, не подготовленной внутренним развитием местных племен. И когда влияние Грузии сошло на нет и христианские догматы перестали получать поддержку сильной державы, предки чеченцев и ингушей закономерно возвратились к своим исконным дохристианским воззрениям, соответствующим их уровню общественного сознания.

Однако христианство не прошло бесследно в идеологических представлениях вейнахов. Многие его образы и понятия влились в местные языческие культы. Надолго осталось в горах и почитание христианских святынь, не истребленное даже мусульманством. Историк Семен Броневский в начале XIX в. писал: «В древнейшие времена ингуши... были христиане и находились в подданстве грузинских царей. Отпавши от христианства, они обратились к древнему своему богопочитанию... и, наконец, приняли ингуши мусульманский закон, но притом держатся еще совокупно языческих и христианских обрядов: едят свинину, содержат посты, празднуют воскресенье и уважают опустевшие церкви»².

Уважали ингуши и храм Святого 2 тысяч. Еще в 1886 г. В. Ф. Миллер слышал рассказы старожил о том, как один раз в год в развалинах Тхаба-Ерды собирались с приношениями жители окрестных мусульманских аулов. Во время торжества горцы варили пиво, резали баранов и быков. Перед пирушкой старики произносили молитвы об урожае, причем по традиции снимали папахи и держали их под мышкой. «Этот культ святыни не что иное, как глухое воспоминание тех отдаленных времен, когда Тхаба-Ерды был приходской церковью окрестных аулов... Церковь с каждым годом разрушается, и, быть может, грозящие падением своды скоро рухнут, так что от этого сооружения первых времен христианства среди горцев останется лишь груда камней»³.

Грустное пророчество В. Ф. Миллера едва не сбылось. С тех пор храм еще более пришел в упадок, исчезли многие барельефы и все грузинские надписи, безвозвратно

утеряна часть каменной модели здания, а стены церкви перерезали глубокие трещины, глядя на которые нетрудно было предугадать скорую гибель Тхаба-Ерды.

«Памятник нуждается в неотложном ремонте и реставрации и давно заслуживает более пристального изучения, ибо по своему значению в качестве источника для местной истории Тхаба-Ерды не имеет себе равных на Северном Кавказе», — писал недавно Е. И. Крупнов⁴.

Это предостережение прозвучало своевременно и повлекло за собою реальные действия. Сейчас Чечено-Ингушский музей краеведения (г. Грозный) с помощью высококвалифицированных архитекторов-реставраторов развернул большие работы по научному восстановлению и изучению этого важного объекта. И, надо думать, что затерявшийся ныне в необитаемых горах храм вскоре вновь станет местом паломничества, но уже не 2 тысяч религиозных горцев, а многих тысяч туристов, краеведов, ученых, желающих познакомиться с одним из свидетелей прошлой истории края и его обитателей (10, 21).

Поездка в «Ущелье жилых башен»

Это было летом 1964 г.... Дремучие чащи буковых лесов остались позади внизу. Но цель едва ли не так же далека, как и в самом начале пути. Нагорный отряд Северо-Кавказской археологической экспедиции временно вверил свою судьбу высокогорным районам Чечни. Друзья и коллеги из двух других отрядов остались на плоскости: Е. И. Крупнов и В. И. Козенкова руководили раскопками в Сержень-Юрте, Р. М. Мунчаев исследовал курганы в окрестностях селения Бамут. А мы в полном соответствии со словами одной из сотен экспедиционных песен «побредли по горам опять древних башен руины искать».

Впрочем, вначале мы не брели, а восседали на экспедиционной машине, которая в требовательных руках шофера натужно стонала, преодолевая подъем за подъемом по горной дорожке, или беззлобно ворчала, как бы радуясь немногим относительно пологим отрезкам пути.

«Чем глубже проникните в горы, тем лучше», — напутствовали провожавшие. Нас и самих манил к себе таинственный уголок Чечни — район озера Галанчож, ле-

гендарная прародина чеченских племен, исторический центр вейнахских народов. Это здесь — в верховьях рек Рошня, Гехи, Фартанга — издревле процветали богатые и многолюдные аулы, славившиеся своей силой и независимостью, гордившиеся древностью родов, населявших их. Район Галанчо́ж — овеянная преданиями Нашха — область, с именем которой, как полагают некоторые ученые, генетически связано и само название чеченцев («нахчи»). Отсюда, как гласит фольклор, выселился легендарный Турпал Нохчуо, родоначальник чеченцев, мудрый и героический вождь народа, чьи свободолюбивые потомки, отстаивая честь земли отцов своих, слагали мужественные напевы о суровой и неприветливой, но самой дорогой их Родине.

И выросли мы на камне,
Где ветер в сердце стучится,
Где снег нависает смертью
Над бедною головой...⁵

...Узкая дорога, на которой разминуться двум автомобилям — нелегкая, а иногда и невыполнимая задача, превратилась внезапно в области субальпийских лугов, не доходя 25 км до озера Галанчо́ж-Ами. Дальше пути нет. Строители лишь только прокладывают вехи маршрута, и путеводная нить для них — древняя дорога-тропа. Сколько всадников проехало по ней, сколько раз нехитрые арбы наполняли скрипом смежные ущелья, и вот теперь чуть заметная на склонах вершин, вьется и петляет заброшенная тропа. Это тропа войны и торговли, путь неоднократных переселений на плоскость из глубин гор и отступления под натиском врагов. Тропа — история и вместе с тем верный ориентир для прокладки современного шоссе, которое навсегда свяжет заоблачный край с остальными районами Чечено-Ингушетии.

Вблизи этой тропы, в ущелье Ажиг-чу и разбил свой лагерь отряд. Мы в Нашхе! Правда, это Нашха вторая, а первая, основная Нашха — выше, дальше, глубже в хребтах.

Утром следующего дня — первое знакомство с местностью. Поднимаемся на близлежащие вершины, пробираемся через девственные луга с травой более человеческого роста или с опаской передвигаемся по безжизненным каменным осыпям. Вокруг — горы. Горы и ущелья, шумно

текущие реки, заглушающие ружейный выстрел. Горы — естественная крепость для людей прошлых веков, потому что на высоком перевале, в темной теснине, на узкой тропе горстка храбрецов может остановить целое войско. Горы — кормильцы, потому что альпийские луга — прекрасные пастбища для скота. Горы — враги, потому что хребты разъединяют людей, а голые скалы — это безземелье, голод, смерть.

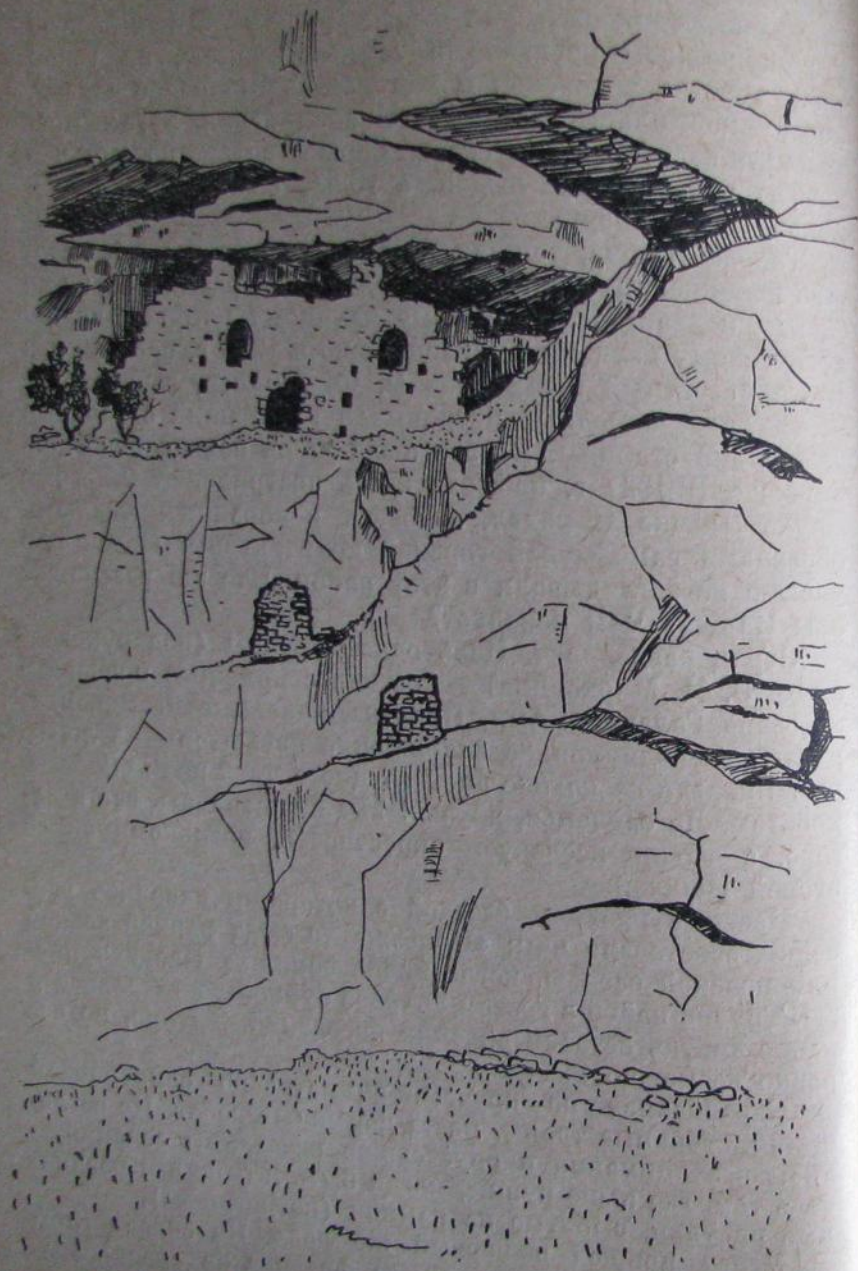
Такова Нашха, таящая историю целого народа, историю ненаписанную и незнаемую, так как район Галанчо́ж еще не подвергался глубокому научному историко-археологическому изучению. Правда, еще в 1886 г. посетил эти места известный кавказовед В. Ф. Миллер, записавший поэтические народные предания и изучивший отдельные памятники старины. Но это была лишь первая рекогносцировка. В 1927 г. побывал здесь австрийский этнограф Бруно Плечке и уехал, навсегда покороенный дивными образцами самобытной горской архитектуры. С тех пор ученые не заглядывали в этот район. Что же расскажет нам Нашха? Чем порадует?

Отряд разделился. Цель одной группы (под руководством В. И. Марковина) — достичь с помощью проводника озера Галанчо́ж-Ами. Палатка, спальные мешки, продукты, экспедиционное снаряжение навьючены на лошадей. Впереди несколько дней трудного пути по безлюдным хребтам. До свиданья, друзья! Мы будем ждать вас в лагере, а заодно исследуем окрестности, познакомимся со второй Нашхой.

Местные пастухи, беседой с которыми начались разведки, советовали нам: «Приезжайте сюда ранней весной или поздней осенью, когда видна земля...» Пастухи правы. Трудно найти в густом покрове буйной растительности какие-нибудь остатки древних поселений. Трудно, но все равно возможно.

Карабкаемся по кручам, внимательно осматриваем осыпи, звериные тропы, места дорожных работ. Не оставляем без внимания и опустевшие развалины селений — ведь там, где ныне руины, могли быть и башни и различные рисунки, выбитые на камнях (петроглифы).

Успех пришел в первый же день. На склоне горы Зерхи-корт было поднято много фрагментов средневековой красноглиняной керамики, остатки железных шлаков и грубые кустарные изделия из металла, пестрая стеклянная

Жилая башня вблизи аула Муцарой

брусина и железный наконечник стрелы. Находки бесспорно свидетельствуют о том, что несколько столетий назад (скорее всего в XIV в.) здесь существовало поселение трудолюбивых горцев. Древности Нашхи заговорили.

На вершине гряды Муши-дук, обрывающейся в соседние ущелья многосотметровыми кругами, найдены остатки крепостного комплекса. Огромные тщательно отесанные глыбы камня — свидетели напряженного и искусного труда создателей укреплений, умелых строителей и опытных воинов. Непрístupная крепость господствовала над местностью и запирала вход в глубокое ущелье, ведущее на плоскость. И это понятно. Плодородные долины Сунжи и Терека испокон веков манили к себе предков чеченцев и ингушей, задыхавшихся от безземелья в горных теснинах. Раздольные просторы степей видны с любой вершины в районе Галанчожа, они заманчиво проступают между громадами гор, там, где хребты разорваны течением бурных рек, вырывающихся на север.

Но недаром жила поговорка у вейнахов: «Предками завещано не селиться ниже военной дороги». Военная дорога — это Предкавказские степи, еще с эпохи скифских походов XVII в. до н. э. ставшие основным маршрутом продвижения воинственных кочевых орд. Самое губительное нашествие связано с именем татаро-монгольских завоевателей. Пришельцы наголову разбили разрозненные племена вейнахов, заперли их в труднодоступных ущельях, не только закрыли им доступ на плоскость, но и предпринимали неоднократные попытки вторжения в высокогорные районы. Препятствовать этим попыткам и должна была, по-видимому, крепость на Муши-дук. Она — передовой форпост в огромном комплексе высокогорных укреплений в Нашхе.

И действительно, ушедшие к озеру наши товарищи, проходя мимо аулов Хайбах, Муцарой, Чармахой, Хили и других, встретились с необычайным количеством средневековых башен — предметом законной гордости вейнахов. Преобладали здесь приземистые древние жилые башни («гiала»), хотя встречались и более поздние высокие, стройные боевые стрельницы. Около старинных заброшенных аулов башен было сразу по нескольку штук. На скалистых утесах, над безднами пропастей выселись они. Вели к ним едва заметные извилистые тропы, доступные только смельчакам.

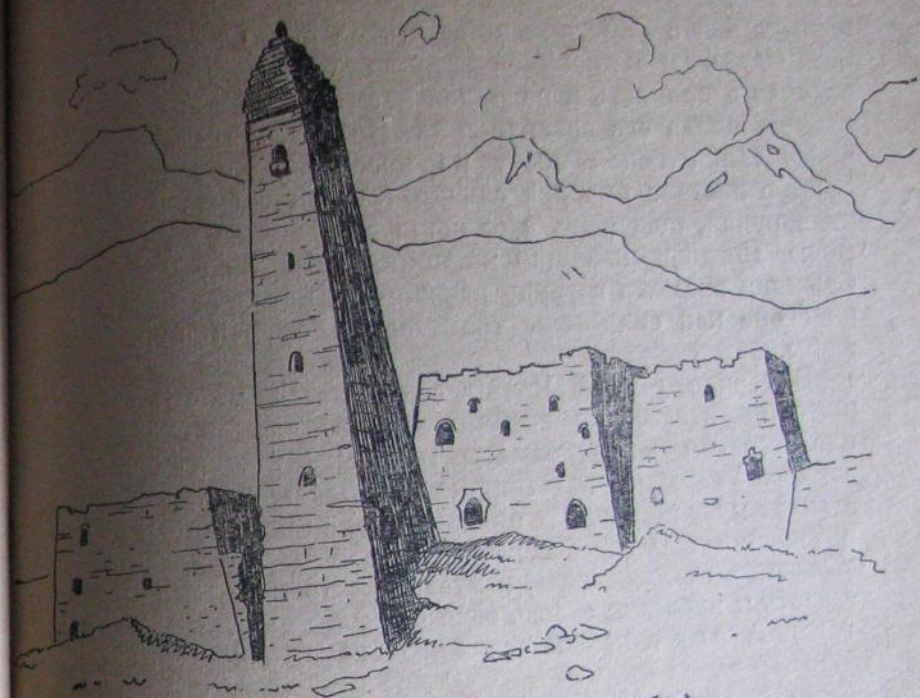
Башни... Им обязана своим вторым названием и сама местность. Ведь «Галанчож» — это буквально «Ущелье жилых башен».

Время возникновения башенных построек и исторические условия, породившие их, еще далеко не ясны. Сумма всех известных ныне фактов как будто бы доказывает, что древнейшие «гала» возникли на заре эпохи позднего средневековья, в страшное время нашествия татаро-монголов.

Недаром живет у вейнахов мудрая поговорка: «Отступить перед неизбежным поражением — это не трусость». Чеченские роды и племена укрывались в горах, и угроза поголовного истребления вынуждала их употреблять все силы на строительство каменных убежищ. Так, вместо легких турлучных построек и простых каменных саклей склоны гор обросли двух- и трехэтажными башнями, сложенными из массивных камней и приспособленными для длительной осады. В дальнейшем башни стали обязательным атрибутом вейнаховских тайпов в условиях разложения родового строя, приводящих к вспышкам межродовой вражды. Ни сил, ни времени не жалели горцы для строительства башен, и каждое из укреплений — подвиг древних зодчих.

Вот огромная «гала» близ селения Мударой. Она устроена в скальной нише горы Нашхой-лам и в настоящее время абсолютно недоступна, так как находится на высоте 15 м, на отвесном обрыве. Но как же построили это мощное каменное сооружение, длина фасада которого 12, а высота не менее 9—10 м? Решение этой головоломной строительной задачи делает честь безвестным архитекторам.

При возведении башни использовались деревянные лестницы. Они привязывались к каменным тумбам, расположенным ниже самой постройки по краю скалы. Стоя на верхушке лестницы, мастер подготавливал небольшую площадку для тумбы. Затем ему подносили камни и, намертво скрепленные известковым раствором, они создавали своеобразный «бык» для настила следующего пролета этого хитроумного сооружения. Тумбы располагались так, чтобы переброшенные между ними лестницы составляли зигзагообразную искусственную тропу к скальной нише. По этим сходням и доставлялись наверх глыбы и плиты для постройки трехэтажной башни. А когда прочные сте-

Боевая башня в окружении жилых башен (аул Хайбах)

ны с бойницами нависли над обрывом, башня стала фактически неприступной, так как убрать лестницы-сходни — дело одной минуты, а навести новую искусственную тропу под огнем защитников башни едва ли было возможно.

Мударойская жилая башня — одна из десятков обмеренных, сфотографированных и тщательно описанных средневековых укреплений в окрестностях озера Галанчож-Ами. Много их сохранилось здесь, но еще больше погибло. Войны, землетрясения, горные обвалы на протяжении веков разрушали и уничтожали архитектурные памятники. Однако обширные руины горных аулов, ча-стокол сохранившихся башен, стен, укреплений со всей очевидностью свидетельствуют о бурно пульсировавшей тут некогда общественной жизни.

Со многими строениями Нашхи связаны легенды. Одна из них, приуроченная к остаткам замка, прилепившегося, подобно ласточкиному гнезду, к скалам в верховьях реки Гехи, гласит, что в отдаленные времена жил

в замке некто Гарч с женой. Он был прославленным воином. Однажды отправился Гарч за добычей в другой аул, но упал в пропасть и разбился насмерть. А жена с нетерпением ждала его возвращения. Но вот увидела она, что внизу толпа людей несет на носилках труп ее мужа. Быстро достала она два савана (себе и мужу) и, держа их в руках, бросилась с балкона замка вниз на носилки мужа. Погибла любящая женщина, а замок обратился с течением времени в груды развалин. Уцелел лишь балков на скале как свидетель трагической смерти преданной жены.

В сердце горной Чечни сохраняется много легенд, преданий, песен, воспевающих верность, самопожертвование, героизм и трудолюбие горянок — подруг суровых воинов. Уважение к женщине оказалось сильнее патриархальных мусульманских предписаний, низводящих ее до положения жалкой бессловесной рабыни. Только люди, свободные от влияния унижительных догм ислама, могли создать и пронести сквозь века строки, подобные тем, что находим мы в одной из старинных народных песен:

А наши любимые скажут:
«Мы ждали вас с битвы так долго,
Ждала я — и вот я целую, —
Ждала я, не смела устать

.....
Я дам ему рог с аракою,
Айрану и турьего мяса,
Я косы отрежу, чтоб косы
Пошли на его тетиву,
Сама наточу ему шашку,
Когда он уснет утомясь.
А если он ранен и стонет,
И кровью он моет траву, —
Спою ему песню и песней
Заставлю рану закрыться,
Напомнив о том, что весь род его
Вольный и боевой,
О том, что родился он ночью,
Когда щенилась волчица,
Что имя сыскали утром,
Под барса рев заревой»⁶.

(Перевод Н. Тихонова)

Это песня о Нашхе, о борьбе ее вольных детей-горцев с иноземными феодалами-поработителями. Это песня о нестигаемых людях, застроивших глухие ущелья тысячами каменных башен. Это песня о чистоте сильного и гордого чувства — любви и уважения к женщине.

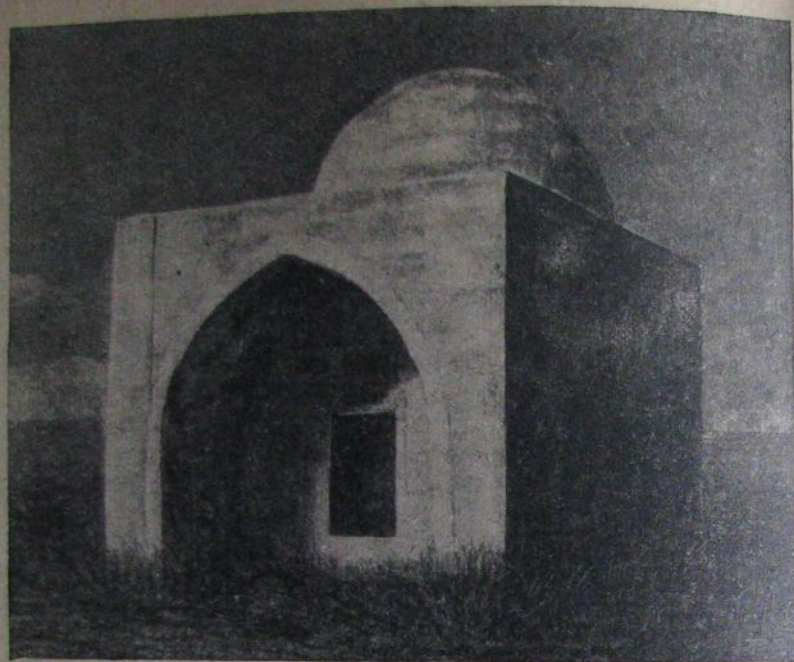
«Хороший стиль кроется в сердце», — говорил Дидро. Много видевшая и пережившая, много выстрадавшая и создавшая Нашха в сердце каждого своего сына и дочери таит прекрасный стиль — будь ли это творения древних архитекторов, чудесные родники народной поэзии или страницы героической борьбы за независимость, будь ли это напряженный творческий труд наших современников — колхозных животноводов или дорожных строителей, пробивающих сейчас шаг за шагом путь в страну альпийских лугов, в заповедник прошлого, в крупнейший экономический район интенсивного скотоводства в настоящем.

Горное эхо далеко разносит грохот дорожных работ. Оно напоминает, что наша поездка затронула лишь некоторые районы Нашхи. Надо готовиться к дальнейшим изысканиям, когда дорога, проложенная умелыми руками потомков древних зодчих, пройдет еще дальше, в глубь «Ущелья жилых башен» (21).

Мавзолей на холме

Он виден издалека, за много верст — небольшое белое пятнышко на пологом склоне серого безлесого холма — одного из отрогов Сунженского хребта. Путник не пройдет мимо него, а, поднявшись по проторенной в веках тропе, обязательно осмотрит этот прекрасный памятник старины вблизи современного ингушского селения Плиево. Давно пишут о нем путешественники и археологи, а местное население хранит замечательные циклы легенд, связанных с этим историко-архитектурным объектом. Каменный мавзолей именуется в народе Борга-Каш, что означает «Могила Боргана». Он является единственным по стилю на всем Северном Кавказе. История его интересна и во многом загадочна.

Мавзолей представляет собою изящное сооружение в стиле восточных мусульманских надгробий. Он имеет прямоугольное основание, гладкие стены и полукруглый

Мавзолей Борга-Каш

купол, увенчанный некогда металлическим шпилем. В куполе две прямоугольные отдушины, обращенные на восток и запад. С южной стороны мавзолея сделана стрельчатая арка, в глубине которой устроен невысокий вход, ведущий внутрь надземной камеры. Над входом — три плиты с арабскими надписями. Надземная камера мавзолея освещена слабо; свет проникает в нее через вход и отверстия купола. Свод полукруглый. В каменном полу мавзолея сделано овальное отверстие, через которое можно проникнуть в подземную гробницу. Она имеет прямоугольное основание, полукруглый свод и четыре арки. Площадь основания мавзолея $4,13 \times 5,56$ м, высота надземной камеры 3,18 м. Стены мавзолея и купол сложены из плотного белого камня с чуть желтоватым оттенком. Каждый камень тщательно и чисто обтесан, кладка точная, камни идут правильными рядами с прекрасной подгонкой. Архитектура памятника строга и проста, что создает особую красоту его очертаний.

Погребения, находившиеся в подземелье, разграблены, ныне остались лишь отдельные части человеческих костей, беспорядочно разбросанные по камере.

Начиная с XVIII в., в ученых кругах шел спор о сохранении плохо сохранившихся арабских надписей, венчающих вход в мавзолей. Исследователи Кавказа И. Гюльденштедт, С. Броневский, П. Головинский, Л. Семенов и многие другие пытались прочесть их, понимая, сколько могут значить надписи для исторической характеристики памятника. В 1960 г. ленинградский этнограф-кавказовед Л. И. Лавров положил конец разнотолкам. Квалифицированно сделанные эстампы позволили впервые точно расшифровать тексты на плитах. Первый из них гласил: «808-й год» (по мусульманскому летоисчислению хиджре, отправным пунктом которого считается 622-й год — время переселения из Мекки в Медину пророка Магомета). На второй плите была надпись: «Бек-Султан, сын Худайнада». На третьей — «да будет постройка свободна от (всего) дурного».

808-й год хиджры соответствует времени с 29 июня 1405 г. по 17 июня 1406 г. европейских календарей. Следовательно, мавзолей был воздвигнут в первые годы XV в. для погребения некоего Бек-Султана, Худайнадова сына. Но кто такой этот Бек-Султан, при каких условиях он скончался, кто построил ему пышную усыпальницу? Эти вопросы и поныне занимают ученых, шаг за шагом продвигающихся к установлению истины.

Страстный исследователь древностей Центрального Кавказа профессор Л. П. Семенов в двух обстоятельных работах собрал воедино богатые материалы, касающиеся мавзолея.

Здесь и собственные археолого-этнографические наблюдения, и свидетельства историков XVIII — начала XX в., и многочисленные народные легенды и предания. Некоторые из них противоречивы, а иногда и просто неверны, но значительная часть позволяет при внимательном изучении сделать важные научные выводы.

Так, самые ранние описания мавзолея в русской исторической литературе содержат устойчивые сведения о богатстве погребений Борга-Каш. Атлас и парча с изображениями пальм, из которых были сшиты одеяния покойных; шелковые одеяла, покрывавшие их; золотые браслеты и другие украшения, виденные в гробнице

окрестными жителями и кое-кем из русских (например, поручиком Бабирюлевым в 1744 г.), — достаточное доказательство незаурядной роскоши захоронений в мавзолее. Широко известное богатство могильника приводило к неоднократным ограблениям памятника и к вспышкам кладочекательства, последняя из которых зафиксирована в 1912 г. Наконец, само сооружение монументального и величественно оформленного мавзолея в степном районе, куда доставлен издалека строительный камень, красноречиво говорит об общественной значимости и состоятельности его заказчиков.

Мавзолей Борга-Каш был фамильным склепом какого-то знатного рода тюркоязычных кочевников — мусульман. Недаром поиски аналогий ему ведут нас не к горским погребальным склепам, а в сферу восточной мусульманской архитектуры, представленной великолепными образцами в Средней Азии и в Крыму.

Многочисленные народные легенды и письменные источники, собранные Л. П. Семеновым и недавно вновь проанализированные местным историком М. М. Базоркиным, связывают строительство и использование мавзолея с крымско-ногайскими племенами, кочевавшими некогда в степях Предкавказья. Да и в самом названии памятника (Борга-Каш) запечатлено народное представление о нем, как об усыпальнице борганов — выходцев из Крыма. Грузинский географ XVIII в. Вахушти Багратиони именует Суижу по населению ее берегов Борганской рекой (Борагнис-Цкали) и называет у ее впадения в Терек селение Борагни (современное Брагуны).

Но нельзя ли точнее определить, кто такой погребенный в склепе Бек-Султан и какие конкретные события предшествовали появлению на сунженском отроге этого мавзолея?

Ответ на эти вопросы надо искать в исторической обстановке конца XIV — начала XV в., т. е. во времена жизни и смерти Бек-Султана.

В 1361 г. ханом Золотой Орды стал Мамай. Пытаясь возродить былое могущество пришедшего в упадок государства, он проводил энергичную политику укрепления отдаленных периферий Золотой Орды. Крымские улусы (откуда и вышел новый повелитель) быстро познакомились с жесткой хваткой Мамай, сломившего на время агрессивные устремления местных феодалов. Тогда же к предгорьям Северного Кавказа двинулись многочислен-

ные ногайские и отдельные крымские племена — защитники золотоордынских интересов в этом беспокойном и стратегически важном крае.

После свержения Мамай в 1382 г. ногайские орды становятся вассалами его преемника на троне в Сарая — хана Тахтамышша. Как союзники этого правителя ногайцы участвовали в грандиозной битве 1395 г. у стен богатого города Татартупа со среднеазиатским эмиром Тимуром. Золотоордынское воинство было разгромлено, Татартуп взят, а ногайские племена без меры вкусили участь поверженных врагов тимуровских полчищ. Ногайский фольклор полон воспоминаний об опустошительном походе Тимура, истребившего цвет ногайских орд. Понадобились годы, чтобы золотоордынские вассалы оправились от потрясения. Но теперь уже общее положение изменилось.

Влияние Золотой Орды на Северный Кавказ окончательно подорвано, местные золотоордынские города (Татартуп, Джулат, Маджары) опустели или вовсе заброшены, военная сила ногайских орд временно истощена.

Предание, записанное Ф. С. Гребенцом (Панкратовым) в 1913 г., сообщает, что в мавзолее Борга-Каш первоначально был похоронен властелин Татартупа Боргахан — один из предводителей ногайских племен Золотой Орды, который переселялся из Татартупа на восток, к месту слияния Терека и Сунжи и умер в пути. А в ногайской поэме «Мурза Эдыге» говорится о Султানে Беркихане, властелине Татартупа, и описываются ужасные последствия разгрома Тимуром Тахтамышша. Сопоставляя эти имена, донесенные фольклором, с доподлинно точным именем погребенного в мавзолее — Бек-Султан, сын Худайнада (из племени борганов), можно думать, что все они относятся к одному человеку и что мотивы появления мавзолея в легенде, очевидно, близки исторической истине.

Это событие можно увязать с периодом, последовавшим после сокрушительного похода Тимура, когда назрела необходимость перенести ханскую ставку из Татартупа в иное место.

Вспомним, что по археологическим данным Татартуп («Стоянка татар») к концу XIV в., а вернее, после победы Тимура, теряет свое былое значение, превращаясь в захудалое поселение, живущее воспоминаниями прежней славы.

Не исключено, что предание донесло до нас описание действий ногайского хана, а ханом этим мог быть именно Бек-Султан, сын Худайнада — представитель ногайской знати, переживший нашествие враждебных орд.

Ныне Борга-Каш — единственный в своем роде погребальный памятник во всем Предкавказье. Однако сравнительно недавно, в XVIII—XIX вв., подобные мавзолеи высились еще среди развалин крупного золотоордынского города Маджары, расположенного на реке Куме, близ современного города Прикумьска в Ставропольском крае. Они сохранились до наших дней лишь в рисунках путешественников.

Город Маджары находился в центре ногайских кочевий и, надо думать, каменные мавзолеи в нем были гробницами ногайских ханов — предшественников Бек-Султана.

Во всяком случае, ясно, что только очень веские причины (разгром и запустение прежних городов-ставок) могли понудить Бек-Султана к возведению своего мавзолея далеко в степи, в затеречье, на территории кочевий ногайских племен.

Во времени своей смерти и погребения в 1405—1406 гг. Бек-Султан, его род и поданные, по-видимому, несколько оправились от боевой неудачи, от разгрома и отступления, так как строительство монументального склепа возможно, пожалуй, только в спокойных мирных условиях при соответствующем благополучии экономического положения подвластных племен.

Воздвигнутый первоначально как гробница ногайского хана Золотой Орды, мавзолей продолжал использоваться знатью тюркоязычных племен и впоследствии. Упадок Золотой Орды и усиление в первой половине XV в. независимого Крымского ханства привели к притоку в обезлюдевшие после нашествия Тимура степи Предкавказья новых орд татар-крымцев — близких родственников ногайских племен. Большое число погребенных в мавзолее Борга-Каш (первый из русских, повидавший его, говорит о двадцати трупах) свидетельствует о долговременном использовании склепа, получившего в народе название не по имени первого погребенного — ногайца Бек-Султана, а по названию племени борганов, игравшего видную роль среди тюрков и вейнахов бассейна Терека в XV—XVI вв.

Время и люди разрушили до основания маджарские усыпальницы ногайских ханов, и теперь мавзолей Борга-Каш на холме Суинженского хребта остался единственным свидетелем высокого развития погребальной архитектуры у ногайских и родственных им тюркоязычных племен в Предкавказье.

Одна из арабских надписей над входом в мавзолей гласит: «Да будет постройка свободна от (всего) дурного!» Кто знает, думал ли безвестный зодчий-строитель изящного мавзолея и его тщеславный заказчик только о религиозном смысле заклинания или в этой общепринятой формуле отразилась и слабая надежда, что белокаменное творение неизбежно устоит в веках, вызывая восхищение и удивление потомков? Как бы то ни было, трогательное обращение не спасло гробницу Бек-Султана и его преемников от кощунственных поплзновений будущих поколений. Мавзолей неоднократно страдал и от рук «неверных» осквернителей мусульманской святыни, и от действий фанатиков-магометан.

Погребальная камера и сам холм, на котором стоит усыпальница, много раз подвергались разрушительным хищническим «раскопкам» кладоискателей, полностью ограбивших захоронения и сравнявших с землей каменную ограду, которой был первоначально обнесен мавзолей.

В 80-х годах прошлого столетия владикавказские молодежи, не найдя золота и разочаровавшись в своих ожиданиях, вылили в подземелье бочонок нефти и подожгли склеп.

Однако, как это ни странно на первый взгляд, окатание и заботы местного мусульманского населения, оказываемые памятнику, были для него не менее губительными. Неумелые реставрации мавзолея привели к полному и безвозвратному уничтожению цветной росписи, покрывавшей до 1876 г. внутреннюю часть надземной половины склепа. Грубая цементировка, покраска наружных стен в голубоватый цвет и деревянный забор вокруг мавзолея испортили внешний вид строгого здания.

Ныне мавзолей Борга-Каш взят под государственную охрану и учтен как уникальный архитектурный памятник Северного Кавказа, как ценнейший источник изучения эпохи позднего средневековья в Предкавказье. Нужно лишь пожелать быстрой и профессиональной реставрации этого замечательного археологического объекта (18, 27, 29).

Джерах — ущелье орлов

Ковер буйных субальпийских трав, красота могучих вершин, неистовый свинцово-белый поток Армхи на дне теснины, плавное парение могучих орлов, пьянящий горный воздух — таково Джерахское ущелье, один из исторических центров вейнахов. Когда впервые люди оценили по достоинству этот живописный уголок Кавказских гор? Когда освоили они удобную и естественно защищенную горную долину, стали использовать подготовленный самой природой путь, ведущий от основной дороги через Кавказ — Дарьяла — в глубь вейнахских ущелий и дальше в Закавказье?

Уже в знаменитой «Армянской географии» VII в. н. э., приписываемой Ананию Ширакаци, наряду с упоминанием многих горских племен — предков современных народов Северного Кавказа — названа и река Арма (Армна), характеристика которой может быть вполне приложима к Тереку и его крупному притоку справа — реке Армхи. На языке ингушей — «хи» — «река, вода», значит, название «Армхи» — это и есть «река Арм» или «вода Армы» (т. е. «вода, питающая Арму»).

Тринадцать веков, прошедшие с момента первого упоминания в письменном источнике реки Арма, — срок значительный, но история населения Джерахского ущелья куда древнее.

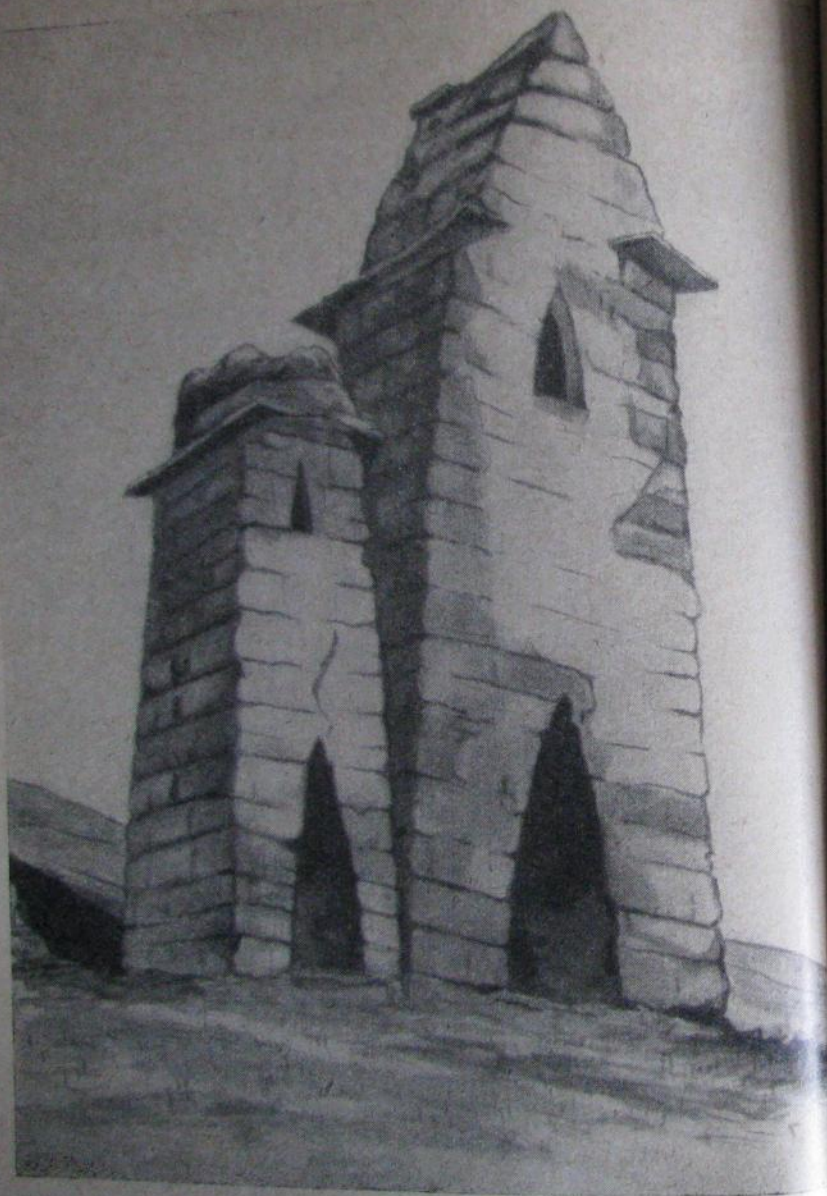
Много лет изучают ученые богатые памятники старины в долине Армхи, записывают поэтические народные предания и легенды, в научных публикациях доносят до широкого круга соотечественников вести о яркой культуре и героической истории ингушей и их предков.

Правда, наиболее ранние эпохи представлены в ущелье лишь единичными находками, но каждая из них — будь ли это бронзовый нож из окрестностей аула Гоуст или фрагменты лепной орнаментированной керамики, обнаруженные близ устья Армхи, — весьма ценны для исследования прошлого края.

В 1927 г. недалеко от селения Джерах, в лесистой местности, на взгорье, в развалинах древнего святилища профессор Л. П. Семенов нашел бронзовую фигурку оленя. Благородное животное изображено, запрокинув на спину ветвистые рога и повернув назад уши, как бы прислушиваясь к шороху близкой опасности. Олень имеет удлиненные, переходящие в острие ноги и петлю на брюхе, предназначенную для подвешивания колокольчика.

Около 3000 лет тому назад древний мастер отлил фигурку для какого-то ритуала, и теперь, спустя тысячелетия, мы любимся созданием его рук, восхищаемся мастерством обработки металла у племен кобанской культуры. А изображение оленя получило как бы вторую жизнь. Не в тесных стенах пропитанного благовониями святилища, где жрецы вершили свои красочные и бесполезные церемонии, а на страницах научных изданий Владикавказа (ныне Орджоникидзе), Москвы, Кембриджа, в экспозиции Чечено-Ингушского музея краеведения джераховский олень стал известен людям как один из символов оригинального древнего искусства горцев Кавказа.

И само святилище, в руинах которого многие века пролежала фигурка оленя, подобно десяткам других культовых памятников ущелья Армхи, стало предметом научного изучения. Святилищ таких много, они — у каждого селения, у каждого брошенного аула и замка. Слишком трудно и опасна была в прошлом жизнь горца, слишком много непонятого и необъяснимого предлагала природа его взору.

Столпообразное святилище у аула Эрзи

Губительные, все сокрушающие горные обвалы подстерегали его в пути. Снежные бураны заносили зимой сакли и грозили уничтожить не только стада скота, но и самого человека. Каждый клочок земли в горах, удобный для посевов, — уже счастье, но часто иссушающие землю засухи предвещали жителям гор смертельный зимний голод... Все это и многое другое побуждало человека искать призрачного спасения в заклинаниях и молитвах, заставляло его строить святилища и храмы.

Иногда святилища обширны и фундаментальны, как, например, у селения Салги, где высится храм площадью в 50 м^2 и высотой в 4,5 м. Но чаще напоминают они небольшие погребальные домики-склепы, перекрытые двускатной сланцевой крышей (у селений Морч, Эрзи, святилища на Столовой горе). Самые поздние, самые простые и самые массовые культовые памятники — это так называемые столпообразные святилища с прямоугольным основанием и двускатным верхом высотой около 2 м. Они расположены то возле самих селений, то в стороне от них, на труднодоступных возвышенных местах. Бейни-Сели, Эрзули, Мятер-Дела, Маги-Ерды... Много святилищ разбросано по склонам долины Армхи. Много труда людского вобрали они. Много горя пережили вейнахи, наивно обращаясь к божествам своим, моля их о помощи и получая в ответ только равнодушные утешения корыстных жрецов.

Далекie предки были беспомощны и бессильны, сталкиваясь с таинственными силами природы, наблюдая дивные и необъяснимые явления, становясь свидетелями движения светил — солнца, луны, звезд. Они поклонялись всему: небу и ветру, воде и деревьям; они объявляли животных своими тотемами (родоначальниками) и чтили их изображения в бронзе, камне, дереве.

Побывайте в горах — и вы увидите поэму человеческого труда — древние террасы для земледелия. Есть они и в Джерахском ущелье. Громоздятся одна над другой, уходят ввысь узенькие площадки. Они, как змеи, обвивают горы, исчезая в туманной дали. Выровнять склоны, обложить их каменными валунами, принести на своей спине сотни и тысячи корзин плодородной земли со дня поколений, удобрить грунт, напоить его потом нескольких поколений, оберегать каждый колос — вот что значит взрастить в горах хлеб, которого всегда было мало и едва хватало на первые зимние месяцы. И люди делали все

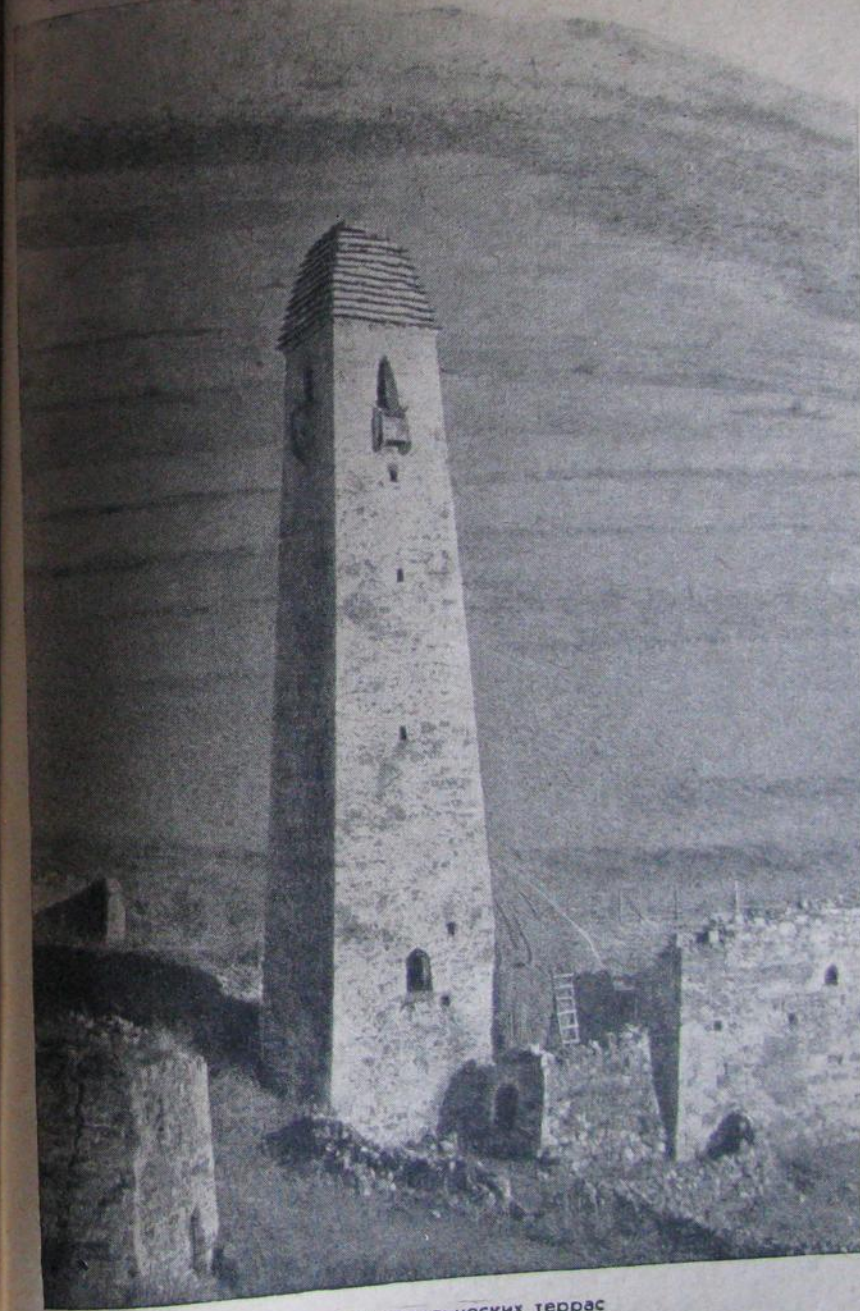
это, изменяя лицо родных гор, бороздя бесконечными террасами почти отвесные склоны немых великанов. Результаты их трудов видны до сих пор.

Шли века. Люди жили, растили детей, создавали культурные ценности. Поколения сменяли друг друга, и труженики-горцы навсегда покидали своих сородичей, уходя в «иной мир». Но даже мертвыми они оставались со своим родом-племенем: по стародавнему обычаю покойников хоронили рядом с их домами, полями, рядом с селением. И не было у горцев большей ценности, чем могилы предков, родная земля.

По словам первого ингушского этнографа Чаха Ахриева, жившего в XIX в., «ингуши, до введения у них исламизма, имели о загробной жизни такие же понятия, как о настоящей земной, т. е. они думали, что там, как и на земле, человек подвергается житейским тревогам и заботам, так же работает, например: осенью жнет по ночам солому на загоне своих родственников, до тех пор, пока последние не сделают по окончании жатвы «марс-порр», т. е. жатвенного ужина... Согласно с такими понятиями о загробной жизни, ингуши и чеченцы смотрели на могильники, как на жилища покойников. Всякая семья старалась иметь семейное жилище для своих покойников, боясь осуждения других за то, что ее «покойники бедствуют, не имея жилища». На фамильные усыпальницы смотрели как на святыни и упоминали их в клятвах»¹.

Джерахское ущелье богато всевозможными могильниками древности. Подземные каменные ящики, полуподземные склены, пещерные захоронения, наконец, большие надземные «каши» («дома мертвых») встречаются здесь на каждом шагу. Далеко не все из этих войнахских усыпальниц изучены археологами, но и та часть, что стала объектом исследования, дала науке неопределимые материалы о многовековом историческом процессе у предков ингушей.

Среди сотен находок историков всегда особенно радуют вещи, свидетельствующие о тесных и интенсивных связях с соседними народами и отдаленными областями. Каждый такой предмет развенчивает миф буржуазной историографии о якобы извечной отсталости и дикости кавказских народов, о замкнутости и враждебной изолированности каждого горского племени. Памятники Джерахского ущелья подарили ученым немало фактов, разбивающих

Боевая башня на фоне земледельческих террас Джерахского ущелья

эти досужие домыслы. Изделия из египетского фаянса, родина которых долина Нила, месоазиатские печати, закавказское оружие, арабские и византийские монеты — все это свидетели тесных связей вейнахов с внешним миром. Но, видно, самые интересные находки еще впереди, ибо ущелье реки Армхи постоянно напоминает о себе новыми уникальными памятниками седой старины.

Три года назад вблизи высокогорного селения Бейни случайно было открыто женское погребение в подземной камере-катакомбе, вход в которую закрывала каменная плита. Богатый набор предметов сопровождал умершую. Два замечательных сосуда из тончайшего цветного стекла были привезены в горы Ингушетии из закавказских ремесленных центров. Бронзовые браслеты, колокольчики, пряжки, несколько перстней, богато орнаментированное зеркальце, металлические ногтечистка и копоушка — все эти необходимые детали женского туалета проявляют полное сходство с такими же предметами из других одновременных могильников аланской культуры раннего средневековья. Сотни разнообразных по форме и расцветке бусин оказались в ожерелье погребенной женщины. И все они не местного производства, а завезены из далеких городов Ближнего Востока.

Тесные взаимоотношения между обитателями долины Армхи и населением южных стран подтвердились и еще одной находкой. В ожерелье женщины были подвески из серебряных арабских монет (диргемов). Они попали сюда от арабских купцов, торговые маршруты которых проходили в Восточную Европу по территории Предкавказья и, в частности, через соседнее Дарьяльское ущелье.

Могла, обнаруженная у селения Бейни, относится к IX в. н. э., и ее интерес заключается не только в ценных находках. Дело в том, что погребения в подземных катакомбах были характерны на Кавказе для алан — предков осетин. Дружеские связи между соседями — ингушами и осетинами — уходят своими корнями в глубь веков. По ингушским преданиям, осетины имели родственников среди населения джерахских аулов, нередко приезжали к ним в гости и подолгу там жили. Случалось, что некоторые умирали там, и там же их хоронили, как, возможно, похоронили аланскую женщину у аула Бейни.

Предки современных ингушей и осетин вместе воевали с врагами, вместе укрывались от опасности в не-

приступных теснинах, вместе торговали с иноплеменниками.

Исторические условия не раз заставляли их бросать пастуший посох и горский плуг и брать в руки оружие, чтобы в кровопролитной борьбе отстаивать свою независимость.

В самом устье ущелья высится стройная Джерахская башня — типичный образец вейнаховской архитектуры. Рядом с ней виднеются развалины других укреплений. Грузинский географ XVIII в. Вахушти Багратиони так описал вход в ущелье Армхи: «Где соединяются эти две реки (Армхи и Терек. — В. В.), там между ними лежит Джариехи, скала большая, ограждающая большую долину, утесистая, и этим она весьма крепка, и построена на ней башня большая со стеной, подобно крепости. И выше этой реки в ущелье, выше этого Джариехи расположена страна, богатая поселениями и строениями»². Географ не ошибался. Дальше — в глубь теснины, в туманной дымке виднеются мощные башенные комплексы и замки близ аулов Гоуст, Бейни, Эбии, Ольгита, и так без конца, вплоть до горной Ассинской котловины — легендарной прародины ингушей. Всмотритесь — и вы увидите, что горные аулы расположены на очень крутых, возвышенных местах или на дне глубоких замкнутых ущелий. Узкие тропинки, ведущие к ним, доступны лишь для всадника или пешехода, но не для арбы. Жилища, как маленькие крепости, сложены из массивных камней. А над ними — башни, строгие и величественные, прочные и неприступные.

В средней части долины Армхи на вершине горы высится отлично укрепленный аул замкового типа, один из древнейших и выразительных памятников такого рода в Чечено-Ингушетии. Его имя — Эрзи, что по-русски значит «орел». Здесь сохранился уникальный комплекс неповторимых в своем архитектурном облике ингушских средневековых боевых башен («виов») в пять и шесть этажей. Первый этаж во всех боевых башнях был глухой, без окон и дверей; он предназначался для содержания пленных. Входили в него через люк из второго этажа. Второй этаж служил для хозяйственных целей и выполнял роль кухни и общей трапезной. Между вторым и третьим этажами был сводчатый каменный потолок. На третьем и четвертом этажах размещались семьи, и отсюда же воины обстреливали врагов через узкие бойницы. На пятом этаже

находились наблюдатели, постоянно следившие за всей окрестностью.

Некогда таких башен было в Эрзи 16, теперь целыми сохранились лишь 5. Они гордо взымались ввысь — над разрушающимся от времени аулом (руины аула Эрзи см. на развороте 2 и 3 стр.).

Боевые башни, появившиеся с XIV—XV вв., составляли основу местной фортификации. И, как издревле положено основным узлам обороны, они в свою очередь защищены целой системой более древних и позднейших строений. Боевые стрельницы воздвигались так, чтобы подступы к ним были закрыты приземистыми и прочными жилыми башнями («гiала»). Штурмующим врагам необходимо было пробиться сквозь лабиринт узких улочек и проходов, между башнями, саклями, стенами, где зачастую и двоим вооруженным воинам невозможно разминуться. Замок-аул был приспособлен для длительной обороны.

День и ночь, в летний зной и в зимнюю стужу дежурили на башнях стражи, подобно зорким орлам вглядываясь в даль ущелий и горных склонов. Они предупреждали об опасности жителей поднебесного аула.

Уроженец Эрзи ингушский поэт Джамалдин Яндиев посвятил родному аулу красивые стихи:

Где я рожден —
в скале гнездо орлицы;

Где я рожден —
обвал гремящий мчится;

Там водопад
кружит чинары лист;

Как сердце матери,
там воздух чист.

Где падает
от древней башни тень,

Когда рождался день,

В счастливый день,
когда кричал олень,

я был рожден³.

Аул Эрзи и впрямь расположен на головокругительной высоте. Может быть, по аналогии с орлиным гнездом он и получил свое звучное название. Но скорее к особенности местонахождения (ведь очень многие аулы сопер-

Бронзовая курильница
VIII в. н. э. из аула Эрзи

ничали с гнездами царей птиц) прибавилось и еще нечто более существенное.

Орел — почитаемая птица у многих народов мира, в том числе и у кавказских горцев. Он — олицетворение спокойной силы, уверенности в себе, стремительности и неотражимости нападения. Сильная хищная птица — любимый персонаж в фольклоре горцев, а ее изображения — частый мотив в орнаментике различных исторических эпох.

В 1931 г. в ауле Эрзи была сделана редчайшая и очень важная находка: бронзовая курильница в виде фигуры орла. Курильница имеет арабскую куфическую надпись, которая начинается с хвалы богу и содержит год изготовления ее (723—724 гг. н. э.). Курильница из Эрзи принадлежит к шедеврам средневековой пластики. Конечно, место производства ее отнюдь не Джерахское ущелье, а ремесленные центры Переднеазиатского Востока. Но весьма закономерно появление курильницы-орла в ауле Эрзи в качестве культового предмета для отправления религиозных церемоний. По-видимому, сильная птица пользовалась особым почитанием местных горцев, возможно, была тотемом (мифическим родоначальником) жителей Эрзи, их божеством и покровителем. Не случайно древняя и многочисленная фамилия Мамилловых — коренных эр-

зийцев — своим гербом имела изображение орла. Не случайно и то, что река Армхи, ревушая глубоко в теснине, получила у соседей-осетин на первый взгляд неожиданное имя «Маккал-дон» («Река коршунов»), а сами ингуши — обитатели ущелья зовутся у осетин «маккал» или «маккалон», т. е. «люди-коршуны». Орел и коршун в орнитологии (науке о птицах) — «близкие родственники», они принадлежат к одному семейству — ястребиных. Следовательно, за осетинским «маккал» и ингушским «эрзи» таятся близкие понятия о пернатых хищниках, особая роль которых в жизни и религиозных представлениях населения Джерахского ущелья оставила неизгладимую память в этих местах.

Туманы бесконечной чередой движутся по теснине Армхи. Они скрывают Эрзи, и далеко не всегда аул виден внизу долины. Но когда туман поднимается и лучи ягучего горного солнца пробивают себе дорогу в ущелье, башни аула выглядят так же сурово и неприступно, как много веков назад.

Вначале комплексы укреплений возводились в целях самозащиты. Затем обладатели башен становились хозяевами положения в своем районе теснины. Они захватывали дуга и сенокосы, преграждали горные пути, получали доход от мыта (пошлины за проезд). Одна пуля или один заряд пороха с путника, по одному барану за прогон отары овец, по одному бревну с каждого воза дров, а с купеческих караванов — долю товаров. Таким «легальным» путем шло обогащение некоторых тайпов.

Но это был не единственный путь. Сознывая свою безнаказанность за толстыми стенами башен и замков, усилившиеся роды не брезговали совершать грабительские набеги на дальних и ближних соседей, угоняли скот, захватывали в плен заложников. Часть слабых тайпов попала в зависимость к сильным — «шла в кабалу», ставшая послушным исполнителем воли новоявленных богачей.

У ингушей до сего дня живут легенды, записанные профессором Л. П. Семеновым, о храбром, но жадном и властолюбивом Дударове, который постоянно враждовал с местным населением, стремясь закабалить ближайшие села. Теснимый горцами, он с небольшой наемной дружиной, пользуясь поддержкой других богачей, переселялся с места на место. Следы его пребывания в Джерах-

ском ущелье — башни и крепкие замки у аулов Харпе, Духоргинт и др. И сколько таких Дударовых знаменовало собой в горах появление зачатков феодализма!

Теперь уже башня не всегда защищала весь аул от врагов. Все чаще в самой башне скрывался враг своих соседей, «патрон» — угнетатель неимущих односельчан. Богатые тайпы, ожесточенно соперничая за большее влияние и власть в округе, стравливали зависимые «вассальные» роды. Все выше взметались башни, и теперь это вызов ближним: мы богаты, у нас самая высокая башня, самый просторный погребальный склеп. И неизвестные умельцы-каменщики строили на скалах чудесные творения, равных которым нет на Северном Кавказе.

Из века в век в горах Чечено-Ингушетии складывался особый архитектурный стиль. Он отличался строгостью композиционных форм, изгнанием всего лишнего. В нем все целесообразно, и эта строгая целесообразность красива. До 30 м высоты достигали боевые башни, построенные на едва доступных вершинах гор.

Тайнства строительства, секреты прочной и красивой кладки (между прочим, цементирующим раствором служила смесь белка куриных яиц, кислого молока и песка) передавались из поколения в поколение, от отца к сыну, от сына к внукам.

Осетины, хевсурь, тушины, пховы приглашали вейнахских мастеров воздвигать замки и башни в своих краях. Про них слагали легенды, а сооружения, созданные их руками, до сих пор высятся в соседних областях, утверждая общее признание строительного искусства чечено-ингушских племен...

Сейчас башни и замки Джерахского ущелья пусты. Люди не живут в них. Аулы перебрались на плоскость — теперь не от кого таиться в заоблачных высотах. Древние строения безмолвны. Только летом ночами загораются их бойницы красными отсветами костров. Это пастухи ингуши, оберегая колхозные стада, варят простую пищу в дедовских котлах. Древние башни укрывают их от непогоды, и тогда вновь под обвалившимися сводами звучат старинные песни и сказания и вновь как будто бы оживает героическая история предков. Впрочем, не только предков. Теперь слагаются и поются песни о великой победе народа, о кровавой войне с белогвардейскими полчищами, о «князе бедняков» Эржикинезе — Серго Орджоникидзе.

который был ингушей и чеченцев, русских и осетин, грузин и кабардинцев в поход за победу власти Советов в горах Кавказа. И еще поют горцы о партии Ленина, принесшей в горы радость и счастье. Герой есть не только в пылкой дымке веков. Они рядом, вместе с нами. Это они — простые труженики и замечательные наши современники — укрывали в горах Серго, вставали грудью на защиту молодого Советского государства, а теперь обеспечивают его силу, мощь, красоту...

Неумолчно ревет поток Армхи. Безмолвно стоят горы. Так было испокон веков, но теперь:

Там, где когда-то братья
Злобно друг в друга стреляли,
Ныне счастливые дети
Разных племен и народов
Лечат свои вехи...
Видят Армхи, как дружно
Люди теперь живут...⁴

Ныне Джерахское ущелье — народная здравница. Целебный воздух горных сосновых рощ, здоровый климат, чудесная природа позволили создать здесь курорт. Из разных концов необъятной нашей страны сюда съезжаются люди, и кто бы ни побывал тут, навсегда унесет добрую память о красивейшем уголке Кавказа, пережившем славную историю, увековеченную в памятниках старины.

Ущелье Армхи с его курортом, буйной природой, уникальными древностями находится всего в нескольких километрах от Военно-Грузинской дороги — важнейшего и излюбленного туристского маршрута через Кавказ. А ведь мало кто из сотен тысяч людей, ежегодно проезжающих по Дарыльскому ущелью, даже подозревает о существовании неподалеку столь замечательного уголка.

И совершенно своевременно призыв крупнейшего кавказоведа, лауреата Ленинской премии Е. И. Крупнова организовать здесь музей-заповедник, чтобы привлечь внимание многочисленных туристов, проезжающих по расположенной рядом Военно-Грузинской дороге, отдыхающих в санатории «Армхи».

Памятники материальной культуры — всенародное достояние. И пусть же древности ущелья орлов Джераха вновь станут на службу любознательному человечеству (2, 26).

Примечания

К главе «К читателям»

- ¹ И. Сельвинский. О времена, о судьбах, о любви. Стихи. М., 1962, стр. 83.
- ² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 118.
- ³ Алим Кешоков. Память истории. Сб. «Согретые камни». М., 1964, стр. 11.

К главе «Встающие из забвения города»

- ¹ А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10 томах, т. 5. М., 1960, стр. 419.
- ² А. С. Пушкин. «Тазит». Собр. соч. в 10 томах, т. 3. М., 1960, стр. 240.

К главе «„Отцы“ наук держат ответ»

- ¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. «Вестник древней истории», 1947, № 2, стр. 250—251.
- ² Там же, стр. 261.
- ³ В. И. Марковин. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия). «Советская археология», 1965, № 2, стр. 172—173.
- ⁴ Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 194.

К главе «И древние гробницы поведают нам...»

- ¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. «Вестник древней истории», 1947, № 2, стр. 295.
- ² Парги. Эпос осетинского народа. М., 1957, стр. 39—40.

- ⁸ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.
- ⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 148—152.
- ⁶ И. А. Бунин. Собр. соч. в 5 томах, т. 2. М., 1956, стр. 386.
- ⁶ В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.). Сб. «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961, стр. 127—128, 135.
- ⁷ Газета «Кавказ» за 1849 год (№ 38). Цит. по: Л. П. Семенов. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал (Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, т. II, вып. 1, история. Грозный, 1960, стр. 51).
- ⁸ Д. А. Авдусин. Археологические разведки и раскопки. М., 1959, стр. 117.
- ⁹ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. «Вестник древней истории», 1947, № 2, стр. 283.

К главе «Когда случайность закономерна»

- ¹ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 112.
- ² Д. Д. Мальсагов. О некоторых непоятных местах в «Слове о полку Игореве». Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, т. 1, вып. 2. Грозный, 1959, стр. 136.
- ³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 315.
- ⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 13.

К главе «„Речки смерти“ и законы жизни»

- ¹ М. Ю. Лермонтов. Собр. соч. в 4 томах, т. 1. М., 1957, стр. 71.
- ² В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. «Вестник древней истории», 1949, № 1, стр. 232, 234.
- ³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.
- ⁴ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. «Вестник древней истории», 1947, № 4, стр. 251.
- ⁵ М. Ю. Лермонтов. Собр. соч. в 4 томах, т. 1. М., 1957, стр. 59.
- ⁶ Страбон. География, XI, III, 3; XI, IV, 5.
- ⁷ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960, стр. 18.
- ⁸ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 128.
- ⁹ В. А. Серебрянников. О методах изучения топонимических названий. «Вопросы языкознания», 1959, № 6, стр. 37.

К главе «Загадка египетских амулетов»

- ¹ Г. В. Плеханов. Письма без адреса. Искусство и общественная жизнь. М., 1956, стр. 119.
- ² П. К. Услар. Кое-что о словесных произведениях горцев. Этнография Кавказа, т. II. Тифлис, 1888, стр. 82.

К главе «Найденные предки»

- ¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1959, стр. 45.
- ² Страбон. География, XI, II, 16.

К главе «Архитектура — та же летопись мира...»

- ¹ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии. Терская область. «Материалы по археологии Кавказа», вып. I. М., 1888, стр. 19.
- ² С. Броневский. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе, ч. 2. М., 1823, стр. 47.
- ³ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии. Терская область. «Материалы по археологии Кавказа», стр. 18.
- ⁴ Е. И. Крупнов. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе. Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, т. XV. М., 1947, стр. 125.
- ⁵ Сб. «Поэзия Чечено-Ингушетии». М., 1959, стр. 64.
- ⁶ Там же, стр. 65.

К главе «Джерах — ущелье орлов»

- ¹ Ч. Ахриев. Ингуши (их предания, верования и поверья). «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 8. Тифлис, 1875, стр. 8.
- ² Вахушти Багратиони. Описание Грузинского царства. Тбилиси, 1941, стр. 117.
- ³ Сб. «Поэзия Чечено-Ингушетии», стр. 187.
- ⁴ Там же, стр. 124.

Литература

1. П. Г. Акритас. Археологические работы в Кабарде в 1954 году. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. X. Нальчик, 1955, стр. 46 и сл.
2. М. М. Базоркин. Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963.
3. В. Б. Виноградов. О скифских походах через Кавказ. Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, т. IX. Грозный, 1964, стр. 21—48.
4. В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
5. В. Б. Виноградов, К. З. Чокаев. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1965, стр. 51—87.
6. А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у сел. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. Краткие сообщения Института археологии АН СССР, № 94. М., 1963, стр. 42—53.
7. А. А. Иессев. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сборник «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 112—131.
8. А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 года. Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, т. I. Грозный, 1938, стр. 3—8.
9. Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. V. Нальчик, 1950, стр. 210—245.
10. Е. И. Крупнов. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе. Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, т. XV. М., 1947, стр. 116—125.
11. Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
12. Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. Сборник «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1964, стр. 186—194.
13. Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952.
14. Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.
15. В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.). Сборник «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961, стр. 62—135.
16. В. А. Кузнецов. Раскопки алавских городов Северного Кавказа в 1962 г. Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, вып. 98. М., 1964, стр. 107—115.
17. Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—первой половине XVII века. М., 1963, стр. 61—74.
18. Л. И. Лавров. Надписи мавзолея Борга-Каш. Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, т. V, вып. 1. Грозный, 1964, стр. 162—163.
19. В. И. Марковин. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия). Советская археология, 1965, № 2, стр. 160—173.
20. В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. Советская археология, 1964, № 1, стр. 158—164.
21. В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. Материалы по археологии Кавказа, т. I. М., 1888.
22. Т. М. Минаева. Археологические разведки в долине реки Сунжи. Сборник трудов Ставропольского пединститута, вып. 13. Ставрополь, 1958, стр. 413 и сл.
23. Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. Сборник «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 139—211.
24. Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии. Советская археология, 1965, № 2, стр. 174—184.
25. Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР. Советская археология, 1958, № 1, стр. 20—27.
26. Л. П. Семенов. Археологические и этнографические изыскания в Чечено-Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
27. Л. П. Семенов. Мавзолей Борга-Каш. Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения, вып. 1. Владикавказ, 1928, стр. 217—232.
28. Л. П. Семенов. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.
29. Л. П. Семенов. Брагунский мавзолей. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XVII, 1956, стр. 146—158.
30. Л. П. Семенов. Памятник древнего культа Осетии. Материалы и исследования по археологии СССР, № 23. М.—Л., 1951, стр. 140—143.
31. Л. П. Семенов. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал. Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, т. II, вып. 1. Грозный, 1960, стр. 46—54.
32. Э. В. Ртвеладзе. Крест-энколпион из Маджар. Советская археология, 1965, № 2, стр. 281—282.
33. Е. М. Шиллинг. Культ Тушоли у ингушей. Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, т. IV, вып. 2. Орджоникидзе — Грозный, 1935, стр. 100—131.

Содержание

К ЧИТАТЕЛЯМ	5
ВСТАЮЩИЕ ИЗ ЗАБВЕНИЯ ГОРОДА	11
«ОТЦЫ» НАУК ДЕРЖАТ ОТВЕТ	38
И ДРЕВНИЕ ГРОВНИЦЫ ПОВЕДАЮТ НАМ...	49
КОГДА СЛУЧАЙНОСТЬ ЗАКОНОМЕРНА	79
«РЕЧКИ СМЕРТИ» И ЗАКОНЫ ЖИЗНИ	93
ЗАСАДКА ЕГИПЕТСКИХ АМУЛЕТОВ	108
НАЙДЕННЫЕ ПРЕДКИ	114
АРХИТЕКТУРА — ТА ЖЕ ЛЕТОПИСЬ МИРА...	127
ДЖЕРАХ — УЩЕЛЬЕ ОРЛОВ	150
ПРИМЕЧАНИЯ	163
ЛИТЕРАТУРА	166

ВИНОГРАДОВ ВИТАЛИЙ БОРИСОВИЧ

ТАЙНЫ МИНУВШИХ ВРЕМЕН

Редактор издательства Л. С. Кручинина. Художник Н. И. Шевцов
Технический редактор Л. И. Матюхина

Сдано в набор 15/III—1966 г. Подписано к печати 30/V—1966 г.
Формат 84 X 108^{1/2}. Печ. л. 5,25. Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 110 000
Изд. № 1057/66. Тип. зан. 403. Т-08426
Цена 50 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосновский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10